ПАТРИК
КОЛУМ

Дети Одина

скандинавская мифология
для юных

magnum ignotum

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Патрик Колум (1881–1972), известный ирландский писатель из окружения Джеймса Джойса, был страстным любителем и популяризатором мифов разных народов. Его «Дети Одина» — это удивительно свежее, пронизанное ощущением юной первозданности и притом кристально ясное изложение чарующе-путаных легенд и сказаний древней Скандинавии. Книга иллюстрирована рисунками талантливого американского художника Вилли Погани (1882–1956), придающими ей особую прелесть. Адресованная подросткам, она может послужить любому взрослому прекрасным путеводителем по лабиринтам германо-скандинавской мифологии.

- Патрик Колум
  - Часть 1
    - Давным-давно в далеких краях
    - Возведение стены
    - Идунн и ее яблоки
    - Золотые волосы Сив
    - Как Брокк наказал Локи
    - Как Фрейя получила ожерелье и как она потеряла любимого
    - Как Фрейр завоевал Герд, девушку-великаншу, и как он потерял свой волшебный меч
    - Хеймдалль и малютка Хнос
    - Предчувствия Всеотца
  - Часть 2
    - Всеотец отправляется к источнику Мимира
    - Одину встречается дурной человек
    - Отец богов добывает для людей волшебный мед
    - Всеотец открывает Видару, своему молчаливому сыну, тайный смысл своих деяний
    - Тор и Локи в городе великанов
    - Как Тор и Локи перехитрили великана Трюма
    - Пир у Эгира
    - Злосчастное сокровище цвергов
  - Часть 3
    - Дурные предчувствия обитателей Асгарда
    - Предатель Локи
    - Локи против асов
    - Валькирия
    - Дети Локи

- Смерть Бальдра
- Наказание Локи

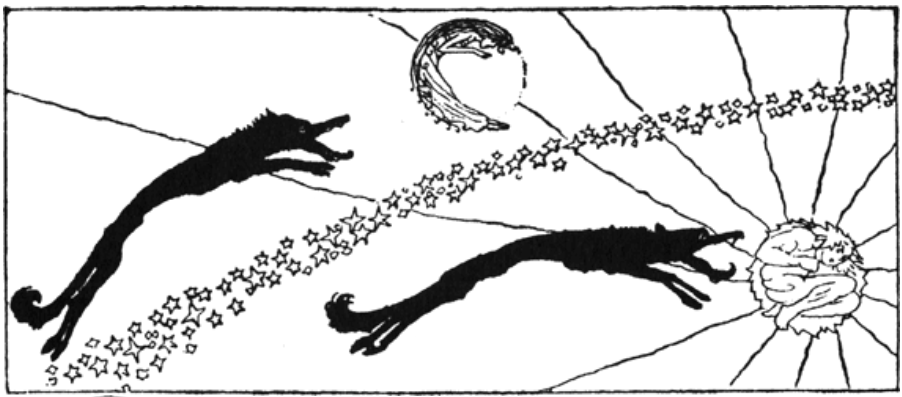
- Часть 4
  - Юность Сигурда
  - Грам и дракон Фафнир
  - Кровь дракона
  - История Сигмунда и Сигню
  - История Сигмунда и Синфьётли
  - Месть Вёльсунгов и смерть Синфьётли
  - Брюнхильд в Огненном чертоге
  - Сигурд у Нибелунгов
  - Как Брюнхильд была завоевана для Гуннара
  - Смерть Сигурда
  - Гибель богов

Патрик Колум
Дети Одина

Часть 1
Обитатели Асгарда

Посвящается Гарриет Вон Муди, любительнице сказаний и знатоку рун

Давным-давно в далеких краях



Было время, когда другое солнце и другая луна освещали мир; не то солнце и не та луна, что являют нам свои лики сейчас. Солнце звалось Соль, а луна звалась Мани. Но за солнцем и луной неустанно гнались два волка, один преследовал Соль, другой — Мани. Наконец волки настигли Соль и Мани и проглотили их. И тогда в мире воцарились тьма и холод.

В те незапамятные времена жили боги — Один и Тор, Хёд и Бальдр, Тюр и Хеймдалль, Видар и Вали, а также Локи, делатель добра и делатель зла. И с ними вместе жили прекрасные богини — Фригг, Фрейя, Нанна, Идунн и Сив. Но боги нашли свой конец тогда же, когда и солнце с луной, — все они полегли на поле брани, все, кроме Бальдра, погибшего раньше, Видара и Вали — сыновей Одина и Моди и Магни — сыновей Тора.

В те дни землю населяли также мужчины и женщины. Но еще до того, как сгинули в волчьей утробе солнце с луной и были убиты боги, страшные события произошли в мире. Три года кряду снег валил на четыре стороны света. Налетели ветры, оставляя за собой пустыню. А люди, пережившие снегопад, стужу и ветры, стали биться друг с другом, брат с братом, и бились до тех пор, пока не истребился весь род человеческий.

Была некогда и другая земля, земля зеленая и прекрасная. Но чудовищные ветры смели с ее лица холмы, леса и жилища. Потом все выжег огонь. Наступила тьма, потому что волки пожрали солнце и луну. Боги встретили свою смерть. И время, когда все это случилось, было названо Рагнарёк, гибель богов.

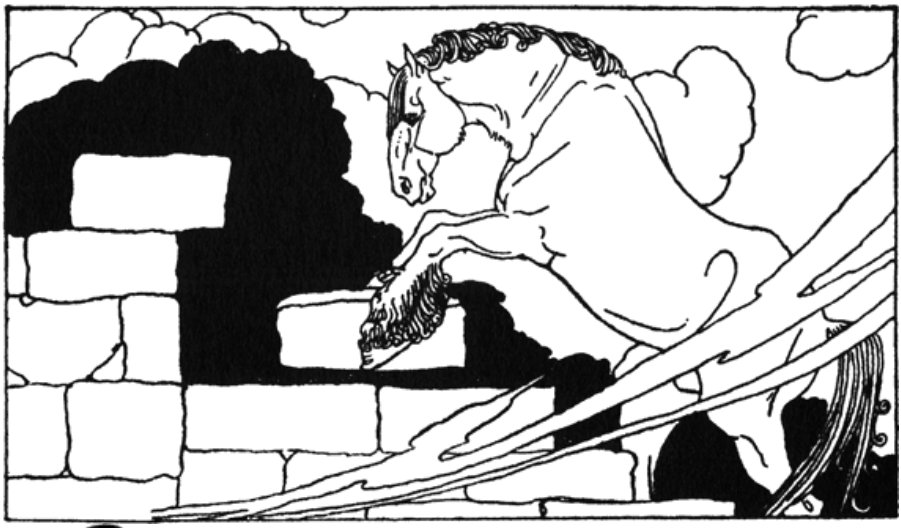
Затем явились другое солнце и другая луна и пустились в

странствие по небу. Были они лучезарней, чем Соль и Мани, и волки не гнались за ними по пятам. Земля опять зазеленела и похорошела, а в глухом лесу, не тронутом огнем, проснулись женщина и мужчина. Их спрятал там Один, погрузив в глубокий сон, и они проспали Рагнарёк, гибель богов.

Имя женщины было Лив, а имя мужчины — Ливтрасир. Они пустились бродить по свету, и их дети и дети их детей заселили новую землю. Из богов в живых остались Видар и Вали, сыновья Одина, и Моди и Магни, сыновья Тора. На возродившейся земле Видар и Вали нашли послание старших богов — золотые дощечки, исписанные рунами, в которых повествовалось обо всем, что произошло до Рагнарёка, гибели богов.

И людей, что жили после Рагнарёка, гибели богов, уже не беспокоили, как в старые времена, ужасные чудовища, которые привели к гибели мир и которые от веку воевали с богами.

Возведение стены



От веку шла война между великанами и богами — между великанами, стремившимися уничтожить мир и человеческий род, и богами, желавшими защитить человеческий род и сделать мир еще прекрасней.

Множество историй можно рассказать о богах, но начать следует с истории основания их города.

Боги поднялись на вершину высокой горы и там решили построить для себя огромный город, который великанам никакими силами не разрушить. Они договорились назвать его Асгард, что означает «селение асов» (то есть богов). Заложили асы город среди чудесного поля на вершине той горы и задумали окружить его стеной, выше и крепче которой еще не бывало.

И вот однажды, когда начали они возносить чертоги и палаты, явилось к ним странное существо. Тогда вперед выступил Один, Отец богов, и заговорил с ним.

— Что нужно тебе на горе богов? — спросил он пришельца.

— Мне ведомо, что замыслили боги, — сказал пришелец. — Они хотят построить здесь город. Я не умею воздвигать чертоги, зато умею возводить мощные стены, которые невозможно разрушить. Позвольте мне возвести стену вокруг вашего города.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы окружить стеной весь город? — спросил Отец богов.

— Год, о Один, — ответил пришелец.

Один понимал, что, если Асгард окажется за мощной стеной, богам не придется тратить все свое время на его защиту от великанов и тогда он сам сможет пойти к людям, и учить их, и помогать им. И подумал Один: какую бы плату ни запросил пришелец за строительство такой стены, она не будет чрезмерной.

В тот же день пришелец предстал перед Советом богов и поклялся, что ровно через год закончит постройку. Затем Один дал клятву, что боги не откажут пришельцу, чего бы тот ни попросил в награду, если стена будет готова точно в срок.

Пришелец удалился и вернулся на следующее утро, утро первого дня лета. Он не привел с собой никаких помощников, кроме могучего коня.

Сначала боги думали, что конь будет только подтаскивать камни. Но конь делал не только это. Он укладывал камни рядами и скреплял раствором. Днем и ночью, при свете и в темноте трудился гигантский конь, и скоро мощная стена стала подниматься вокруг чертогов, которые строили сами боги.

— Какой награды попросит этот чужак за свои старанья? — спрашивали друг у друга боги.

И вот Один отправился к пришельцу.

— Мы восхищены работой, которую ты и твой конь делаете для нас, — сказал он. — Нет сомнения, что великая стена Асгарда поднимется к первому дню грядущего лета. Какой награды ты требуешь? Мы приготовим ее для тебя.

Пришелец оторвался от своего занятия, предоставив коню громоздить камень на камень.

— О Отец богов, — сказал он, — о Один, в награду за свой труд я прошу у тебя солнце, луну и Фрейю, что пестует цветы и травы. Фрейю — себе в жены.

Услышав это, Один страшно разгневался, ибо непомерную цену заломил пришелец за свою работу. Он пошел к другим богам, занимавшимся в ту пору отделкой сверкающих чертогов внутри великой стены, и возвестил им о требовании пришельца.

— Без солнца и луны мир погибнет, — сказали боги.

— Без Фрейи Асгард погрузится в уныние, — сказали богини.

И решили асы, что лучше оставить стену недостроенной, чем дать пришельцу награду, которой он требует. Но тут слово взял Локи, который был богом-асом лишь наполовину: в нем текла кровь великана Фарбаути.

— Пусть пришелец продолжает строить стену вокруг Асгарда, — сказал Локи, — а уж я исхитрюсь и заставлю его нарушить строгий уговор. Пойдите и скажите ему, что стена

должна быть закончена к первому дню лета, но если к этому времени он не уложит последний камень, то не получит ничего.

Боги отправились к пришельцу и объявили ему, что если он не уложит к первому дню лета последний камень, то не получит ни Соль, солнце, ни Мани, луну, ни Фрейю. Теперь-то они смекнули, что пришелец был великаньего племени.

Великан и его гигантский конь принялись работать еще более споро, чем прежде. Ночью, пока великан спал, конь все таскал и таскал камни, поднимая и укладывая их на стену своими могучими передними копытами. И день ото дня стена вокруг Асгарда становилась выше и выше.

Но боги не радовались, видя, как растет вокруг их чертогов мощная стена. Великан окончит работу к первому дню лета и тогда заберет с собой солнце и луну, Соль и Мани, и Фрейю в придачу.

Только Локи не тревожился. Знай себе твердил, что исхитрится и помешает великану выполнить условие, а стало быть, асам не придется приносить ужасную жертву, которой тот потребовал от Одина.

Три дня оставалось до начала лета. Вся стена была готова, за исключением ворот. Над воротами не хватало одного камня. И прежде чем улечься спать, великан наказал коню подтащить поближе громадный каменный брус — утром они укрепят его над проемом и, таким образом, закончат работу на целых два дня раньше срока.

Стояла дивная лунная ночь. Свадильфари, могучий великанов конь, как раз тащил громаднейший камень — ничего более тяжеленного ему еще таскать на приходилось, — когда заметил маленькую кобылку, скачущую галопом прямо к нему. Гигантский конь, в жизни не видавший такой ладненькой кобылки, засмотрелся на нее в восхищении.

— Раб Свадильфари, — бросила ему маленькая кобылка и, вскидывая круп, промчалась мимо.

Свадильфари уронил камень и окликнул маленькую кобылку. Она вернулась.

— Почему ты называешь меня «раб Свадильфари»? — спросил гигантский конь.

— Потому что ты день и ночь должен ломать спину на хозяина, — сказала маленькая кобылка. — Он заставляет тебя работать, работать и работать и никогда не пускает погулять. Ты не осмелишься бросить этот камень и пойти порезвиться со мной.

— Кто тебе сказал, что не осмелюсь? — спросил Свадильфари.

— Я знаю, что не осмелишься! — крикнула маленькая

кобылка и, взбрыкнув, побежала по залитой лунным светом луговине.

По правде говоря, Свадильфари устал трудиться день и ночь. А глядя вслед быстро удаляющейся кобылке, он и вовсе почувствовал себя обделенным. Тут кобылка обернулась и, завороженный ее взглядом, Свадильфари припустил за ней.

Кобылку он нагнал не скоро. Она резво неслась впереди него. Летела по залитой светом луны луговине, то и дело оглядываясь на огромного Свадильфари, который тяжелым галопом скакал за нею вдогонку. Кобылка устремилась вниз по склону горы, и Свадильфари, упиваясь свободой, ветром и ароматом цветов, последовал за ней. На рассвете они очутились у входа в пещеру, и маленькая кобылка вбежала внутрь. Тут она позволила Свадильфари себя догнать и неторопливо зашагала рядышком с ним к просвету вдали, развлекая своего огромного спутника рассказами о карликах-цвергах и альвах.

Так они дошли до рощицы и остались там вдвоем. Маленькая кобылка так прелестно заигрывала со Свадильфари, что гигантский конь совсем позабыл о времени. А пока они миловались в рощице, великан метался в поисках своего могучего коня.

Утром он пришел к стене, надеясь водрузить камень на ворота и завершить свой труд. Но камня, который нужно было поднять, поблизости не оказалось. Он кликнул Свадильфари, но конь не явился. Великан бросился искать его. Обшарил весь склон горы до самой подошвы и всю землю вплоть до великаньих владений, но так и не нашел Свадильфари.

Боги увидели, что наступил первый день лета, а стена стоит недостроенная, и сказали друг другу, что, если она не будет достроена к вечеру, им не придется отдавать ни Соль и Мани, ни юную Фрейю великану в жены. Часы летнего дня пробежали, а великан так и не поднял каменный брус на ворота. Вечером он предстал перед богами.

— Твой труд не закончен, — сказал Один. — Ты вынудил нас дать страшное обещание, но теперь мы не обязаны его исполнять. Ты не получишь ни Соль, ни Мани, ни юную Фрейю.

— Если бы стена, которую я построил, не была такой крепкой, я бы снес ее, — сказал великан. Он попытался разрушить один из чертогов, но боги схватили его и выбросили за возведенную им стену.

— Иди и больше не беспокой Асгард, — повелел Один.

Потом в Асгард вернулся Локи. Он поведал богам, как превратился в маленькую кобылку и сманил Свадильфари, великанского коня. И боги-асы сидели в своих золотых чертогах

за великой стеной и радовались, что их город теперь в безопасности и никакой враг никогда в него не проникнет. Но Один, Отец богов, восседая на своем престоле, был преисполнен печали. Его удручало, что боги получили стену обманом, что клятвы были нарушены и в Асгарде свершилась несправедливость.

Идунн и ее яблоки
Как Локи подверг богов опасности

В Асгарде был сад, а в саду росло дерево, и на этом дереве зрели золотые яблоки. Ты знаешь, любезный друг, что с каждым ушедшим днем мы делаемся старше и приближаемся к тому времени, когда будем согбенными и немощными, седыми и подслеповатыми. Но те, кому выпало счастье каждый день есть золотые яблоки, созревавшие в саду Асгарда, не старели ни на час, потому что яблоки прогоняли старость.

За деревом, на котором спели золотые яблоки, ухаживала богиня Идунн. Дерево не приносило бы плодов, если бы Идунн его не лелеяла. Никто, кроме Идунн, не мог срывать золотые яблоки. Каждое утро она собирала их и складывала в корзину, и каждый день асы и асини приходили в ее сад поесть золотых яблок, чтобы оставаться вечно молодыми.

Идунн никогда не покидала своего сада. От зари до зари порхала она вокруг растений или сидела в своих золотых палатах,

выходивших окнами в сад, и от зари до зари слушала, как ее муж Браги рассказывает историю, которой не было конца. Но, увы, пришло время, когда Идунн вместе с золотыми яблоками исчезла из Асгарда, и боги и богини почувствовали приближение старости. Узнай же, как все это случилось, любезный мой друг.

Отец богов Один часто навещал края, где жили люди, чтобы знать, что там творится. Однажды он взял с собой Локи, делателя добра и делателя зла. Долго странствовали они по землям людей и наконец очутились неподалеку от Ётунхейма, страны великанов.

Это была унылая и голая местность. Там не росли даже плодовые деревья, не водились ни птицы, ни звери. Один, Отец богов, и Локи, делатель добра и делатель зла, шли по этому пустынному краю, и голод овладел ими. Но вокруг они не видели ничего съедобного.

Локи, обегав все окрестности, наткнулся наконец на стадо диких быков. Подкравшись к ним, он изловил молодого бычка и убил его. Затем освежевал и разделал тушу. Развел костер и стал жарить мясо на вертеле. Пока мясо жарилось, Один, Отец богов, сидел чуть поодаль, размышляя над тем, что он видел в мире людей.

Локи суетился вокруг костра, подкладывая сучья в огонь. Наконец он позвал Одина, и Отец богов подошел и сел у огня, чтобы подкрепиться.

Но когда мясо сняли с вертела и Один стал его резать, обнаружилось, что оно еще сырое. Отец богов посмеялся над промашкой Локи, и Локи, огорчившись, что так оплошал, опять подвесил мясо над костром и подбросил сучьев в огонь. Немного погодя он вновь снял мясо с вертела и позвал Одина есть.

Один взял мясо, которое поднес ему Локи, и увидел, что оно совсем сырое, будто и не висело над огнем.

— Это твои штучки, Локи? — спросил он.

Но Локи был вне себя от ярости, и Один понял: это не его штучки. Оголодавший Локи бушевал, изливая злобу на мясо и на огонь. Он опять насадил мясо на вертел и добавил сучьев в костер. Каждый час он снимал мясо, уверенный, что оно прожарилось, и всякий раз Один обнаруживал, что мясо такое же сырое, как тогда, когда они впервые сняли его с огня.

Теперь Один догадался, что мясо заколдовано великанами. Он поднялся и пошел своей дорогой, голодный, но сильный. Однако Локи не захотел оставлять свою добычу. Он заявил, что заставит мясо изжариться и, не насытившись, с этого места не уйдет.

Рассвело, и Локи в который раз стал проверять, не готово ли

жаркое. Снимая его с огня, он услышал над головой шум крыльев. Посмотрел вверх и увидел могучего орла, самого большого, какой когда-либо парил в поднебесье. Орел кружил и кружил, пока не оказался над головой Локи.

— Что, никак не можешь состряпать себе еду? — крикнул ему орел.

— Никак не могу, — отвечал Локи.

— Я тебе ее состряпаю, если ты со мной поделишься! — закричал орел.

— Тогда спускайся и берись за дело, — сказал Локи.

Орел стал кругами спускаться к огню. Потом захлопал над ним своими огромными крыльями — пламя взметнулось и ослепительно заполыхало. Страшным жаром пахнуло на Локи, так что у него даже дух захватило. Через минуту Локи снял мясо с вертела и убедился, что оно хорошо прожарилось.

— Моя доля, моя доля, дай мне мою долю, — заклекотал орел.

Он опустился на землю и, сцапав огромный кусок, тут же заглотнул его. Потом сцапал еще кусок. Он заглатывал кусок за куском, явно не намереваясь ни с кем делиться.

Когда орел сожрал последний кусок, Локи не на шутку разъярился. Он схватил вертел, на котором жарилось мясо, и ударил им наглую птицу. Раздался звон, будто удар пришелся по железу. Вертел не обломился, а прирос к груди орла. Орел же вдруг взвился в воздух, и Локи, крепко державший свое оружие, взвился вместе с ним.

Прежде чем Локи понял, что случилось, он был уже высоко-высоко в небе и орел нес его к Ётунхейму, стране великанов. Орел кричал:

— Локи, о Локи, наконец-то я тебя поймал. Это ты хитростью лишил моего брата награды за возведение стены вокруг Асгарда. Но теперь, Локи, ты наконец-то в моей власти. Знай же, тебя похитил великан Тьяцци, о Локи, хитроумнейший из обитателей Асгарда.

Так кричал орел, летя с Локи к Ётунхейму, стране великанов. Они пересекли реку, которая отделяет Ётунхейм от Мидгарда, мира людей. И Локи увидел под собою страшную землю, страну льда и скал. Были там исполинские горы, и освещались они не солнцем и луной, а столбами огня, то и дело вырывавшимися из трещин в земле или из горных вершин.

Орел завис над огромной ледяной горой и вдруг стряхнул со своей груди вертел. Локи упал на лед. Орел закричал ему:

— Теперь ты наконец в моей власти, о ты, хитроумнейший из обитателей Асгарда!

Орел оставил Локи на ледяной горе, а сам скрылся в расселине скалы.

Локи чувствовал себя совсем скверно. Холод стоял мертвящий. Умереть от него Локи не мог, так как был из числа обитателей Асгарда и подобная кончина ему не грозила. Локи не мог умереть, но ему казалось, что он прикован к ледяной горе цепями стужи.

Через день к нему явился похититель, уже не в образе орла, а в своем собственном обличье великана Тьяцци.

— Хочешь покинуть эту гору, Локи, — спросил он, — и возвратиться в любезный тебе Асгард? Сладка тебе жизнь в Асгарде, хотя ты бог только наполовину. Твоим отцом, Локи, был великан Фарбаути.

— О, если бы я мог покинуть эту ледяную гору! — возопил Локи, проливая слезы, которые замерзали у него на щеках.

— Ты сможешь покинуть ее, если согласишься заплатить мне выкуп, — сказал Тьяцци. — Ты достанешь мне золотые яблоки, те, что Идунн хранит в своей корзине.

— Я не могу достать для тебя яблоки Идунн, Тьяцци, — ответил Локи.

— Тогда сиди на ледяной горе, — сказал великан Тьяцци и ушел, оставив Локи один на один с чудовищными ветрами, порывы которых были подобны ударам молота.

Когда Тьяцци пришел опять и завел речь о выкупе, Локи сказал:

— Нет способа отобрать у Идунн золотые яблоки.

— Должен быть какой-то способ, о хитроумный Локи, — возразил великан.

— Хотя Идунн очень бережет золотые яблоки, она простодушна, — сказал Локи. — Может быть, я сумею выманить ее за стену Асгарда. Если она пойдет, то возьмет с собой золотые яблоки, потому что не выпускает их из рук, разве только когда дает их богам и богиням.

— Сделай так, чтобы она вышла за стену Асгарда, — потребовал великан. — Если она выйдет за стену, я отниму у нее яблоки. Поклянись мировым древом, что ты выманишь Идунн за стену Асгарда. Поклянись, что сделаешь это, Локи, и я отпущу тебя.

— Клянусь Иггдрасилем, мировым древом, что выманю Идунн за стену Асгарда, если ты снимешь меня с этой ледяной горы, — сказал Локи.

Тогда Тьяцци превратился в могучего орла, подцепил Локи когтями и полетел с ним через поток, отделяющий Ётунхейм, страну великанов, от Мидгарда, мира людей. Там он опустил

Локи наземь, и Локи сам пошел в Асгард.

К тому времени Один уже вернулся и рассказал обитателям Асгарда о том, как Локи пытался изжарить заколдованное мясо. Все посмеялись над тем, что, несмотря на свое хитроумие, Локи остался голодным. И когда он вернулся в Асгард хмурый и изможденный, боги решили, что это от голода, и давай над ним подтрунивать. Однако они отвели его в пиршественную залу, накормили лучшими яствами и напоили вином из кубка Одина. Когда пир окончился, обитатели Асгарда, по своему обыкновению, отправились в сад Идунн.

Там, в золотом чертоге, выходившем окнами в сад, сидела Идунн. Если бы она жила в мире людей, каждый при виде этой асини, такой прекрасной и доброй, вспомнил бы о днях собственной невинности. Глаза у нее были голубые, как небо, и улыбалась она так, будто находилась во власти дивных воспоминаний. Корзина с яблоками стояла подле нее.

Каждому богу и каждой богине Идунн дала по золотому яблоку. Каждый съел поднесенное ему яблоко, радуясь мысли, что никогда не станет ни днем старше. Затем Один, Отец богов, произнес руны, славящие Идунн, и обитатели Асгарда, покинув ее сад, разошлись по собственным сверкающим чертогам.

Ушли все, кроме Локи, делателя добра и делателя зла. Локи сидел в саду, созерцая прекрасную и простодушную Идунн. Вскоре она заговорила с ним.

— Почему ты все еще здесь, о мудрый Локи? — спросила Идунн.

— Чтобы получше рассмотреть твои яблоки, — ответил Локи. — Я прикидываю, действительно ли яблоки, которые я видел вчера, такие же золотые, как те, что у тебя в корзине.

— В мире нет таких золотых яблок, как мои, — сказала Идунн.

— Яблоки, которые я видел, золотятся еще ярче, — сказал Локи. — Да и пахнут они лучше, Идунн.

Идунн очень встревожило то, что сообщил ей Локи, которого она считала страшно мудрым. Ее глаза наполнились слезами обиды при мысли, что в мире могут быть яблоки лучше, чем у нее.

— О Локи, — сказала она, — это невозможно. Нет яблок, что золотятся ярче и пахнут лучше, чем те, которые я собираю с дерева в моем саду.

— Тогда пойди и посмотри, — сказал Локи. — Дерево с теми яблоками растет прямо за стеной Асгарда. Ты, Идунн, никогда не покидаешь своего сада и потому не знаешь, что существует в мире. Выйди из Асгарда и посмотри.

— Я пойду, Локи, — сказала Идунн, прекрасная и простодушная.

Идунн вышла за стену Асгарда и отправилась туда, где, по словам Локи, росли яблоки. Но пока она озиралась по сторонам, послышался шум крыльев. Запрокинув голову, Идунн увидела могучего орла, самого большого, какой когда-либо парил в поднебесье.

Она бросилась назад к воротам Асгарда. Тогда огромный орел ринулся вниз. Идунн почувствовала, как ее подняли в воздух и понесли прочь от Асгарда, все дальше и дальше, над долинами Мидгарда, где жили люди, по направлению к скалам и снегам Ётунхейма. Через реку, которая отделяет мир людей от страны великанов, несли Идунн. Наконец орел влетел в расселину скалы, и Идунн очутилась в огромной пещере, освещенной столбами пламени, вырывавшимися из-под земли.

Орел разжал когти, и Идунн опустилась на пол пещеры. Крылья и перья спали с ее похитителя, и она увидела, что это ужасный великан.

— О, зачем ты забрал меня из Асгарда и принес сюда? — запричитала Идунн.

— Чтобы отведать твоих золотых яблок, Идунн, — сказал великан Тьяцци.

— Этого не будет, потому что я не дам их тебе, — сказала Идунн.

— Дай мне попробовать яблок, и я отнесу тебя назад в Асгард.

— Нет, нет, это невозможно. Мне доверили золотые яблоки, чтобы я кормила ими только богов.

— Тогда я отниму у тебя яблоки! — взревел великан Тьяцци.

Он вырвал из ее рук корзину и открыл, но едва дотронулся до яблок, они тотчас сморщились. Тогда он вернул корзину Идунн, ибо теперь понял, что не будет ему никакой пользы от яблок, если она не подаст их своими руками.

— Я не отпущу тебя, пока не получу из твоих рук золотых яблок, — сказал он ей.

Тут бедная Идунн испугалась; все пугало ее — и странная пещера, и огонь, то и дело вырывавшийся из земли, и ужасный великан. Но больше всего ее пугала мысль о беде, которая постигнет обитателей Асгарда, если не будет у них золотых яблок Идунн.

Великан опять пришел к ней. И опять Идунн отказалась дать ему золотых яблок. Так продолжалось изо дня в день: великан являлся в пещеру и донимал бедняжку своими требованиями. И

все больше и больше овладевал ею страх, когда она представляла себе, как обитатели Асгарда приходят в ее сад — приходят и, не получая золотых яблок, чувствуют и видят перемену, происходящую и в них самих, и в окружающих.

И действительно, все было так, как представляла себе Идунн. Каждое утро обитатели Асгарда приходили в ее сад — Один и Тор, Хёд и Бальдр, Тюр и Хеймдалль, Видар и Вали, а с ними Фригг, Фрейя, Нанна и Сив. Но некому было срывать яблоки с дерева. И перемена стала происходить в асах и асинях.

Их походка утратила легкость, спины согнулись, глаза больше не искрились, точно капли росы. И когда они смотрели друг на друга, то замечали эту перемену. Старость подступала к обитателям Асгарда.

Они знали, придет время, когда Фригг поседеет и одряхлеет, когда золотые волосы Сив потускнеют, когда Один утратит свой ясный ум, а у Тора не хватит сил поднимать и метать свои громовые стрелы. Опечалились обитатели Асгарда, и казалось им, что свет покинул их сияющий город.

Где Идунн, чьи яблоки вернут асам молодость, силу и красоту? Боги обыскали весь мир людей, но не обнаружили даже ее следа. И вот Один, порывшись в сокровищнице своей мудрости, нашел способ узнать, где спрятана Идунн.

Он призвал двух своих воронов, Хугина и Мунина, двух воронов, которые излетали все небо над землей и над страной великанов и знали все, что было, и все, что будет. Он призвал Хугина и Мунина, и они явились и, опустившись один на левое, а другой на правое его плечо, открыли ему страшные тайны: поведали о Тьяцци и его желании заполучить золотые яблоки, которые вкушали обитатели Асгарда, и о том, как Локи обманул Идунн, прекрасную и простодушную.

Все, что Один узнал от воронов, он рассказал на Совете богов. Тогда богатырь Тор отправился к Локи и скрутил его. Оказавшись в руках могучего бога, Локи прохрипел:

— Что ты хочешь со мною сделать, о Тор?

— Я сброшу тебя в бездонную пропасть и поражу громом! — взревел могучий бог. — Это ты подстроил, чтобы Идунн вышла из Асгарда!

— О Тор, — взмолился Локи, — не сокрушай меня своим громом. Позволь мне остаться в Асгарде. Я постараюсь вызволить Идунн.

— Боги порешили, — сказал Тор, — что ты, хитроумный, отправишься в Ётунхейм и выкрадешь Идунн у великанов. Иди, или я низвергну тебя в пропасть и поражу громом.

— Иду, — отозвался Локи.

У Фригг, жены Одина, Локи одолжил соколиное оперение. Надел его и полетел в Ётунхейм в обличье сокола.

В Ётунхейме он разыскал дочь Тьяцци, Скади. Спустился к девушке-великанше и позволил поймать себя и приручить. И вот однажды Скади отнесла его в пещеру, где томилась Идунн, прекрасная и простодушная.

Увидев Идунн, Локи понял, что половина дела сделана. Теперь ему оставалось вывести асиню из Ётунхейма и доставить в Асгард. И он взмыл к высоким сводам пещеры. Скади посокрушалась, что ее питомец исчез, но перестала искать и звать и ушла.

Тогда Локи, делатель добра и делатель зла, слетел к Идунн и заговорил с ней. Идунн, узнав одного из обитателей Асгарда, заплакала от радости.

Локи объяснил ей, что нужно делать. Данною ему колдовской силой он превратил асиню в воробья. Но прежде она вынула из своей корзины золотые яблоки и разбросала так, чтобы великан не смог их найти.

Скади, вернувшись к пещере, заметила, как оттуда вылетели сокол и воробей. Она позвала отца, и великан тотчас понял, что сокол — это Локи, а воробей — Идунн. Он принял обличье могучего орла. К тому времени воробей и сокол уже скрылись из виду, но Тьяцци, зная, что способен лететь быстрее их, устремился в сторону Асгарда.

Вскоре он их увидел. Они напрягали последние силы, но с каждым взмахом огромных крыльев орел приближался к ним. Обитатели Асгарда, стоя на стене, наблюдали, как громадный орел преследует сокола и воробья, и, конечно же, догадались, что это Тьяцци гонится за Локи и Идунн.

Все ближе орел, все ближе, вот-вот настигнет сокола и воробья! Обитатели Асгарда испугались, ведь, того и гляди, Идунн опять станет пленницей великана Тьяцци. И они развели на стене огромный костер, твердо зная, что Локи сумеет проложить себе и Идунн путь сквозь пламя, а Тьяцци не сумеет.

Сокол и воробей летели прямо к костру. Локи, ведя за собой Идунн, проскользнул между языками пламени. А Тьяцци, подлетев к огню и не найдя лазейки, только опалил себе крылья. Он свалился со стены, и там настигла его смерть, которую впоследствии ставили в заслугу Локи.

Так Идунн была возвращена в Асгард. И опять сидела она в золотом чертоге окнами в сад, опять собирала золотые яблоки с дерева, за которым ухаживала, опять раздавала их обитателям Асгарда. И походка асов и асинь вновь обрела легкость, глаза вновь заискрились, щеки зарумянились. Старость отступила от

них, молодость вернулась. Свет и радость вновь наполнили Асгард.

Золотые волосы Сив
Как Локи натворил в Асгарде бед

Все, кто обитал в Асгарде, — асы и асини, что были богами и богинями, и ваны, что были друзьями богов и богинь, — гневались на Локи. И не удивительно, ведь это он помог великану Тьяцци похитить Идунн и ее золотые яблоки. Но да будет вам известно, что их бурный гнев вызвал у Локи желание еще как-нибудь им насолить.

И вот однажды ему представился такой прекрасный случай напакостить, что сердце его возликовало. Сив, жена Тора, заснула под открытым небом, на траве, в море дивных золотых волос. Локи знал, как сильно Тор любил эти золотые волосы и как, дорожа любовью Тора, берегла их Сив. Вот она — возможность сделать большую гадость. Улыбаясь, Локи достал ножницы и срезал сверкающие волосы, прядочку за прядочкой, завиток за завитком. Сив не проснулась и не ведала, что лишилась своего сокровища. А Локи не оставил на голове богини ни единого волоска.

Тор тем временем был в отлучке. Вернувшись в город, он направился к себе домой. Сив, его жена, не вышла ему навстречу. Он позвал ее, однако не услышал в ответ радостного отклика. Чертоги всех богов и богинь обошел Тор, но нигде не встретил он Сив, своей златовласой жены.

Возвращаясь домой, Тор вдруг услыхал шепот: кто-то произнес его имя. Он остановился, и тогда из-за камня выскользнула фигура, закутанная в покрывало. Тор едва узнал свою жену Сив. Он устремился к ней, а она стояла и судорожно всхлипывала.

— О Тор, супруг мой, — проговорила она, — не смотри на меня. Я стыжусь твоего взгляда. Я уйду из Асгарда, из семьи богов и богинь, и спущусь в Свартхейм, к карликам-цвергам. Я не в силах показаться на глаза обитателям Асгарда.

— О Сив, — воскликнул Тор, — что же с тобой случилось?

— Я потеряла свои волосы, — молвила Сив, — дивные золотые волосы, которые ты, Тор, так любил. Ты не станешь больше любить меня, поэтому я должна уйти, спуститься в Свартхейм, к карликам. Я теперь такая же уродина, как и они.

Тут Сив сбросила с головы покрывало, и Тор увидел, что ее чудесные волосы исчезли. Она стояла перед ним, исполненная стыда и скорби, и в груди его закипел могучий гнев.

— Кто сотворил это с тобой, Сив? — вопросил Тор. — Я Тор, сильнейший из обитателей Асгарда, и я добьюсь, чтобы могущество богов вернуло тебе твою красу. Идем со мною, Сив.

И, взяв жену за руку, Тор повел ее в Зал Совета, где находились боги и богини.

Сив накинула на голову покрывало, не желая, чтобы асы и асини видели ее остриженную голову. Но по яростному блеску в глазах Тора все догадались, что обида, нанесенная Сив, очень велика. Тут Тор поведал об исчезновении ее дивных волос. Ропот пробежал по Залу Совета.

— Это дело рук Локи, никто другой в Асгарде не совершит столь позорного поступка, — говорили асы друг другу.

— Да, это дело рук Локи, — сказал Тор. — Он спрятался, но я найду его и убью.

— Нет, так не годится, Тор, — возвысил голос Один, Отец богов. — Нет, ни один из обитателей Асгарда не может убить другого. Я призову Локи сюда, и ты сам заставишь его — ведь Локи хитроумен и способен на многое — вернуть Сив красу ее золотых волос.

И тогда клич Одина, клич, которому все в Асгарде обязаны были повиноваться, полетел по городу богов. Локи услышал его и вынужден был покинуть свое укрытие и войти в чертог, где боги держали совет. Посмотрел он на Тора — и увидел ярость в его глазах, посмотрел на Одина — и увидел суровость в лике Отца богов; и понял Локи, что придется ему расплачиваться за оскорбление, которое он нанес Сив.

— Верни Сив красу ее волос, Локи, — повелел Один.

Локи посмотрел на Одина, посмотрел на Тора и понял, что это веление д***о***лжно исполнить. Быстрый его ум начал искать способ вернуть Сив ее красу.

— Я сделаю, как ты велишь, Всеотец, — сказал он.

Но прежде чем поведать, как Локи возвратил Сив красу ее золотых волос, нужно рассказать о том, что существовало тогда в мире, кроме богов и богинь. Во-первых, были ваны. Когда боги-асы пришли на гору строить Асгард, там уже обитали другие создания. В отличие от великанов, они были пригожие и дружелюбные. Их то и звали ванами.

При всей своей пригожести и дружелюбии ваны не задавались вопросом, как сделать мир прекраснее и счастливее. Этим они отличались от асов, которые только о том и помышляли. Асы заключили с ванами мир, и стали они жить в согласии. Ваны создавали вещи, помогавшие асам делать мир прекраснее и счастливее. Фрейя, которую великан хотел забрать вместе с солнцем и луною в награду за возведение стены, принадлежала к ванам. Ванами были также Фрейр, брат Фрейи, и Ньёрд, их отец.

Внизу, на земле, обитали иные существа — легкие альвы, которые плясали и порхали, ухаживая за деревьями, цветами и травами. Ванам было дозволено править альвами. А под землей, в пещерах и рудниках, обитало другое племя — карлики, или цверги, маленькие сморщенные создания, злые и уродливые, но не существовало в мире равных им искусников-мастеров.

В те дни, когда и асы и ваны отворачивались от Локи, он часто спускался в Свартхейм, подземное обиталище карликов. И теперь, получив повеление вернуть Сив красу ее волос, Локи подумал о помощи, какую могут оказать ему цверги.

Все ниже и ниже спускался он извилистыми подземными ходами и наконец пришел туда, где в кузницах работали карлики, водившие с ним дружбу. Все карлики были искусными кузнецами, и Локи застал своих друзей за работой. Они орудовали молотами и схватами, придавая металлам причудливые формы. Некоторое время Локи наблюдал за ними, присматриваясь к изделиям, которые рождались у них под руками. Первым было копье таких совершенных пропорций и выделки, что даже самый неумелый метатель не послал бы его мимо цели. Вторым был корабль, который мог плавать по самому бурному морю, а сложенный, умещался в любом кармане. Копье называлось Гунгнир, а корабль — Скидбладнир.

Локи завел с карликами приветливый разговор, восхваляя их работу и суля им всякую всячину, о которой те мечтали и которую могли получить только в Асгарде. Долго он говорил с

ними, и в конце концов маленькие уродцы возомнили, что весь Асгард будет принадлежать им.

И вот Локи сказал им:

— Найдется ли у вас слиток чистого золота, чтобы выковать нити, и не простые, а столь же тонкие, как волосы Сив, жены Тора? Одним только цвергам под силу создать такое чудо. А вот и слиток золота. Откуйте из него тончайшие нити, и сами боги позавидуют вашему искусству.

Польщенные речами Локи, карлики-кузнецы взяли слиток чистого золота и бросили в огонь. Затем, вытащив его и положив на наковальню, они принялись стучать по нему крошечными молоточками, пока не разбили на нити, тонкие, как волоски. Но этого было недостаточно. Волосы Сив по тонкости не имели себе равных на свете. Карлики все обстукивали и обстукивали нити, пока те не стали точь-в-точь как волосы Сив. Нити сверкали, будто солнце, а когда Локи поднял их над головой, они так и заструились к земле. До того воздушной оказалась золотая паутина, что ее можно было зажать в кулаке, и до того легкой, что даже птичка не ощутила бы ее веса.

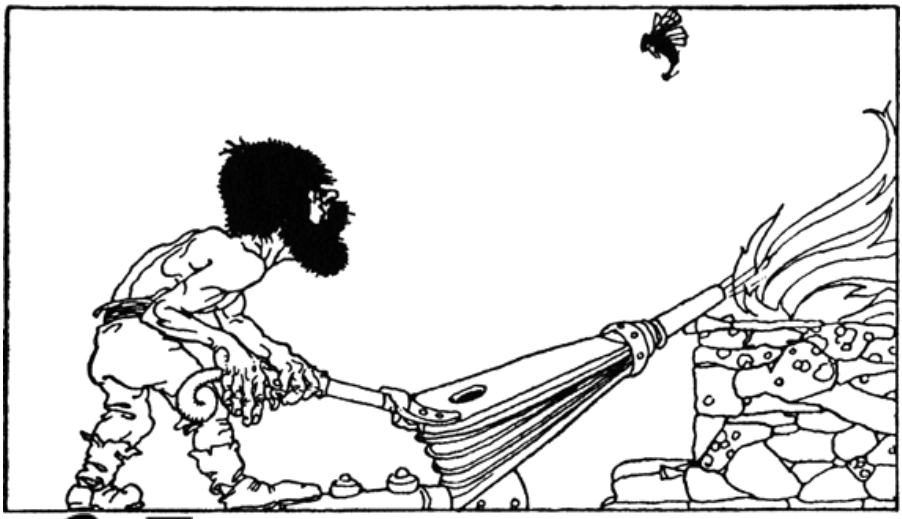
Тогда Локи опять стал превозносить карликов, а уж сколько всего наобещал — не счесть! Всех цвергов очаровал, хотя были они народцем неприветливым и подозрительным. А перед уходом попросил у них копье и корабль, на которые сразу положил глаз, — копье Гунгнир и корабль Скидбладнир. Карлики отдали ему эти сокровища, хотя спустя некоторое время сами дивились, как могли с ними расстаться.

Локи помчался обратно в Асгард, вошел в Зал Совета, где собрались асы и асини, и веселой улыбкой встретил суровый взгляд Одина и гневный взгляд Тора.

— Прочь покрывало, о Сив! — вскричал он.

И, когда бедная Сив скинула покрывало, он возложил на ее остриженную голову чудесную золотую паутину, которую держал в кулаке. По ее плечам заструилось золото, невесомое, мягкое и сверкающее, как собственные ее волосы. И все асы и ваны, и все их прекрасные жены, глядя на Сив, вновь окруженную золотым ореолом, рассмеялись и захлопали в ладоши от радости. А золотые нити приросли к голове Сив навечно.

Как Брокк наказал Локи



И тут Локи, желая опять расположить к себе асов и ванов, извлек сокровища, которые выманил у карликов, — копье Гунгнир и корабль Скидбладнир. Асы и ваны ахнули от изумления при виде диковинных изделий. Локи преподнес копье Одину, а господину ванов Фрейру отдал корабль Скидбладнир.

Весь Асгард ликовал, что столь чудесные и столь полезные вещи достались его обитателям. А Локи, вручивший эти дары с большой важностью, сказал хвастливо:

— Никто, кроме карликов, работающих на меня, не умеет делать ничего подобного. Есть и другие карлики, но они столь же неуклюжи, сколь безобразны. Лишь те карлики, что служат мне, в состоянии творить чудеса.

Тут Локи хватил через край. Карликов-мастеров было много, и один из них находился в Асгарде. Не замеченный Локи, он стоял в тени трона Одина, прислушиваясь ко всему, что говорилось. Внезапно он подскочил к Локи. Его маленькое уродливое тельце сотрясалось от гнева. Это был Брокк, самый злопамятный из карликов.

— Ты мерзкий бахвал, Локи, — прорычал он, — все твои слова лживы. Синдри, мой брат, не унизится до того, чтобы служить тебе, а он лучший кузнец Свартхейма.

Асам и ванам стало смешно, что карлик Брокк оборвал Локи в разгар его хвастовства. Сам же Локи рассвирепел.

— Молчи, цверг, — гаркнул он, — твой брат узнает, что такое кузнечное дело, когда пойдет к цвергам, которые водят дружбу со мной, и кой-чему у них поучится.

— Поучится у цвергов, которые водят дружбу с тобой! Моему брату Синдри учиться у цвергов, которые водят дружбу с тобой! — взревел Брокк еще яростней прежнего. — Асы и ваны и не взглянули бы на те безделки, что ты принес из Свартхейма, если б увидели изделия моего брата Синдри.

— Когда-нибудь мы испытаем твоего брата Синдри и проверим, на что он способен, — сказал Локи.

— Испытайте сейчас же, испытайте сейчас же! — вскричал Брокк. — Ставлю мою голову против твоей, Локи, что его работа заставит обитателей Асгарда посмеяться над твоим бахвальством.

— Принимаю твое условие, — ответил Локи. — Моя голова против твоей. С радостью посмотрю, как твоя безобразная башка слетит с твоих горбатых плеч.

— Асы решат, будет ли работа моего брата Синдри лучшим произведением кузнецов Свартхейма. И они проследят, чтобы ты, Локи, расплатился своей головой. Вы согласны быть судьями, о обитатели Асгарда?

— Да, согласны, — сказали асы.

Засим, все еще кипя от ярости, карлик Брокк спустился в Свартхейм, туда, где работал его брат.

В своей раскаленной кузнице Синдри вертелся между мехами, наковальней и молотами в окружении гор металла — золота, серебра, меди и железа. Брокк поведал ему, как поспорил с Локи на голову, что Синдри может создать более удивительные вещи, чем копье и корабль, которые Локи принес в Асгард.

— Ты сказал правду, брат мой, — молвил Синдри, — и не проиграешь своей головы. Но мы вдвоем должны потрудиться над тем, что я собираюсь выковать. Твоя задача — поддерживать огонь, чтобы он горел ровно-ровно, не взвиваясь и не опадая ни на мгновение. Если ты сумеешь выполнить мое указание, мы сотворим чудо. Теперь, брат, крепко держи рукоять мехов и не спускай глаз с огня.

С этими словами Синдри бросил в огонь не металлическую болванку, а кабанью шкуру. Брокк раздувал мехи, следя за тем, чтобы огонь горел ровно-ровно. И в жарком пламени кабанья шкура распухла, приняв диковинную форму.

Но тут случилось непредвиденное! В кузницу влетел слепень, сел Брокку на руку и пребольно ужалил. Карлик вскрикнул, но продолжал орудовать мехами, поддерживая огонь, так как догадался, что слепень этот — Локи и что Локи хочет испортить изделие Синдри. Вновь слепень впился ему в руку словно

раскаленными клещами, но Брокк, превозмогая боль, раздувал и раздувал мехи, так что пламя не взвивалось и не опадало ни на мгновение.

Синдри подошел, заглянул в огонь и произнес над распухшей шкурой заклинание. Слепень улетел. Синдри велел брату отдохнуть, а сам вынул форму, что образовалась в огне, и обработал ее молотом. Это и вправду было чудо — вепрь, весь золотой, который мог летать по воздуху, излучая свет каждой щетинкой. Брокк, позабыв о жгучей боли, вскрикнул от радости:

— Это величайшее из чудес! Обитатели Асгарда наверняка признают поражение Локи. Я получу голову Локи! Я получу голову Локи!

Но Синдри возразил ему:

— Вепрь Золотая Щетина не может превзойти ни копье Гунгнир, ни корабль Скидбладнир. Нужно создать нечто более удивительное. Раздувай мехи, как раньше, брат, и не позволяй пламени ни опадать, ни взвиваться ни на мгновение.

Взяв слиток золота, который сверкал так ярко, что освещал темную пещеру, где работали карлики, Синдри бросил его в огонь. Потом он отошел за каким-то орудием, оставив Брокка у мехов.

И опять прилетел слепень. Брокк заметил его, лишь почувствовав укус. Слепень жалил и жалил его в шею, пока у Брокка не сперло дыхание. Однако ж он продолжал раздувать мехи, так что пламя не взвивалось и не опадало ни на мгновение. Когда подошел Синдри и заглянул в огонь, Брокк только хватал ртом воздух, не в силах выдавить из себя ни слова.

Синдри вновь произнес заклинание над золотом, плавившимся в огне, извлек его из жара и принялся выделывать на главной наковальне, а в скором времени показал Брокку нечто вроде кольца из солнечных лучей.

— Это дивное кольцо, брат мой, — сказал он. — Кольцо на правую руку бога. И оно таит в себе чудеса. Каждую девятую ночь из него будут возникать восемь подобных ему колец, потому что это Драупнир, кольцо приумножения.

— Одину, Отцу богов, отдам я это кольцо, — проговорил оживший Брокк. — И Один поневоле признает, что в Асгард еще не доставляли ничего столь удивительного и столь полезного богам. О Локи, хитроумный Локи, я получу твою голову вопреки всем твоим уловкам.

— Не спеши, брат, — остудил его восторг Синдри. — Мы неплохо потрудились. Но куда совершеннее должно быть то, что заставит обитателей Асгарда отдать тебе голову Локи. Работай, как прежде, брат, и не позволяй пламени ни взвиваться, ни

опадать ни на мгновение.

На сей раз Синдри бросил в огонь железную болванку и отошел, чтобы взять молот для ковки. Брокк по-прежнему раздувал мехи, но дрожал всем телом в предчувствии укуса слепня. Только его руки оставались тверды.

Карлик увидел, как слепень ворвался в кузницу, и вскрикнул, когда тот закружился вокруг него, примериваясь, куда бы ужалить посвирепее. Он сел Брокку на лоб, прямо между бровей. От первого укуса у карлика из глаз посыпались искры. От второго укуса кровь отхлынула от головы Брокка. Тьма объяла пещеру. Брокк не выпускал рукояти мехов, но не мог определить, ровно ли горит пламя. Он закричал, и Синдри поспешил к нему.

Синдри произнес заклинание над изделием, лежавшим в огне, и вытащил его.

— Еще мгновение, — проговорил он, — и это было бы поистине совершенное творение. Но поскольку ты позволил пламени на мгновение опасть, оно не так хорошо, как могло бы быть.

Синдри положил предмет, выплавившийся в огне, на главную наковальню и начал ковать. Когда к Брокку вернулось зрение, он увидел огромный молот, весь из железа. Только вот рукоять казалась коротковатой. Так вышло потому, что, пока молот выплавлялся, пламя на мгновение опало.

— Это молот Мьёлльнир, — сказал Синдри, — самое великое из того, что я способен сделать. Все в Асгарде должны возликовать при виде моего молота. Только Тору будет по силам справиться с ним. Теперь я не боюсь приговора, который вынесут обитатели Асгарда.

— Обитатели Асгарда должны признать наше превосходство! — закричал Брокк. — Признать наше превосходство и отдать мне голову Локи, моего мучителя.

— Никогда в Асгард не приносили более чудесных и более полезных даров, — сказал Синдри. — Твоя голова спасена, и ты сможешь получить голову Локи, который нас оскорбил. Принеси ее сюда, и мы бросим ее в огонь в кузнице.

Асы и ваны сидели в Зале Совета, когда перед ними появился Брокк во главе толпы карликов, тащившей предметы огромной тяжести. Брокк и его прислужники окружили трон Одина и застыли, ожидая речи Отца богов.

— Мы знаем, зачем вы пришли из Свартхейма в Асгард, — сказал Один. — Вы принесли чудесные вещи, полезные для обитателей Асгарда. Покажи их нам, Брокк. Если они чудеснее и полезнее, чем копье Гунгнир и корабль Скидбладнир, которые принес из Свартхейма Локи, мы присудим победу тебе.

Тогда Брокк велел карликам, которые ему прислуживали, показать обитателям Асгарда первое из чудес, сотворенных Синдри, и они вынесли вперед вепря Золотая Щетина. Вепрь стал летать по Залу Совета, оставляя за собой светящийся след. Обитатели Асгарда кивали и говорили друг другу, что это воистину диковина. Но ни один не сказал, что вепрь Асгарду нужнее копья, которое всегда поражает цель, каким бы неумелым ни был метатель, или корабля Скидбладнира, который может плавать по самому бурному морю, а сложенный умещается в любом кармане. Никто не сказал, что Золотая Щетина лучше этих сокровищ.

Фрейру, господину ванов, отдал Брокк чудесного вепря.

Затем цверги-слуги вынули кольцо, сверкавшее как солнце. Все восхищались благородным кольцом. А узнав, что каждую девятую ночь из этого кольца возникают восемь подобных ему золотых колец, обитатели Асгарда в один голос провозгласили, что Драупнир, кольцо приумножения, настоящее диво. Брокк торжествующе посмотрел на Локи, который стоял, стиснув зубы.

Одину, Отцу богов, отдал Брокк благородное кольцо.

Затем он велел карликам-слугам положить перед Тором молот Мьёлльнир. Тор поднял молот и с зычным кликом взмахнул им над головой. Как только обитатели Асгарда узрели Тора с молотом Мьёлльниром в руках, глаза у них загорелись, а с уст сорвался крик:

— Чудо, воистину чудо! Никто не устоит перед Тором, нашим богатырем, если у него в руках будет такой молот. Никогда Асгард не видел более великого творения, чем молот Мьёлльнир.

Тогда Один, Отец богов, сидя на своем троне, изрек приговор:

— Молот Мьёлльнир, который цверг Брокк принес в Асгард, — самый удивительный и самый полезный для богов дар. В руках Тора он может крушить горы и отбрасывать великанье племя от стен Асгарда. Цверг Синдри превзошел мастеров, создавших копье Гунгнир и корабль Скидбладнир. Это окончательный приговор.

Оскалив кривые зубы, Брокк посмотрел на Локи и закричал:

— Теперь, Локи, отдавай мне свою голову!

— Не проси этого, — сказал Один. — Требуй любого другого наказания для Локи за то, что он насмехался над тобой и изводил тебя. Пусть он заплатит тебе столько, сколько в состоянии заплатить.

— Ну уж нет, так не пойдет, — взвизгнул Брокк. — Вы, обитатели Асгарда, выгораживаете друг друга. А как же я? Локи взял бы мою голову, если бы выиграл. Он проиграл мне свою голову. Велите ему стать на колени, и я отсеку ее.

Локи вышел вперед, улыбаясь сжатыми губами.

— Я стану перед тобой на колени, цверг, — сказал он. — Бери мою голову. Но смотри не прикасайся к шее. Насчет шеи уговора не было. Я попрошу обитателей Асгарда покарать тебя, если ты ее заденешь.

Брокк с рычанием отпрянул.

— Таково решение богов? — спросил он.

— Ты заключил гнусную сделку, Брокк, — сказал Один, — и должен мириться со всеми ее гнусными последствиями.

Брокк в гневе посмотрел на Локи и, увидав, что губы его растянуты в улыбке, совсем рассвирепел и даже затопал ногами. Потом он подошел к Локи и сказал:

— Я не могу взять твою голову, зато могу кое-что сделать с твоими губами, которые насмехаются надо мной.

— Что же ты сделаешь, цверг? — спросил Тор.

— Я сошью губы Локи, — прошипел Брокк, — чтобы он больше не мог никого язвить своими речами. Вы, обитатели Асгарда, мне этого не запретите. Стань на колени, о Локи.

Локи обвел взглядом обитателей Асгарда и понял по их лицам, что ему придется склониться перед карликом. Нахмурив брови, он опустился на колени.

— Сожми губы, Локи, — приказал Брокк.

Локи, сверкая глазами, сжал губы. Вынув из-за пояса шило, Брокк проткнул своему врагу губы, потом достал ремень и сшил их.

— О Локи, — с торжеством сказал мстительный карлик, — ты похвалялся, что цверги, работавшие на тебя, более искусные мастера, чем мой брат Синдри. Тебя уличили во лжи. Теперь ты долго не сможешь похваляться.

Затем карлик Брокк величественной поступью покинул Зал Совета и Асгард, а карлики-слуги вереницей последовали за ним. Все ниже спускались карлики подземными ходами, распевая песнь о торжестве Брокка над Локи. И история о том, как Синдри и Брокк одержали победу, долго передавалась в Свартхейме из уст в уста.

А в Асгарде теперь, когда рот Локи был зашит, воцарились мир и покой. И никто из асов и ванов не жалел, что Локи вынужден бродить в молчании, понурив голову.

Как Фрейя получила ожерелье и как она потеряла любимого

Да, бессловесный Локи бродил по Асгарду, понурив голову, и обитатели Асгарда говорили друг другу:

— Это отучит Локи строить козни.

Не знали они, что прежние проделки Локи посеяли семена зла и что семена эти должны взойти и принести горе прекрасной дочери ванов Фрейе, той, которую великан хотел забрать вместе с солнцем и луною в награду за возведение стены вокруг Асгарда.

Фрейя тоже видела диковины, которые Локи принес в Асгард, — золотые нити, что стали волосами Сив, и Фрейрова вепря, излучавшего в полете свет каждой щетинкой. Ослепленная блеском золота, она возмечтала о том, чтобы самой обладать подобными сокровищами. И частенько думалось ей: «Какие дивные драгоценности могли бы дать мне три великанши, если б я решилась пойти на вершину той горы, где они живут».

Задолго до этого, — когда стена вокруг города еще не была построена, когда боги воздвигли только свои двенадцать престолов, чертог для Одина и чертог для богинь, — в Асгард явились три великанши.

Явились они после того, как боги поставили кузницу и начали обрабатывать металл для отделки своих жилищ. А

металлом этим было чистое золото. Из золота выстроили они Глядсхейм, чертог Одина, из золота изготовляли всю домашнюю утварь. В тот золотой век боги раскидывали золото куда попало. И ничто не омрачало их счастья — ни тень, ни дурное предзнаменование.

Но у трех великанш боги научились ценить и прятать золото. Они больше не играли в него. И блаженная невинность первых дней покинула их.

В конце концов три великанши были изгнаны из Асгарда. Боги перестали бредить золотом, и выстроили свой город, и укрепили его.

А теперь Фрейя, прекрасная юная дочь ванов, только и думала что о великаншах и дивных золотых вещицах, которые они непрерывно пересыпали с ладони на ладонь. Но Оду, своему супругу, она не поверяла этих дум, потому что Од более всех других обитателей Асгарда сожалел о днях блаженной невинности, когда золото не прятали и не ценили. Од не позволил бы Фрейе приблизиться к вершине горы, где стоял высокий трон трех великанш.

Но Фрейю преследовала мысль о золотых вещицах, которыми они владели. «Как Од узнает, что я ходила к ним? — твердила она себе. — Никто ему не скажет. И что в этом страшного, если я схожу к ним и получу в подарок какое-нибудь украшение? Я ведь не буду любить Ода меньше из-за того, что один раз поступлю по-своему».

И вот однажды, когда Од, ее муж, возился с их маленькой дочуркой Хнос, она выскользнула из своего чертога, покинула Асгард и спустилась на землю. Там она некоторое время ухаживала за цветами, что было ее обязанностью, и наконец решилась спросить альвов, где находится гора, на которой сидят три великанши.

Альвы побоялись дать ей ответ, хоть она и была их владычицей. Она оставила их и крадучись спустилась в пещеры карликов-цвергов. И карлики показали ей дорогу к трону великанш, но сначала обидели ее и унизили.

— Мы покажем тебе дорогу, если ты побудешь здесь, с нами, — сказал один из карликов.

— Сколько времени вы хотите продержать меня здесь? — спросила Фрейя.

— До тех пор, пока в Свартхейме не прокричат петухи, — загалдели карлики, окружив ее плотным кольцом. — Нам хочется насладиться обществом одной из небожительниц.

— Хорошо, я побуду с вами, — уступила Фрейя.

Тогда один из карликов приблизился, обхватил ее за шею и

чмокнул своими погаными губами. Фрейя попыталась вырваться, но карлики не отпускали ее.

— Теперь ты не можешь уйти от нас, пока в Свартхейме не прокричат петухи, — заявили они.

Один за другим карлики обнимали Фрейю и целовали, усаживаясь рядом с ней на груду шкур. Когда она заплакала, они прикрикнули на нее и побили. А самый чудовищный карла, придя в бешенство оттого, что она отвратила уста от его мерзких губищ, искусал ей руки. Вот какие ужасы терпела Фрейя в Свартхейме, пока не прокричали петухи.

На рассвете цверги указали ей гору, на вершине которой восседали, обозревая мир людей, три изгнанные из Асгарда великанши.

— Что ты желаешь получить от нас, жена Ода? — спросила великанша по имени Гулльвейг.

— Увы! Теперь, когда я нашла вас, я понимаю, что не должна просить ни о чем, — отвечала Фрейя.

— Говори, дочь ванов, — сказала вторая великанша.

Третья не промолвила ничего, но открыла ладонь, на которой лежало золотое ожерелье самой причудливой выделки.

— Какое оно сверкающее! — воскликнула Фрейя. — Вы сидите в тени, о женщины, но это ожерелье озаряет своим светом все вокруг. О, как бы я была счастлива носить его!

— Это Брисингамен, ожерелье Брисингов, — сказала та, что звалась Гулльвейг.

— Оно твое, носи его, жена Ода, — сказала та, которая держала ожерелье в руках.

Фрейя взяла сверкающее ожерелье и надела его на шею. Она была не в силах поблагодарить великанш, потому что заметила в их глазах зловещий огонь, но она поклонилась им и спустилась с горы, на которой они восседали, обозревая мир людей.

Вскоре она наклонила голову, рассмотрела Брисингамен, ожерелье Брисингов, и ее печаль как рукой сняло. Ведь ожерелья краше этого не существовало на свете! Ни у одной асини, ни у одной из дочерей ванов не было столь восхитительного украшения. Оно очень шло ей, и Од, подумала она, простит ее, увидев, какой прекрасной и какой счастливой сделало ее ожерелье Брисингов.

Фрейя поднялась с цветочного ложа, рассталась с легкими альвами и устремилась в Асгард. Все, кто приветствовал ее, долго и с изумлением взирали на дивное ее сокровище. А в глазах богинь вспыхивал завистливый огонек при виде ожерелья Брисингов.

Но Фрейя ни с кем словом не перекинулась: она спешила к

своему чертогу. Сейчас она покажется Оду и завоюет его прощение. Фрейя вбежала в свои сверкающие палаты и позвала мужа. Ответа не последовало. Ее дочка, малютка Хнос, играла одна на полу. Фрейя взяла ее на руки, но девочка заплакала и отвернулась от ожерелья Брисингов.

Богиня опустила Хнос на пол и опять принялась искать Ода. Его не было ни в одном из покоев. Она обошла чертоги всех обитателей Асгарда, расспрашивая о нем. Но никто не знал, куда он исчез. В конце концов Фрейя вернулась домой и стала ждать возвращения Ода. Но Од не приходил.

Вместо него пришла супруга Одина, царственная Фригг.

— Ты ждешь Ода, своего мужа, — сказала Фригг. — Увы, позволь открыть тебе, что Од сюда не вернется. Он исчез, когда ради блестящей побрякушки ты совершила то, что сделало его несчастным. Он ушел из Асгарда, и никто не знает, где его искать.

— Я буду искать его за пределами Асгарда! — вскричала Фрейя.

Она больше не плакала, только взяла малютку Хнос и передала ее Фригг, а затем взошла на свою повозку, запряженную парой кошек, и покатила из Асгарда на землю, в Мидгард, на поиски своего любимого.

Год за годом странствовала Фрейя по земле, разыскивая пропавшего Ода. Она добралась до самых пределов мира людей, откуда виднелся Ётунхейм, где жил великан, который хотел забрать ее вместе с солнцем и луной в награду за возведение стены вокруг Асгарда. Но нигде, от конца радужного моста Биврёста, соединявшего Асгард с землей, до границ Ётунхейма, не нашла она следа своего мужа Ода.

Наконец она повернула повозку к Биврёсту, радужному мосту, что протянулся от Мидгарда, земли, до Асгарда, селения богов. Хеймдалль, страж богов, охранял радужный мост. К нему и направилась Фрейя с трепетной надеждой в груди.

— О Хеймдалль, — крикнула она, — о Хеймдалль, страж богов, отзовись и скажи, если знаешь, где скрывается Од!

— Од в тех уголках, куда не заглянул ищущий. Од в тех уголках, откуда ушел ищущий. Тот, кто ищет Ода, никогда его не найдет, — сказал Хеймдалль, страж богов.

Фрейя стояла на Биврёсте и плакала. Фригг, царственная богиня, услышала всхлипывания и вышла из Асгарда утешить ее.

— Ах, чем ты можешь утешить меня, Фригг? — рыдала Фрейя. — Чем ты можешь утешить меня, если тот, кто ищет Ода, никогда его не найдет?

— Посмотри, как выросла твоя дочурка Хнос, — молвила Фригг.

Фрейя подняла глаза и увидела на радужном мосту Биврёсте прекрасную девушку. Она была юнее любой из дочерей асов и ванов, а лицо ее и фигура отличались таким совершенством, что все сердца таяли при виде ее.

И Фрейя утешилась в своей утрате. Она последовала за Фригг по Биврёсту, радужному мосту, и опять вступила в город богов. Вместе с дочерью Хнос стала жить Фрейя в собственном чертоге в Асгарде.

Она по-прежнему носила на шее Брисингамен, ожерелье Брисингов, отнявшее у нее Ода. Но теперь она носила его не для красы, а в напоминание о содеянном зле. Проливаемые ею слезы падали на землю золотым дождем. И поэты, знавшие ее историю, прозвали ее Плачущей Красавицей.

Как Фрейр завоевал Герд, девушку-великаншу, и как он потерял свой волшебный меч

Фрейр, господин ванов, очень соскучился по своей сестре, которая надолго исчезла из Асгарда, и ему захотелось хоть мельком взглянуть на нее. (Надобно вам знать, что случилось это как раз тогда, когда Фрейя странствовала по свету в поисках мужа, пропавшего Ода.) А в Асгарде существовало место, откуда можно было обозревать мир и видеть всех, кто скитался по его дорогам. Это была башня Одина — Хлидскьяльв.

Высоко в небесную лазурь возносилась эта башня. Фрейр отправился туда, точно зная, что Одина Всеотца на Хлидскьяльве нет. Только Гери и Фреки, два волка, которые во время пиршеств лежали у ног Одина, заступили Фрейру дорогу в башню. Но Фрейр заговорил с Гери и Фреки на языке богов, и волкам Одина пришлось его пропустить.

Но, поднимаясь по ступенькам внутри башни, Фрейр, господин ванов, понимал, что искушает судьбу. Ибо никто из высших богов — ни Тор, защитник Асгарда, ни Бальдр, любимец асов, — никогда не взбирался на вершину этой башни и не садился на престол Всеотца. «Но мне достаточно хоть одним

глазком взглянуть на сестру, — говорил себе Фрейр. — И со мной не случится ничего дурного, если я посмотрю на мир».

Он взошел на Хлидскьяльв, уселся на высокий трон Одина и окинул взором мир. Он увидел Мидгард, мир человеческий, с его домами и городами, фермами и людьми. А за Мидгардом он увидел Ётунхейм, страшную страну великанов, с ее черными горами и нагромождениями снега и льда. Увидел он и Фрейю, странствующую по свету. Ее лицо было обращено к Асгарду и путь лежал к городу богов. «Мое желание исполнилось, — сказал себе Фрейр, — и ничего дурного со мной не стряслось».

Но, произнося это, он не отрывал глаз от жилища, стоявшего среди льдов и снегов Ётунхейма. Долго созерцал он его, сам не зная зачем. Тут дверь дома распахнулась и на пороге показалась девушка-великанша. Фрейр смотрел на нее как зачарованный. Так велика была красота ее лица, что оно озаряло мрачную великанью страну, подобно звезде. Девушка постояла на пороге, а затем повернулась и шагнула внутрь, захлопнув за собой дверь.

Долго сидел Фрейр на престоле Одина. Затем он спустился по лестнице и прошел мимо волков, Гери и Фреки, которые угрожающе на него оскалились. Он обошел весь Асгард, но не встретил в городе богов никого, кто был бы ему приятен. Сон бежал от него в эту ночь, потому что не давала ему покоя краса девушки-великанши. А когда настало утро, Фрейра охватило чувство одиночества — ведь она была так далеко. Он опять отправился к Хлидскьяльву, но на сей раз волки Гери и Фреки зарычали и не пропустили его, хотя он опять заговорил с ними на языке богов.

Тогда он отправился за советом к мудрому Ньёрду, своему отцу.

— Ты видел Герд, сын мой, — сказал Ньёрд, — дочь великана Гюмира. Ты должен забыть ее. Твоя любовь к ней обернется для тебя бедой.

— Почему она обернется для меня бедой? — спросил Фрейр.

— Потому что за нее тебе придется отдать то, что ты ценишь превыше всего.

— Превыше всего я ценю свой волшебный меч.

— Тебе придется отдать свой волшебный меч, — сказал его отец, мудрый Ньёрд.

— Я отдам его, — заявил Фрейр, срывая с пояса чудесный булат.

— Одумайся, сын мой! — воскликнул Ньёрд. — Если отдашь свой меч, чем ты будешь сражаться в день Рагнарёка, когда великаны пойдут войной на богов?

Фрейр промолчал, но подумал, что день Рагнарёка еще

далеко, а уходя, бросил:

— В Герд мое счастье.

Жил в Асгарде один отчаянный малый, дерзкий в словах и поступках, по имени Скирнир. Ни с кем, кроме Скирнира, не мог Фрейр поделиться своей кручиной — кручиной, ниспосланной ему за то, что он посмел сесть на престол Всеотца.

Скирнир рассмеялся, услышав историю Фрейра.

— Ты, ван, влюблен в девушку из Ётунхейма! Вот так потеха! И что же, ты собираешься жениться?

— Мне бы хоть поговорить с ней или послать ей любовную весточку, — молвил Фрейр. — Но я не могу оставить альвов без присмотра.

— А если я передам весточку Герд, — сказал Скирнир Удалый, — что станет мне наградой?

— Мой корабль Скидбладнир или вепрь Золотая Щетина, — ответил Фрейр.

— Нет, нет, — возразил Скирнир, — я хочу всегда носить это на моем поясе. Хочу, чтобы это можно было сжимать в ладони. Отдай мне свой волшебный меч.

Фрейр вспомнил предостережение отца, что ему нечем будет сражаться в день Рагнарёка, когда великаны пойдут войной на богов и на Асгард. Вспомнил и, отпрянув от Скирнира, некоторое время размышлял. А коротышка Скирнир меж тем смеялся над ним во всю свою широкую глотку, и его голубые глаза тоже смеялись. В конце концов Фрейр сказал себе: «День Рагнарёка еще далек, а в Герд мое счастье».

Он снял с пояса меч, вложил его в руку Скирнира и произнес:

— Я дарю тебе мой меч, Скирнир. Передай мое послание Герд, дочери Гюмира. Покажи ей это золото и драгоценные каменья и скажи, что я люблю ее и добиваюсь ее любви.

— Я завоюю для тебя девушку, — молвил Скирнир Удалый.

— Но как ты попадешь в Ётунхейм? — спросил Фрейр, вдруг вспомнив, как мрачна страна великанов и как ужасны подступы к ней.

— О, с добрым конем и с добрым мечом можно попасть куда угодно, — ответил Скирнир. — Конь у меня богатырский, и ты дал мне свой волшебный меч. Завтра же я отправляюсь в путь.

Скирнир ехал по Биврёсту, радужному мосту, и смеялся в лицо Хеймдаллю, стражу Асгарда, во всю свою широкую глотку, и его голубые глаза тоже смеялись. Богатырский конь Скирнира перемахнул земли Мидгарда и переплыл реку, отделяющую Мидгард, мир людей, от Ётунхейма, страны великанов.

Бесшабашный и беспечный во всех своих делах, Скирнир лихо мчался вперед. Тут из железных лесов вышли кровожадные волки Ётунхейма, чтобы разорвать и проглотить всадника и его богатырского коня. Счастье Скирнира, что у него на поясе висел волшебный меч Фрейра. Острие меча разило, а блеск пугал лютых зверей. Все дальше и дальше уносил Скирнира его могучий конь. Наконец они оказались перед огненной стеной. Никакой конь, кроме богатырского коня Скирнира, не смог бы проскакать сквозь нее. Конь взвился, пронес всадника сквозь огонь и приземлился прямо в долине, где стояло жилище Гюмира.

И вот Скирнир очутился перед домом, в который, как видел Фрейр, вошла Герд в тот день, когда он поднялся на Хлидскьяльв, башню Одина. Исполинские псы, охранявшие жилище Гюмира, с лаем окружили его, но блеск волшебного меча отпугивал их. Скирнир повернул коня крупом к двери и заставил его бить в нее копытами.

Гюмир находился в пиршественной зале, где пил со своими друзьями великанами, и не слышал ни лая собак, ни громового стука в дверь. Но Герд пряла со служанками в общих палатах.

— Кто там у порога Гюмира? — спросила она.

— Воин на могучем коне, — сказала одна из служанок.

— Даже если он наш враг, убивший моего брата, мы впустим его и поднесем ему кубок хмельного Гюмирова меда, — решила Герд.

Одна из служанок отворила дверь, и Скирнир вступил в жилище Гюмира. Он узнал Герд среди ее служанок, подошел к ней и показал золото и драгоценные каменья, которые принес от Фрейра.

— Это для тебя, прекраснейшая Герд, — сказал он, — если ты отдашь свою любовь Фрейру, господину ванов.

— Завлекай своим золотом и каменьями других девушек, — отвечала Герд. — Мою любовь не купить драгоценными побрякушками.

Тогда Скирнир Удалый, дерзкий в словах, выхватил меч из ножен и занес над ней.

— Отдай свою любовь Фрейру, вручившему мне этот булат, — вскричал он, — или прими смерть от его клинка!

Герд, дочь Гюмира, только рассмеялась над наглостью Скирнира.

— Пугай человеческих дочерей остротою меча Фрейра, — сказала она, — но не пытайся испугать ею дочь великана.

Тогда Скирнир Удалый, дерзкий в словах, замахал у нее перед глазами мечом и возопил диким голосом:

Герд заколдую,
Сталью волшебной
К ней прикоснувшись.
Сила заклятья
Высушит тело,
Словно солому,
Ту, что по ветру
Клочьями мчится,
С кровли сорвавшись.

Услышав эти ужасные слова и странные присвисты волшебного меча, Герд упала ниц и взмолилась о пощаде. Но Скирнир стоял над нею, и волшебный меч сверкал и свистел. Скирнир завывал:

Морщинистей станешь
Столетней старухи,
Тобой великаны
Все будут гнушаться,
Лишь карлик презренный
Возьмет тебя в жены.
Клинок уже близко,
Страшны его чары.

Герд поднялась на колени, умоляя Скирнира не заколдовывать ее.

— Только если ты отдашь Фрейру свою любовь, — сказал Скирнир.

— Я отдам ему свою любовь, — вымолвила Герд. — А теперь спрячь свой волшебный меч, выпей кубок меда и уходи из жилища Гюмира.

— Я не стану пить твой мед и не уйду из жилища Гюмира, пока ты не пообещаешь встретиться и поговорить с Фрейром.

— Я встречусь с ним и поговорю, — пообещала Герд.

— Когда ты встретишься с ним? — спросил Скирнир.

— В лесу Барри через девять ночей после этой. Пусть он придет туда.

И Скирнир убрал в ножны свой волшебный меч и выпил кубок меда, который поднесла ему Герд. Всю дорогу от дома Гюмира до радужного моста Биврёста он оглушительно хохотал, потому что завоевал для Фрейра Герд, а для себя — волшебный меч.

Скирнир Удалый, дерзкий в словах, проезжая по Биврёсту на своем могучем коне, увидел, что Фрейр поджидает его, стоя рядом с Хеймдаллем, стражем моста, ведущего в Асгард.

— Какие вести ты мне везешь? — закричал Фрейр. — Отвечай сейчас же, Скирнир, не сходя с коня.

— Через девять ночей после этой ты встретишь Герд в лесу Барри. — Скирнир засмеялся во всю свою широкую глотку, и его голубые глаза тоже смеялись.

Но Фрейр отвернулся и прошептал:

Длинен, длинен день,
Вдвое длиннее — два;
Как же мне пережить
Бесконечные девять дней?

Мучительно тянулись эти дни для Фрейра. Но вот наступил девятый день, и вечером Фрейр отправился в лес Барри. И там он нашел Герд, девушку-великаншу, и не был разочарован. Герд, увидав Фрейра, такого высокого и благородного, возрадовалась, что Скирнир Удалый вырвал у нее обещание встретиться с ним в лесу Барри. Они обменялись золотыми кольцами, и было решено, что девушка-великанша вступит в Асгард невестой Фрейра.

И Герд пришла в Асгард, но с ней пришла и другая девушка-великанша. Вот как это случилось.

Все обитатели Асгарда собрались у огромных ворот, готовясь приветствовать невесту Фрейра. И тут появилась девушка-великанша, но не Герд. И была она с ног до головы закована в броню.

— Я Скади, — сказала она, — дочь Тьяцци. Мой отец принял смерть от обитателей Асгарда. Я требую возмещения.

— Какого возмещения ты хочешь, дева? — спросил Один, улыбаясь при виде девушки-великанши, так смело явившейся в Асгард.

— Мужа из вашего племени, как у Герд. И по моему выбору.

Все расхохотались над словами Скади. Потом Один проговорил, смеясь:

— Мы позволим тебе выбрать у нас мужа, но ты должна выбрать его по ступням.

— Я согласна, — сказала Скади, не сводя очей с Бальдра, самого прекрасного из всех обитателей Асгарда.

Великанше завязали глаза, и асы и ваны уселись вокруг нее. Переходя от одного к другому, она каждому клала руки на ступни и наконец добралась до того, у кого ступни были настолько красивые, что у нее не возникло сомнений, что это Бальдр. Она

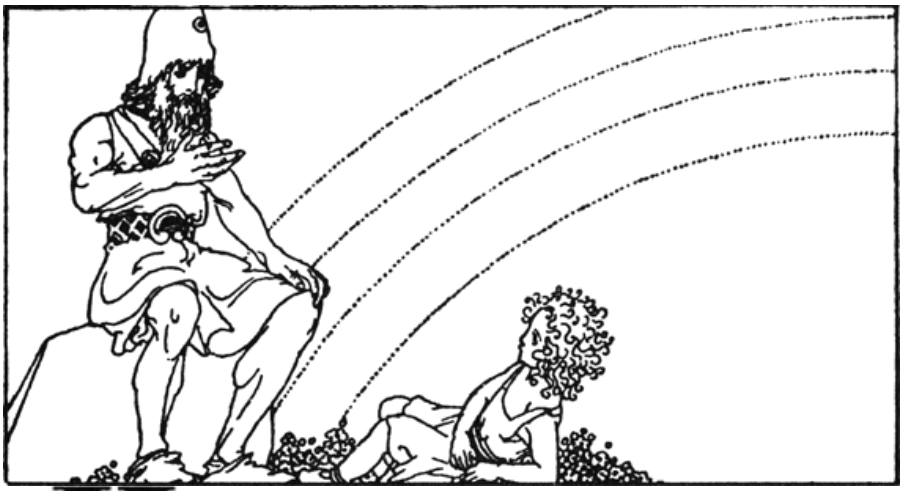
встала и сказала:

— Вот тот, кого Скади выбирает себе в мужья.

Тут асы и ваны расхохотались еще громче, сняли у нее с глаз повязку, и Скади узрела… нет, не Бальдра Прекрасного, а Ньёрда, отца Фрейра. Но чем дольше Скади всматривалась в Ньёрда, тем больше она радовалась своему выбору, ибо Ньёрд был силен и благороден обликом.

Эта пара, Ньёрд и Скади, сперва отправилась жить в прибрежный чертог Ньёрда, но крики морских чаек слишком рано будили Скади по утрам, и она увлекла мужа на вершину горы, где чувствовала себя гораздо лучше. Ньёрд же тосковал по шуму прибоя. Так с горы к морю и обратно путешествовали Скади и Ньёрд. А Герд оставалась в Асгарде с Фрейром, своим супругом, и асы и ваны очень полюбили Герд, девушку-великаншу.

Хеймдалль и малютка Хнос
Как зародился мир



Хнос, дочка Фрейи и пропавшего Ода, была в Асгарде самой юной. А поскольку было предсказано, что девочка соединит своих родителей, маленькую Хнос часто выводили за городские ворота к Биврёсту, радужному мосту, чтобы она могла приветствовать Ода, если он обратит свои стопы к селению богов.

Во всех чертогах Асгарда малютку Хнос принимали с радостью — в Фенсалире, туманных палатах, где Фригг, супруга Одина Всеотца, пряла золотые нити; в Брейдаблике, где Бальдр Драгоценный жил со своей красавицей женой, юной Нанной; в Бильскирнире, доме Тора и Сив; и в собственном чертоге Одина, Вальяскьяльве, крытом серебряными щитами.

Самым величественным из чертогов был Глядсхейм, построенный у златолистной рощи Глясир. Здесь пировали боги. Малютка Хнос часто заглядывала сюда и видела Одина Всеотца, восседающего за пиршественным столом, в синем плаще и сверкающем шлеме, увенчанном головой орла. Всеотец не вкушал никаких яств, только пил вино богов и бросал куски мяса со стола Гери и Фреки, двум волкам, лежавшим у его ног.

Хнос любила выходить за огромные ворота и коротать время с Хеймдаллем, стражем радужного моста. Когда по мосту никто не шел и не на кого было смотреть, она сидела рядом с Хеймдаллем и слушала его чудесные рассказы.

У Хеймдалля в руках был рог, называвшийся Гьяллархорн. Когда кто-то появлялся на мосту, он трубил в него, предупреждая обитателей Асгарда. И Хеймдалль рассказывал малютке Хнос, что научился слышать, как растут травы, и видеть все на сотню миль вокруг. Ночью он различал предметы так же хорошо, как днем, и никогда не спал. У него было девять матерей, поведал он Хнос, и питался он силою земли и студеного моря.

Сидя изо дня в день рядом с Хеймдаллем, малютка Хнос постепенно узнавала о происхождении всего сущего. Хеймдалль жил от начала времен, и ему было ведомо все.

— Задолго до возведения Асгарда, — говорил он, — и до рождения Одина не существовало ни земли, ни моря, ни неба — одна мировая бездна. На севере находился Нифльхейм, царство мертвящего холода, а на юге — Муспелльсхейм, страна огня. В Нифльхейме был поток Хвергельмир, из которого вытекало двенадцать рек, вливавшихся в мировую бездну.

Гинунгагап, мировая бездна, наполнялась льдом, потому что воды рек, вливаясь в нее, замерзали. Из Муспелльсхейма шел жар, превращавший лед в густые туманы. Туманы же оседали изморозью, и из этой изморози произошел Имир, древнейший великан.

Имир, древнейший великан, пустился в странствие по двенадцати рекам и наконец различил в туманах очертания еще одного существа. То была громадная корова по имени Аудумла. Имир лег рядом с нею и попил ее молока. С тех пор он стал питаться молоком, которое давала ему Аудумла. Из изморози, упавшей на землю, возникли и другие существа — дочери инея. Имир, древнейший великан, женился на одной из них и дал начало роду великанов.

Однажды Имир заметил, что Аудумла дышит на глыбу льда и лижет языком то место, на которое подышала. И чем дольше она лизала, тем отчетливей под ее языком вырисовывалась фигура, не похожая на великанью — несравненно более стройная и красивая. Вот из глыбы появилась голова, и золотые волосы упали на лед. Разглядев нарождающееся существо, Имир возненавидел его за красоту.

Аудумла, гигантская корова, продолжала лизать глыбу, и наконец на свет вышел совершенно законченный человек. Имир, древнейший великан, испытывал к нему такую ненависть, что готов был убить тут же, на месте. Но он знал, что за это Аудумла перестанет кормить его своим молоком.

Бури звался человек, появившийся из ледяной глыбы. Бури, первый из героев. Он тоже был вскормлен молоком Аудумлы.

Бури женился на дочери древнейшего великана и имел с нею сына. Но Имир и сыновья Имира ненавидели Бури и в конце концов убили его.

Тогда разгорелась война между Имиром и его сыновьями и сыном Бури и его сыновьями. Среди сыновей сына Бури был Один. Он созвал своих братьев, и они сумели уничтожить Имира и всех его потомков — всех, кроме одного. Огромен был Имир, и кровь из его раны хлынула таким мощным потоком, что в нем утонули все его чада, все, кроме Бергельмира, который вместе с женой сидел в это время в лодке. Поток унес их в то место, что теперь зовется Ётунхеймом, страной великанов.

И вот Один и его сыновья взяли тело великана Имира — громаднейшее из когда-либо существовавших на свете — и сбросили в мировую бездну, заполнив им пустоту. Они выковырнули из него кости и, нагромоздив их друг на друга, соорудили горы. Выдрали зубы и, понатыкав их там и сям, сотворили скалы. Волосы Имира они превратили в леса. Его ресницами огородили Мидгард, где теперь обитают люди. А из полого черепа Имира создали небо.

Но Один, сыновья его и братья сделали не только это. Искры огня, сыпавшиеся из Муспелльсхейма, они превратили в солнце, луну и звезды. Сам Один отыскал сумрачную великаншу по имени Ночь, имевшую сына по имени День, и дал обоим по коню, чтобы они ездили по небосводу. Ночь ездит на коне, зовущемся Хримфакси, Инеистая Грива, а День ездит на коне, зовущемся Скинфакси, Сияющая Грива. С мундштука Хримфакси летят брызги, оседающие на землю росой.

Затем Один и его сыновья создали племя мужчин и женщин и поселили их в Мидгарде. Уродливые карлики народились и расползлись по всей земле. Их Один прогнал в подземелья. Альвам он дозволил остаться на земле, но повелел им ухаживать за реками, травами и цветами. А с ванами он заключил мир после недолгой войны, взяв у них в заложники Ньёрда.

Бергельмир, не утонувший в крови Имира, наплодил в Ётунхейме сыновей и дочерей, которые ненавидели Одина и его сыновей и боролись против них. Когда Один осветил мир, они разъярились еще пуще и послали в погоню за солнцем и луной двух свирепейших волков Ётунхейма. До сих пор за солнцем и луной, за Соль и Мани, гонятся те исполинские волки…

Вот такие диковинные истории златозубый Хеймдалль рассказывал Хнос, самой юной из обитателей Асгарда. Часто девочка, сидя рядом с ним у радужного моста, видела, как боги направляются в Мидгард или возвращаются оттуда: вот шагает

Тор в своей звездной короне, с огромным молотом Мьёлльниром в руках и в железных перчатках, без которых ему не поднять Мьёлльнир; вот он уже в поясе, удваивающем силу, катит на своей колеснице, запряженной двумя козлами; вот быстро, как птица, мчится Фригг в соколином оперенье; вот сам Один Всеотец в золотых латах, золотом шлеме, увенчанном головой орла, и с копьем Гунгнир в руке скачет верхом на Слейпнире, своем восьминогом коне.

Хеймдалль обычно вешал свой рог на ветвь огромного дерева. Это дерево зовется Иггдрасиль, говорил он маленькой Хнос, и на него дивятся и боги, и люди.

— Никому не ведомо о временах, когда Иггдрасиля не было, и все боятся думать о временах, когда его не станет.

У Иггдрасиля три корня. Один уходит глубоко под Мидгард, другой — под Ётунхейм, а третий тянется над Асгардом. Над чертогом Одина простирается ветвь Иггдрасиля, и она зовется Ветвь Мира.

Ты видишь Иггдрасиль, Хнос, но тебе неизвестно, какие чудеса таит в себе это дерево. Высоко в его ветвях пасутся четыре оленя. Они стряхивают со своих рогов влагу, которая падает на землю каплями дождя. На самой верхушке Иггдрасиля, такой высокой, что сами боги едва способны ее разглядеть, сидит орел, которому ведомо все, а между глазами орла — ястреб, видящий то, чего не видит орел.

Корень Иггдрасиля, уходящий под Мидгард, достигает самого царства мертвых, где злобный дракон Нидхёгг постоянно гложет его, пытаясь погубить Иггдрасиль, мировое древо. И Рататоск, вероломная белка, — вот она! — снует вверх-вниз по Иггдрасилю, разжигая вражду между орлом и драконом. Она бежит сказать дракону, что орел хочет разорвать его на куски, и мчится назад к орлу сообщить, что дракон намеревается проглотить его. Брань, которую Рататоск передает Нидхёггу, побуждает свирепого дракона еще яростнее грызть Иггдрасиль, мировое древо, дабы скорее добраться до орла и пожрать его.

Рядом с корнями Иггдрасиля есть два источника — один внизу, другой наверху. Первый находится у корня, который растет в Ётунхейме. Это источник познания, и охраняет его старец Мимир Премудрый. Всякому, кто пьет из этого источника, открывается будущее. Второй источник — у корня, простирающегося над Асгардом. Из этого источника пить никому не дозволено. Три сестры, священные норны, охраняют его. Они обрызгивают Иггдрасиль кристальной влагой, чтобы древо жизни оставалось зеленым и сильным. Этот источник, малютка Хнос,

называется источником Урд.

И малютка Хнос узнала, что у источника Урд живет пара прекрасных белых лебедей. Они поют дивные песни, которые часто слышат обитатели Асгарда. Но Хнос была еще слишком мала, чтобы слышать пение лебедей над водами источника Урд.

Предчувствия Всеотца
Как он покидает Асгард

У Одина Всеотца было два ворона, Хугин и Мунин. Они летали над всеми мирами и каждый день возвращались в Асгард, чтобы рассказать Одину обо всем, что видели и слышали. Однажды день миновал, а вороны не вернулись. Тогда Один, стоя на башне Хлидскьяльв, сказал себе:

Мне за Хугина страшно,
За Мунина и подавно, —
Где мои вещие птицы?

Миновал еще день, и вороны прилетели и сели на плечи Одину. Тогда Всеотец пошел в Зал Совета у златолистной рощи Глясир и стал внимать откровениям Хугина и Мунина.

Говорили они ему только о дурных предвестиях и предзнаменованиях. Всеотец не открыл обитателям Асгарда, о чем поведали ему вороны. Но Фригг, его владычица, прозрела в очах супруга предвестия и предзнаменования грядущих бед. И когда он завел речь об этих бедах, Фригг сказала:

— Не пытайся отвратить то, что должно случиться. Пойдем к священным норнам, сидящим у источника Урд, и посмотрим, не исчезнут ли дурные предвестия и предзнаменования, когда ты заглянешь им в глаза.

И вот Один и боги покинули Асгард и отправились к

источнику Урд, где под огромным корнем Иггдрасиля, оберегая пару дивных лебедей, сидели три норны. В путь двинулись Один, и Тюр, великий воитель, и Бальдр, прекраснейший и драгоценнейший из всех богов, и Тор со своим молотом.

Радужный мост вел из Асгарда, города богов, в Мидгард, мир людей. Но другой радужный мост, еще более чудесный и трепетный, вел от Асгарда к тому корню Иггдрасиля, под которым плескались воды источника Урд. Этот радужный мост редко бывал виден людям. И там, где соединялись концы двух радуг, стоял златозубый Хеймдалль, страж богов, хранитель пути к источнику Урд.

— Открой ворота, Хеймдалль, — обратился к нему Всеотец, — открой ворота, ибо сегодня боги посетят священных норн.

Без единого слова Хеймдалль широко распахнул ворота, за которыми начинался мост более яркий и более зыбкий, чем любая радуга, видимая с земли. Тогда Один, и Тюр, и Бальдр ступили на него. Тор последовал за ними, но прежде чем его нога опустилась на мост, Хеймдалль положил руку ему на плечо.

— Ты не можешь идти этой дорогой, Тор, — сказал Хеймдалль.

— Что? Ты, Хеймдалль, остановишь меня? — вскричал Тор.

— Да, потому что я хранитель пути к норнам, — отвечал Хеймдалль. — Ты со своим молотом слишком тяжел. Мост, который я охраняю, обломится под тобой, Тор Молотоносец.

— И все же я пойду к норнам вместе с Одином и моими собратьями, — сказал Тор.

— Но не этой дорогой, Тор, — повторил Хеймдалль. — Я не допущу, чтобы под твоей тяжестью и тяжестью твоего молота рухнул мост. Оставь мне свой молот, если собираешься идти здесь.

— Нет, нет! — отшатнулся Тор. — Я никому не доверю молот, защищающий Асгард. И ничто не помешает мне пойти с Одином и моими собратьями.

— Есть другой путь к источнику Урд, — сказал Хеймдалль. — Видишь эти две широкие клубящиеся реки — Кермт и Эрмт? Можешь ли ты перейти их вброд? Они холодны, и испарения их удушливы, но они приведут тебя к источнику Урд, где сидят три священные норны.

Тор посмотрел на две широкие кипучие реки. Воды их были холодны, а испарения удушливы. И все же, переходя их, он сможет нести на плече молот, который никому не решается доверить. Он шагнул в дымящуюся реку, омывавшую основание радужного моста, и с молотом на плече стал пробираться к

другой реке.

Один, Тюр и Бальдр были уже у источника Урд, когда Тор выбрался из бурлящей реки, мокрый и запыхавшийся, но по-прежнему с молотом на плече. Тюр, прямой и красивый, опирался на свой меч, сплошь испещренный магическими рунами. Бальдр стоял с опущенной головой и с улыбкой на устах, очарованный тихой песней двух чудесных лебедей, а подле него стоял Один Всеотец, в своем синем плаще, окаймленном золотыми звездами, без шлема-орла на голове и без копья в руках.

Три норны — Урд, Верданди и Скульд — сидели у источника, вытекавшего из дупла огромного корня Иггдрасиля. Урд была седовласой старухой, Верданди — юной красавицей, а Скульд почти невозможно было разглядеть, потому что она сидела позади сестер и волосы падали ей на лицо. Урд, Верданди и Скульд прозревали все прошлое, все настоящее и все будущее. Всеотец заглянул им в глаза, даже в глаза Скульд. Долго, долго взирал он на норн божественными зеницами, пока другие слушали песнь лебедей и шорох листьев Иггдрасиля, падающих в источник Урд.

И в глазах норн воочию увидал Всеотец предвестия и предзнаменования, о которых поведали ему Хугин и Мунин. И тут через радужный мост перешли Фригг, Сив и Нанна, жены Одина, Тора и Бальдра. Фригг посмотрела на норн, потом обратила взор, полный любви и печали, на Бальдра, своего сына, и, отступив, положила руку на голову Нанны.

Всеотец оторвал взгляд от норн и перевел его на Фригг, свою царственную супругу.

— Я должен на время покинуть Асгард, супруга Одина, — молвил он.

— Да, — отозвалась Фригг. — Многое нужно сделать в Мидгарде, мире людей.

— Я обращу свое знание в мудрость, — продолжал Один, — дабы то, что неминуемо случится, по возможности обернулось к лучшему.

— Тебе нужно идти к источнику Мимира, — сказала Фригг.

— Я пойду к источнику Мимира, — сказал Один.

— Иди, супруг мой, — сказала Фригг.

Они опять прошли по радужному мосту, более чудесному и более зыбкому, чем тот, который люди видят с земли. Все вернулись по радужному мосту, асы и асини, Один и Фригг, Бальдр и Нанна, Тюр со своим мечом и Сив рядом с Тюром. Что до Тора, то он с молотом Мьёлльниром на плече опять побрел через кипящие реки Кермт и Эрмт.

Малютка Хнос, самая юная из обитателей Асгарда, стояла

рядом с Хеймдаллем, стражем богов и хранителем моста, ведущего к источнику Урд, когда Один Всеотец и его царственная супруга Фригг с поникшими головами вышли из огромных ворот. И она слышала, как Один произнес:

— Завтра я стану Вегтамом Странником, бредущим по дорогам Мидгарда и Ётунхейма.

Часть 2
Вегтам Странник

Всеотец отправляется к источнику Мимира Какой ценой он обретает мудрость

И вот Один, уже не верхом на Слейпнире, своем восьминогом коне, не в золотых доспехах и шлеме-орле и даже без своего копья, отправился странствовать по Мидгарду, миру людей, держа путь к Ётунхейму, стране великанов.

Его называли уже не Один Всеотец, а Вегтам Странник. На нем был темно-синий плащ, а в руках — посох. И вот, направляясь к источнику Мимира, он встретил великана верхом на гигантском олене.

Перед людьми Один представал человеком, а перед великанами — великаном. Он зашагал рядом с великаном на гигантском олене, и они повели разговор.

— Кто ты, о брат? — спросил Один великана.

— Я Вафтруднир, мудрейший из великанов, — ответил ехавший верхом на олене.

Тогда Один узнал его. Вафтруднир действительно был мудрейшим из великанов, и многие пытались занять у него мудрости. Но приходившие к нему должны были разгадывать загадки, и, если им это не удавалось, великан отсекал им головы.

— Я Вегтам Странник, — сказал Один, — и знаю, кто ты, о

Вафтруднир. Я постараюсь кое-чему у тебя научиться.

Великан расхохотался, показав зубы.

— О-хо-хо! — воскликнул он. — Я готов вступить с тобой в игру. Известна ли тебе ставка? Ты получаешь мою голову, если я не отвечу на какой-нибудь из твоих вопросов. А если ты не сможешь ответить на какой-нибудь из моих вопросов, я получаю твою голову. Хо-хо-хо. Ну что, приступим?

— Я готов, — сказал Один.

— Тогда ответь мне, — начал Вафтруднир, — как называется река, отделяющая Асгард от Ётунхейма?

— Ивинг — имя этой реки, — сказал Один. — Ивинг, воды которой студены, но никогда не одеваются льдом.

— Твой ответ верен, о Странник, — молвил великан. — Но за мной еще два вопроса. Как зовут коней, на которых День и Ночь ездят по небосводу?

— Скинфакси и Хримфакси, — отвечал Один.

Тут Вафтруднир не на шутку перетрухнул, потому что эти имена были известны только богам и мудрейшим из великанов. Если незнакомец не спасует перед последним вопросом, настанет его черед спрашивать.

— Ответь мне, — проговорил Вафтруднир, — как называется место, где разыграется последняя битва?

— Долина Вигрид, — сказал Один, — равнина, раскинувшаяся на сто миль в длину и на сто в ширину.

Пришла очередь Одина задавать вопросы Вафтрудниру.

— Каковы будут последние слова, которые Один прошепчет на ухо Бальдру, своему любимому сыну? — спросил он.

Тут Вафтруднир затрясся от страха. Он спрыгнул на землю и пристально посмотрел на незнакомца.

— Только Один знает, каковы будут его последние слова, обращенные к Бальдру, и только Один мог спросить об этом. Ты сам Один, о Странник, и я не в состоянии ответить на твой вопрос.

— Тогда, — молвил Один, — если хочешь сохранить свою голову, открой мне, какую цену запросит Мимир за глоток из источника мудрости, который он охраняет?

— Он попросит твой правый глаз, о Один, — сказал Вафтруднир.

— Не согласится ли он на меньшую плату? — спросил Один.

— На меньшую плату он не согласится. Многие приходили к нему за глотком из источника мудрости, но никто не решился заплатить цену, которую просит Мимир. Я ответил тебе, о Один. Теперь откажись от моей головы и позволь мне следовать своим путем.

— Я отказываюсь от твоей головы, — сказал Один.

И Вафтруднир, мудрейший из великанов, поехал своей дорогой верхом на огромном олене.

Ужасную цену потребует Мимир за глоток из источника мудрости! Всеотец был повергнут в смятение этим открытием. Его правый глаз! Навеки лишиться правого глаза! Не лучше ли повернуть назад в Асгард, отказавшись от поисков мудрости?

Ноги несли Одина и не к Асгарду и не к источнику Мимира. Повернув на юг, он увидел Муспелльсхейм, где стоял с пылающим мечом Сурт, чудовищный исполин, который, когда придет день, присоединится к великанам в их войне против богов. Повернув на север, он услышал рев потока Хвергельмира, изливающегося из Нифльхейма, страны мрака и ужаса. И понял Один, что нельзя оставлять мир между Суртом, готовым уничтожить его огнем, и Нифльхеймом, готовым снова вобрать его в свой мрак и пустоту. Он, старейший из богов, должен обрести мудрость, которая поможет спасти мир.

И вот, исполненный решимости пережить утрату и боль, Один Всеотец обратил стопы к источнику Мимира. Источник этот находился под громадным корнем Иггдрасиля — тем, что рос в Ётунхейме. И там сидел Мимир, страж источника мудрости, глядя бездонными глазами в бездонные воды. И Мимир, каждый день утолявший жажду из источника мудрости, понял, кто стоит перед ним.

— Привет тебе, Один, старейший из богов, — сказал он.

Один поклонился Мимиру, мудрейшему из всех сущих в мире.

— Я хочу испить из твоего источника, Мимир.

— За это нужно уплатить дорогую цену. Все приходившие сюда отказывались уплатить ее. Захочешь ли ты, старейший из богов, принести требуемую жертву?

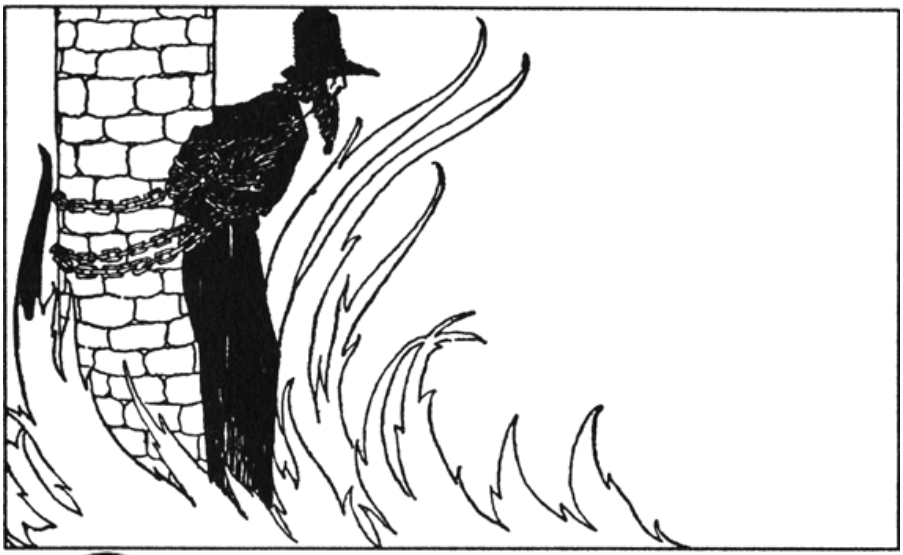
— Да, Мимир, я принесу требуемую жертву, — сказал Один Всеотец.

— Тогда пей, — молвил Мимир. Он наполнил большой рог водой из источника и подал Одину.

Обеими руками Один взял рог и начал пить. И чем больше он пил, тем больше открывалось ему будущее. Он прозрел все печали и беды, что обрушатся на людей и богов. Но прозрел также и причину этих печалей и бед и узнал, как должно поступить богам и людям, чтобы сохранить достоинство в дни скорби и горя и оставить в мире силу, которая в один прекрасный день, хотя очень еще далекий, сокрушит зло, принесшее в мир ужас, печаль и отчаяние.

Осушив до дна кубок, данный ему Мимиром, Один собственной рукою вырвал свой правый глаз. Ужасна была боль, которую испытал Один Всеотец. Но с уст его не сорвалось ни стона, ни жалобы. Он уронил голову на грудь и закрыл лицо плащом, когда Мимир взял его глаз и бросил в бездонные воды источника мудрости. Там, в глубинах, и остался глаз Одина, сияя всем, кто склонялся над ними, вечным напоминанием о цене, которую Отец богов заплатил за свою мудрость.

Одину встречается дурной человек



Давным-давно, когда мудрость Одина была еще не столь велика, он некоторое время жил в мире людей, и Фригг, его владычица, с ним. Они поселились на продуваемом всеми ветрами острове под личиной рыбака Гримнира и его жены.

Один и Фригг пристально наблюдали за сыновьями людей, пытаясь понять, в ком можно воспитать силу и дух, способные спасти мир от власти великанов. И вот как-то раз, неподалеку от своего неприютного острова, Один и Фригг увидели сыновей конунга Храудинга и решили, что в них можно воспитать дух героев. Один и Фригг размышляли, как бы забрать детей к себе, чтобы пестовать их и обучать. Однажды мальчики отправились в море рыбачить. Налетел шторм и вынес их лодку на скалы острова, где обитали Один и Фригг.

Боги привели братьев к себе в хижину и сказали, что всю зиму будут заботиться о них, а весной построят новую лодку, которая доставит их во владения отца.

— Поглядим, — сказал Один ночью своей супруге, — поглядим, которого из двух можно сделать славнейшим героем.

Так уж случилось, что Фригг приглянулся один мальчик, а Одину — другой. Фригг больше нравился старший, Агнар, тихий приветливый отрок с нежным голосом, Одину же полюбился младший, по имени Гейррёд, сильный, порывистый, шумный

сорвиголова.

Один взял Гейррёда на свое попечение, учил его рыбачить и охотиться; воспитывал в мальчике храбрость, заставляя его скакать со скалы на скалу, взбираться на высочайшие утесы и прыгать через широчайшие ущелья; приводил его в медвежью берлогу, вынуждая сражаться за свою жизнь копьем, которое сам для него смастерил. Агнар тоже ходил на охоту и показывал свою ловкость и отвагу. Но Гейррёд превосходил его почти в каждом испытании.

— Что за героем станет Гейррёд! — часто повторял Один.

Агнар подолгу бывал с Фригг. Сидел рядом с нею, когда она пряла, слушал ее рассказы и забрасывал вопросами, ответы на которые все больше умудряли его. Агнар узнал об Асгарде, и об обитателях Асгарда, и о том, как они защищают Мидгард, мир людей, от великанов Ётунхейма. Агнар решил про себя, что всю свою жизнь, всю свою силу и весь свой ум отдаст делу, угодному богам.

Пришла весна, и Один построил лодку для Гейррёда и Агнара. Теперь они могли вернуться в собственную страну. На прощание Один сказал Гейррёду, что когда-нибудь навестит его.

— И не постыдись принять рыбака в своих палатах, — добавил Один. — Конунг должен давать приют последнему нищему, который стучится в его дверь.

— Я не сомневаюсь, что буду героем, — ответил Гейррёд. — Стал бы и конунгом, если б Агнар Слюнтяй не родился раньше меня.

Агнар попрощался с Фригг и Одином, поблагодарив их за то, что они взяли на себя заботу о нем и Гейррёде. Он посмотрел в глаза Фригг и сказал ей, что приложит все силы, дабы узнать, как он сможет поддержать богов в их битве.

Мальчики сели в лодку и отчалили. Вот уже близки владения конунга Храудинга. Уже показался его замок, возвышавшийся над морем. И тут Гейррёд совершил черное дело: развернул лодку носом к открытому морю и выбросил весла, а затем, наученный плавать по самым бурным волнам и карабкаться на самые неприступные скалы, бросился в воду и поплыл к берегу. Агнара же, оставшегося без весел, понесло в море.

Гейррёд взобрался на высокие утесы и явился в замок отца.

Конунг Храудинг, уж и не чаявший вновь обнять своих сыновей, обрадовался его приходу. Гейррёд заявил, что Агнар выпал на обратном пути из лодки и утонул. Конунг Храудинг, считавший обоих сыновей безвозвратно потерянными, был счастлив до слез, что хотя бы один вернулся невредимым. Он посадил Гейррёда рядом с собою на трон, а после его смерти

Гейррёд был провозглашен конунгом.

И теперь Один, испив воды из источника Мимира, пошел по землям людей, взирая на властителей и простых смертных с высот обретенной им мудрости. Наконец он очутился во владениях Гейррёда. Отец богов полагал, что из всех конунгов, которых он признавал благородными, Гейррёд бесспорно окажется благороднейшим.

В обличье слепого на один глаз странника в темно-синем плаще и с посохом в руках направился он к дому конунга. У самых ворот его обогнали всадники на вороных конях. Причем первый всадник и не подумал объехать путника, он мчался напролом, едва не растоптав его копытами.

Вихрем влетели во двор всадники и зычно загикали, призывая слуг. А в конюшне случился только один слуга. Он вышел на зов и принял коня у первого всадника. Тогда остальные наперебой закричали страннику, чтобы он им подсобил. Пришлось Одину держать им стремена, пока они спешивались.

Всеотец догадался — первым всадником был конунг Гейррёд. Догадался он и о том, что конюхом тут служил Агнар, брат Гейррёда. Ему, испившему из источника мудрости, открылось, что Агнар вернулся в отцовы владения под видом слуги и что Гейррёд не знает, кто этот слуга.

Агнар повел странника в конюшню, вынул краюшку хлеба, разломил ее и половину отдал гостю. Потом бросил на пол охапку соломы, чтобы тот мог сесть. Но Один вскоре молвил:

— Лучше я сяду у огня в палатах конунга и поужинаю мясом.

— Нет, оставайся здесь, — сказал Агнар. — Я дам тебе еще хлеба и попону для тепла. Не подходи к дверям конунга, потому что он сегодня не в духе и может выгнать тебя.

— Как?! — воскликнул Один. — Конунг выгонит странника, который стучится в его дверь! Быть не может!

— Он сегодня не в духе, — повторил Агнар и опять попросил странника не подходить к дверям конунга.

Но Один поднялся с соломы и пошел.

У дверей стоял привратник, горбатый и длиннорукий.

— Я странник и прошу приюта и пищи в доме конунга, — сказал Один.

— Только не здесь, — рявкнул горбатый привратник.

Он захлопнул бы дверь перед носом Одина, но голос конунга отозвал его. Тогда Один вошел в палаты и увидел конунга за столом с друзьями, сплошь чернобородыми молодцами с жестокими лицами. И, глядя на них, Один понял, что мальчик, которого он учил благородству, стал главарем разбойников.

— Раз уж ты вошел в зал, где мы трапезничаем, спой нам,

странник! — закричал один из чернобородых молодцов.

— Хорошо, я спою вам, — откликнулся Один.

Он встал между двумя каменными колоннами и спел песнь, укоряющую конунга за то, что он избрал в жизни дурную стезю, и осуждающую всех, кто идет по страшному пути разбоя.

— Схватить его, — приказал конунг, когда Один допел свою песнь.

Чернобородые молодцы набросились на Одина, скрутили его и приковали цепями к каменным столбам.

— Он захотел здесь обогреться, вот сейчас и обогреется, — гаркнул Гейррёд и велел слугам навалить вокруг Одина хвороста. Они это исполнили. Тогда конунг собственной рукой поднес к хворосту пылающий факел, и костер заполыхал.

Странник очутился в огненном кольце. Конунг и его друзья злорадно наблюдали, как пламя бешено пляшет вкруг живого человека, но оно не жгло плоть Всеотца. Хворост весь сгорел, а Один так и стоял, устремив грозный взгляд на людей, которые выказали столько грубости и жестокости.

Они отправились спать, оставив странника прикованным к столбам. Всемогущий Один мог бы разорвать цепи и опрокинуть столбы, но он хотел посмотреть, что еще произойдет в этих палатах. Слугам было запрещено приносить ему еду и питье, однако на рассвете, когда никого рядом не было, в зал прокрался Агнар с рогом пива, чтобы утолить жажду несчастного.

На следующий вечер, когда конунг и его друзья вернулись после разбойных дел и, сидя за столами, заглатывали пищу, ровно голодные волки, Гейррёд опять велел навалить к ногам Одина хворосту. И опять разбойники злорадно наблюдали, как огонь свирепствует вкруг живого человека. И по-прежнему Один стоял, не тронутый пламенем, и его твердый и грозный взгляд пробуждал в конунге все большую ненависть. И весь следующий день странника держали в цепях, и слугам было запрещено приносить ему еду и питье. Никто не знал, что утром он подкрепился пивом из рога.

Так продолжалось восемь вечеров кряду. На девятый вечер, когда кругом занялся огонь, Один, нарушив молчание, запел песнь.

Песнь его становилась все громче и громче, и конунг, его друзья и слуги поневоле замерли, внимая ей. Сначала Один пел о конунге Гейррёде, о том, как боги пестовали его, воспитывая сильным и ловким, и как он, вместо того чтобы употребить свою силу и ловкость на благородное дело, уподобился дикому зверю; а потом запел о том, что месть богов вот-вот обрушится на этого недостойного конунга.

Пламя улеглось, и Гейррёд и его друзья увидели перед собой не беззащитного странника, но мужа более величественного, чем любой земной властитель. Цепи упали с его тела, и он шагнул к злодеям. Тогда Гейррёд с мечом в руке ринулся вперед, чтобы убить его. Но меч не поразил Одина.

Гнев богов ужасен,
Твой неминуч конец.
Бой прими, коль смеешь,
Я — Один Всеотец.

Так пел Один, и, напуганные его грозным взором, Гейррёд и его друзья попятились и, отступая, превратились в зверей — в волков, рыщущих по лесам.

Тут вперед вышел Агнар, и Один провозгласил его конунгом. Весь народ облегченно вздохнул, когда им стал править Агнар, потому что правление Гейррёда было жестоким. Агнар же оказался не только великодушным, но могущественным и победоносным правителем.

Отец богов добывает для людей волшебный мед

Волшебный мед сварили карлики, а спрятали его великаны. Но Один извлек его из того места, где он был спрятан, и отдал сыновьям людей. Вкусившие меда поэзии преисполнялись необычайной мудрости и, более того, обретали способность облекать свою мудрость в такие красивые слова, что, слушая их, невозможно было не восхититься и не проникнуться ею.

Карлики получили волшебный мед путем злодейства. Они сварили его из крови человека. Этим человеком был поэт Квасир. Он обладал великой мудростью и облекал ее в такие прекрасные слова, что каждый, чьего слуха они касались, восхищался и проникался ею. Карлики заманили Квасира в свои подземелья и там убили.

— Теперь, — сказали они, — у нас есть кровь Квасира и мудрость Квасира. Ни у кого не будет его мудрости, кроме нас.

Они разлили кровь в три сосуда, смешали с медом и сварили волшебный медовый напиток.

Убив человека, карлики совсем расхрабрились. Они вышли из своих подземелий и начали расхаживать по Мидгарду, миру людей. Они отправились и в Ётунхейм, где принялись издеваться над самыми безобидными великанами.

Явились они к одному великану, известному своей доверчивостью. Звали его Гиллинг. Они упросили Гиллинга вывезти их на лодке в открытое море. А затем два самых коварных карлика, Галар и Фьялар, направили лодку на скалу. Лодка раскололась. Гиллинг, не умевший плавать, утонул. Карлики же на обломках лодки невредимыми добрались до берега. Они были в таком восторге от собственных злых проделок, что решили учинить еще что-нибудь.

И придумали Галар с Фьяларом новую подлость: привели толпу карликов под окна Гиллингова дома и стали кричать его жене, что Гиллинг мертв. Жена великана заплакала, запричитала и наконец бросилась за порог, рыдая и ломая руки. А Галар с Фьяларом вскарабкались тем временем на крышу и, когда она выбежала, скинули ей на темя жернов и укокошили наповал. Это еще больше вскружило карликам голову.

Они настолько обнаглели, что складывали и распевали хвастливые песни о том, как одолели поэта Квасира, великана Гиллинга и его жену. Они остались в Ётунхейме, терзая всех, кто не мог им противиться, и воображая себя великими и могучими. Однако ж они задержались там слишком надолго. Суттунг, брат Гиллинга, выследил их и схватил. Суттунг не был безобидным и простодушным, как его брат Гиллинг. Он был хитер и алчен. Ускользнуть от него карликам не удалось. Суттунг бросил их на риф, который во время прилива накрывали волны.

Великан, стоя на дне, возвышался над рифом, и вода, прибывая, едва доходила ему до колен. Так он стоял, наблюдая за карликами, с ужасом взиравшими на готовую поглотить их стихию.

— О, сними нас с рифа, добрый Суттунг! — взмолились они.

— Сними нас с рифа, и мы дадим тебе золота и драгоценных каменьев. Сними нас, и мы подарим тебе ожерелье не менее прекрасное, чем Брисингамен.

Так они умоляли, но великан Суттунг только смеялся над ними. Ему не нужны были ни золото, ни драгоценности.

Тогда Фьялар и Галар закричали:

— Сними нас, и мы отдадим тебе сосуды с волшебным медом.

— Ага, волшебный мед, — сказал себе Суттунг. — Ничего подобного ни у кого больше нет. Недурно бы заполучить его, ибо он может пригодиться нам в битве с богами. Хорошо, я возьму у них волшебный мед.

Он снял карликов с рифа, но не отпускал их вожаков Галара и Фьялара, пока остальные не принесли из подземелий сосуды с волшебным медом. Суттунг взял мед и спрятал его в горную пещеру рядом со своим жилищем.

Вот так волшебный мед, полученный карликами путем злодейства, попал в руки великанов. И теперь речь пойдет о том, как Один, старейший из богов, странствовавший тогда по свету под именем Вегтам, отобрал у Суттунга волшебный мед и отдал людям.

Надобно вам знать, что у Суттунга была дочь по имени Гуннлёд, красотой и добротой равная Герд и Скади, девушкам-великаншам, которых возлюбили обитатели Асгарда. Суттунг заколдовал Гуннлёд, превратив ее из юной красавицы в старую каргу с длинными клыками и острыми когтями, и посадил ее в пещеру охранять сосуды с волшебным медом.

Всеотец прослышал о смерти Квасира, которого чтил превыше всех смертных. Убивших его карликов он замуровал в их подземельях, чтобы они никогда больше не вышли на свет, а потом отправился добывать для людей волшебный мед, чтобы, отведав его, они обрели мудрость и умение облекать ее в слова, которые заставляли бы восхищаться и проникаться ею.

Историю о том, как Один добыл волшебный мед из заваленной громадным камнем пещеры, где скрыл его Суттунг, и о том, как он разрушил заклятие, лежавшее на Гуннлёд, дочери Суттунга, часто рассказывают у семейных очагов.

Девять сильных рабов-трэлей косили в поле, когда мимо проходил странник в темно-синем плаще, с посохом в руке; один из рабов заговорил со странником:

— Передай кому-нибудь в доме Бауги, вон там, наверху, что я не могу косить, пока не пришлют точила выправить косу.

— Вот тебе точило, — сказал странник, вынимая его из-за пояса.

Трэль, обратившийся к Вегтаму с просьбой, выправил косу и начал косить. Трава так и падала перед ним, будто скошенная ветром.

— Дай нам точило, дай нам точило! — загалдели другие рабы.

Странник кинул точило между ними, предоставив им ссориться из-за него, а сам продолжил свой путь.

Вегтам пришел в дом Бауги, брата Суттунга. Он отдохнул в доме Бауги, а вечером его пригласили отужинать за большим столом. Пока он трапезничал с великаном, с поля явился посланец.

— Бауги, — сказал посланец, — все девять твоих рабов мертвы. Они зарезали друг друга косами, сражаясь за точило. Теперь больше некому на тебя работать.

— Как мне быть, как мне быть? — заохал великан Бауги. —

Теперь поля мои уйдут под снег нескошенными, и не будет у меня сена, чтобы кормить зимой коров, быков и лошадей.

— Я могу поработать на тебя, — предложил странник.

— Одного человека мне недостаточно, — ответил великан. — Мне нужны девять.

— Я буду работать за девятерых, — заявил странник. — Испытай меня — и увидишь.

Наутро странник Вегтам вышел в поле Бауги и накосил столько сена, сколько накашивали за день девять рабов.

— Останься со мной до конца года, — сказал Бауги, — и я сполна с тобой расплачусь.

И вот Вегтам остался в доме великана и работал на его полях, а когда осенняя страда завершилась, Бауги сказал ему:

— Теперь требуй награды.

— Единственное, что я у тебя прошу, — молвил Вегтам, — это глоток волшебного меда.

— Волшебного меда? — удивился Бауги. — Я не знаю ни где он, ни как его достать.

— Он у твоего брата Суттунга. Пойди к нему и возьми для меня глоток волшебного меда.

Бауги пошел к Суттунгу. Но, услыхав, зачем тот явился, великан Суттунг в гневе обрушился на брата.

— Глоток волшебного меда? — взревел он. — Никто не получит от меня ни глотка. Я ли не заколдовал свою дочь Гуннлёд, чтобы она сторожила его? А ты говоришь мне, что странник, заменивший тебе девятерых, просит в награду глоток волшебного меда! О великан, глупый, как Гиллинг! О великан-простак! Кто мог справиться с такой работой и кто потребовал бы у тебя такой награды, кроме одного из наших врагов-асов? Теперь убирайся прочь и больше не заикайся мне о волшебном меде.

Бауги вернулся домой и сказал страннику, что Суттунг никому не уступит глотка волшебного меда.

— Я выполнил твои условия, — проговорил странник Вегтам, — и ты должен дать мне ту награду, которую я попросил. Пойдем со мной, поможешь мне ее получить.

Он велел Бауги отвести его туда, где был спрятан волшебный мед, — к горной пещере. Вход в пещеру был завален громадной каменной глыбой.

— Мы не сумеем ни сдвинуть этот камень, ни проникнуть сквозь него, — сказал Бауги. — Я не могу помочь тебе добраться до твоей награды.

Странник вынул из-за пояса бурав.

— В сильных руках этот бурав просверлит камень. У тебя ведь сильные руки, великан. Давай-ка сверли.

Бауги взял бурав и принялся сверлить что было мочи, а странник стоял рядом, опершись на посох, спокойный и величавый в своем синем плаще.

— Я просверлил сквозную дыру, — наконец произнес Бауги.

Странник подошел к дыре и подул в нее. Каменная пыль полетела ему в лицо.

— Так вот какова твоя хваленая сила, великан, — сказал он. — Ты не просверлил и до половины. Работай еще.

Бауги опять взял бурав и стал глубже и глубже врезаться в камень. Наконец он подул в дыру, и — надо же! — выдохнутый им воздух прошел насквозь. Тогда он повернулся к страннику — посмотреть, что тот будет делать. Взгляд его стал свирепым, а бурав в руке напоминал острый кинжал.

— Погляди-ка, что там наверху! — воскликнул странник.

Бауги поднял глаза, а Вегтам обернулся змеей и нырнул в просверленное отверстие. Бауги взмахнул буравом, думая убить змею, но ее уже и след простыл.

За исполинским камнем было пустое пространство, освещенное сверкающими в скале кристаллами. И сидела там злобного вида карга с длинными зубами и острыми когтями. Она раскачивалась из стороны в сторону и роняла из глаз слезы.

— О юность и красота, — завывала она. — О великаны и великанши, — горе мне, горе! — навек я разлучена с вами. Нет у меня ничего, кроме этой глухой пещеры и этой мерзкой личины.

По полу скользнула змея.

— О, хоть бы ты оказалась ядовитой и убила меня! — прорыдала карга.

Змея проползла мимо. Затем послышался тихий голос: «Гуннлёд, Гуннлёд!» Старуха оглянулась на зов, и перед ней предстал величавый муж в темно-синем плаще. То был Один, старейший из богов.

— Ты пришел забрать волшебный мед, который я охраняю по приказу отца! — вскричала она. — Ты его не получишь. Уж лучше я напою им иссохшую землю пещеры.

— Гуннлёд, — повторил Один и шагнул к ней.

Взглянула на него Гуннлёд и почувствовала, как жаркая кровь юности вновь прихлынула к ее щекам. Она положила ладони себе на грудь и ощутила, как острые когти впились в ее горячую плоть.

— Избавь меня от этого уродства, — взмолилась она.

— Сейчас, — сказал Один и, приблизясь к ней, сжал ее пальцы в своих. Потом поцеловал Гуннлёд в губы, и ее безобразие как рукой сняло. Она была уже не горбатой старухой, а высокой статной девушкой с огромными ярко-синими очами, пунцовыми

устами и мягкими гибкими дланями, Гуннлёд стала так же хороша, как Герд, на которой женился Фрейр.

Они стояли, глядя друг на друга, а потом сели рядом и повели нежную беседу, Один, старейший из богов, и Гуннлёд, прекрасная девушка-великанша.

Она отдала ему три сосуда с волшебным медом и сказала, что выйдет из пещеры вместе с ним. Три дня пролетело, а они все еще были вместе. Затем Один, испивший из источника познания, нашел тайные ходы из пещеры и вывел Гуннлёд на свет дня.

Он взял с собой сосуды с волшебным медом, глоток которого дает великую мудрость и пробуждает дар облекать ту мудрость в столь дивные слова, что ею невозможно не восхититься и не проникнуться. А Гуннлёд, отведавшая волшебного меда, стала бродить по миру, воспевая красоту и могущество Одина и свою любовь к нему.

Всеотец открывает Видару, своему молчаливому сыну, тайный смысл своих деяний

Не только великанам и людям показывался Один в те дни, когда странствовал по Ётунхейму под именем Вегтам. Он встречался и разговаривал также с богами: с тем, что жил далеко от Асгарда, и с теми, что спускались из Асгарда в Мидгард и Ётунхейм.

Далеко от Асгарда жил Видар, молчаливый сын Одина. Глубоко в глуши, среди ветвей и высокой травы, сидел Видар. А рядом с ним пасся оседланный конь, готовый в любую минуту пуститься в путь.

И Один, теперь Вегтам Странник, пришел в это уединенное место и заговорил с Видаром, молчаливым асом.

— О Видар, — молвил он, — самый непостижимый из моих сынов, бог, который будет жить, когда все мы умрем, бог, который принесет память об обитателях Асгарда в мир, не ведающий их власти. О Видар, я прекрасно знаю, почему рядом с тобой пасется конь, готовый в любую минуту пуститься в путь. Это затем, сын мой, чтобы ты мог вскочить на него и мчаться во весь опор, спеша отомстить за своего отца.

Только тебе, о Видар Молчаливый, открою я тайный смысл моих деяний. Кто, как не ты, вправе узнать, зачем я, Один, старейший из богов, девять дней и девять ночей висел на дереве

Иггдрасиль, пронзенный собственным копьем? Я висел там, обдуваемый ветрами, дабы обрести знание, которое даст мне силу в девяти мирах. На девятую ночь мне явились руны мудрости, и, соскользнув с дерева, я взял их себе.

И ты узнаешь, зачем будут прилетать к тебе мои вороны, принося в клювах кусочки кожи. Это для того, чтобы ты стачал себе из них сандалию. Ногой, обутой в эту сандалию, ты упрешься в нижнюю челюсть могучего волка и разорвешь его пополам. Все башмачники мира бросают наземь обрезки кожи, чтоб тебе было из чего стачать сандалию для ноги-раздирательницы.

Я надоумил людей срезать ногти у мертвецов, чтобы как можно дольше великаны не построили себе из этих ногтей корабль Нагльфар, на котором они приплывут с севера в день Рагнарёка, гибели богов.

И я скажу тебе больше, Видар. Сойдя к людям, я женился на дочери героя. Зачатый нами сын будет жить как смертный среди смертных. Его назовут Сиги. От него произойдут герои, что вместе с другими героями заполнят Вальхаллу, мой собственный чертог в Асгарде, и, когда пробьет час, поддержат нас в битве с великанами и Суртом, вооруженным огненным мечом.

Долго оставался Один наедине со своим молчаливым сыном Видаром, который со своим братом переживет обитателей Асгарда и принесет в новый день и новый мир память об асах и ванах. Многое поведал ему Один, прежде чем покинул глушь, где росли травы и кусты и пасся конь, готовый в любую минуту пуститься в путь, и обратил стопы к берегу моря, куда сошлись небожители, приглашенные на пир старым великаном Эгиром, морским владыкой.

Тор и Локи в городе великанов

Почти все обитатели Асгарда прибыли на пир, на который позвал их старый великан Эгир, владыка морей. Там собрались Фригг, царственная супруга Одина; Фрейр и Фрейя; Идунн, хранительница молодильных яблок, и ее муж Браги; Тюр, великий меченосец, и Ньёрд, божество водных стихий; Скади, что стала женой Ньёрда и лютой ненавистью ненавидела Локи, и Сив, чьи золотые волосы однажды состриг все тот же злокозненный Локи. Тор и Локи тоже были там. Обитатели Асгарда, сошедшиеся в чертоге Эгира, ждали Одина.

Локи меж тем развлекал гостей, выставляя перед ними Тора в самом потешном виде. Губы Локи давно уже были освобождены от ремня, которым стянул их карлик Брокк. А Тор начисто позабыл о том, как Локи унизил Сив. Локи сопровождал Тора в его странствиях по Ётунхейму и теперь рассказывал об этих странствиях смешные истории.

Начал он с того, как увидел, что Тор в своей медной колеснице, влекомой двумя козлами, катит по Биврёсту, радужному мосту. Никто из асов и ванов не знал, на какое дело решился Тор. Но Локи последовал за ним, и Тор принял его в свою компанию.

Пока они ехали в медной колеснице, влекомой двумя козлами, Тор поведал Локи о своей затее. Он отправится в Ётунхейм, прямо в Утгард, великаний город, и померяется силой

с великанами. Он ничего не боялся, потому что взял с собой свой молот Мьёлльнир.

Путь их лежал через Мидгард, мир людей. Однажды ночь застигла их в пустынном месте, где негде было утолить голод и преклонить голову. Вдруг они увидели бедную хижину и направили туда колесницу. Распрягши козлов и оставив их вместе с колесницей в ложбине, оба они под видом простых путников постучались в дверь хижины, прося приютить их и накормить.

Приютить их приютят, сказали хозяин и хозяйка, а вот накормить не смогут. То немногое, что было в доме, семья съела за ужином. Путников пригласили войти, и они убедились, что в хижине хоть шаром покати. Хозяин пообещал сходить утром на реку и наловить рыбы.

— Мы не можем ждать до утра, мы должны подкрепиться сейчас, — сказал Тор, — и я думаю, что смогу приготовить для всех нас добрый ужин.

Он спустился в ложбину, где возле медной колесницы щипали траву его козлы, и ударом молота вышиб из них дух. Потом освежевал туши и, аккуратно подобрав все кости, завернул их в шкуры. Шкуры с костями он принес в дом и положил в отдушину над очагом.

— Никто, — сказал он строго, — не должен прикасаться к этим костям.

Затем он принес в дом мясо. Скоро оно было готово и подано с пылу с жару на стол. Хозяин, его жена и сын разделили трапезу с Тором и Локи. Впервые за много дней муж и жена наелись досыта.

Сына хозяина звали Тьяльви. Он был крепким подростком с волчьим аппетитом. Во время ужина мать и отец гоняли его туда-сюда — то принеси воды, то подбрось дров в огонь, то держи лучину, чтобы дорогие гости не пронесли кусок мимо рта. Когда ему удалось наконец присесть, мяса почти не оставалось, ведь Тор и Локи были отменными едоками, а отец и мать Тьяльви уписывали за обе щеки, отъедаясь за все дни нужды. Поэтому парнишке мало что перепало от обильного угощения.

Насытившись, все улеглись на лавки. Тор, уставший с дороги, заснул мертвым сном. Тьяльви тоже лег на лавку, но еда не шла у него из головы. Когда все заснут, думал он, можно будет взять одну из костей, спрятанных прямо над ним, сломать и поглодать ее.

И вот в ночной тишине мальчик встал на лавку и вытащил из отдушины козлиные шкуры, аккуратно сложенные Тором. Взял одну кость, сломал ее и начал высасывать костный мозг. Локи не спал и все видел, но, по своей любви ко всяческим каверзам, не

остановил Тьяльви.

Тот опять завернул сломанную кость в шкуру и убрал шкуры в отдушину над очагом. Затем растянулся на лавке и засопел.

Проснувшись утром, Тор первым делом достал шкуры из отдушины и осторожно понес их в ложбину, где стояла колесница. Там он положил шкуры на землю, одну подле другой, и по каждой ударил молотом — козлы тотчас вскочили живые, с рогами, копытами и прочими козлиными принадлежностями.

Но один козел был не таким, как прежде. Он сильно хромал. Тор ощупал его ногу и обнаружил, что она сломана. В ужасном гневе он накинулся на хозяина хижины, его жену и сына.

— Нога моего козла была сломана под вашей крышей, — гремел он. — За это я разрушу ваш дом и погребу вас всех под обломками.

Залившись слезами, Тьяльви подошел к Тору и коснулся его коленей.

— Это я виноват. Но я не знал, что выйдет такая беда.

Тор уже поднял молот, чтобы расплющить несчастного, но не смог опустить его на плачущего парнишку и бросил.

— Тебе придется отслужить мне за то, что ты изувечил моего козла, — сказал он. — Идем со мной.

Так пострел Тьяльви отправился с Тором и Локи. Тор взял в свои могучие руки оглобли медной колесницы и завез ее в потаенный грот, куда не заглядывали ни люди, ни великаны. Козлов он до поры до времени оставил пастись в глухом лесу.

Тор, Локи и пострел Тьяльви пошли через Мидгард в Ётунхейм. Благодаря Мьёлльниру, своему гигантскому молоту, Тор чувствовал себя спокойно в стране великанов. Локи, полагавшийся на свое хитроумие, тоже чувствовал себя спокойно. А пострел Тьяльви так верил в Тора, что тоже нисколько не тревожился. Путешествие их было долгим, и по дороге Тор и Локи развивали силу и ловкость Тьяльви.

Вот они вышли к вересковой пустоши. Они шагали по ней весь день, а ей не было конца. Дул сильный ветер, начала спускаться ночь, а поблизости никакого убежища. Наконец они различили в сумерках бесформенную черную громаду, похожую на гору, и направились к ней, надеясь укрыться в какой-нибудь пещере.

Тут Локи заметил черное пятно поменьше, судя по очертаниям — дом. Локи, Тор и пострел Тьяльви обсмотрели его со всех боков. Да, определенно дом, только престранно устроенный. Через зияющий дверной проем виднелись огромные пустые сени, от которых расходились лучами пять длинных узких

комнат.

— Чудно*о*е жилище, но лучшего нам сейчас не найти, — сказал Локи. — Мы с тобой, Тор, займем две самые длинные комнаты, а пострел Тьяльви займет маленькую.

Путники заняли свои спальни и расположились на покой. Но со стороны горы вдруг понеслись звуки, подобные стону лесов и грохоту водопадов. Спальни заходили ходуном. Ни Тор, ни Локи, ни пострел Тьяльви всю ночь не сомкнули глаз.

Утром они покинули дом с пятью комнатами и повернулись лицом к горе. Но то была вовсе не гора, а лежавший на земле великан. Как раз в этот миг он потянулся и сел.

— Эй, малыши, а малыши, — закричал он им, — вы, случаем, не проходили мимо моей перчатки? — Он встал и огляделся. — Ха, да вот она!

Тор, Локи и пострел Тьяльви не шелохнулись, пока великан двигался к ним, а он нагнулся, поднял пятикомнатное жилище, в котором они ночевали, и натянул себе на руку. Точно — перчатка!

Тор стиснул свой молот, а Локи и пострел Тьяльви спрятались за его спину. Но великан выглядел вполне добродушным.

— Куда топаете, малыши? — спросил он.

— В Утгард в Ётунхейме, — смело ответил Тор.

— А-а, вот куда! — сказал великан. — Тогда потопали вместе, нам пока по пути. Зовите меня Скрюмир.

— Ты можешь накормить нас завтраком? — спросил Тор. Он говорил сердито, желая показать, что у него нет никаких оснований бояться великана.

— Могу, — сказал Скрюмир, — только я не хочу здесь задерживаться. Мы остановимся, как только у меня разыграется аппетит. А теперь пошли. Вот понеси-ка мою суму. В ней моя провизия.

Он дал Тору свою суму. Тор вскинул ее на загорбок и сверху посадил Тьяльви. Великан шагал все вперед и вперед, и Тор с Локи едва поспевали за ним. Был уже полдень, когда он, по всей видимости, вознамерился сделать привал.

Свернув к огромному дереву, Скрюмир уселся под ним.

— Я вздремну перед едой, мои крохотульки, — проговорил он, — но вы можете развязать суму и угоститься.

Он растянулся на земле, и через несколько минут Тор, Локи и пострел Тьяльви услышали те же звуки, которые не давали им заснуть всю прошлую ночь, звуки, подобные стону лесов и грохоту водопадов. Это храпел Скрюмир.

Тор, Локи и пострел Тьяльви были сейчас слишком голодны,

чтобы обращать внимание на эти громовые раскаты. Тор попытался развязать суму, но безуспешно. За дело взялся Локи, однако и он при всем своем хитроумии не сумел распутать узлы. Тогда Тор попробовал их разорвать, но даже у него не хватило на это силы, и он в ярости отбросил суму.

Храп Скрюмира становился все громче и громче. Тор в бешенстве вскочил, схватил Мьёлльнир и запустил им в спящего великана.

Молот ударил Скрюмира по голове. Но тот лишь заворочался во сне и пробормотал:

— Что это, уже начался листопад?

Он повернулся на другой бок и опять захрапел. Тор, не долго думая, опять метнул свой молот, целя великану в лоб, и не промахнулся. Великан открыл глаза.

— Что это, дуб роняет желуди? — спросил он.

И опять заснул. Однако на сей раз Тор, кипя гневом, встал с молотом в руках прямо над его головой. Размахнулся и саданул Скрюмира в самое темя. Более мощного удара Тор никогда не наносил.

— Теперь меня клюнула какая-то пичуга — здесь просто невозможно спать, — сказал Скрюмир, садясь. — А вы что, малыши, еще не позавтракали? Киньте-ка мне мою суму, я дам вам перекусить.

Пострел Тьяльви подал ему суму. Скрюмир открыл ее, вынул свои припасы и разделил между всеми. Тор отказался от своей доли, но Локи и пострел Тьяльви основательно подкрепились. Когда с трапезой покончили, Скрюмир поднялся и сказал:

— Пора отправляться в Утгард.

По дороге Скрюмир разговаривал с Локи:

— В Утгарде я всегда чувствую себя карликом. Видишь ли, я так мал и слаб по сравнению с теми, кто там живет. Но тебя и твоих друзей в Утгарде встретят с распростертыми объятиями. Вы будете для утгардцев живыми игрушками.

Вблизи Утгарда Скрюмир распрощался с попутчиками, и они вошли в великаний город. По улицам расхаживали одни великаны. Локи про себя отметил, что они вовсе не такие громадные, какими представил их Скрюмир.

Утгард был Асгардом великанов. Только в здешних зданиях не было и малой толики красоты божественных чертогов — Глядсхейма, Брейдаблика и Фенсалира. Они громоздились, словно гигантские бесформенные утесы или айсберги. О, дивный Асгард, увенчанный лазурным куполом! Асгард, обложенный облаками, подобными грудам бриллиантов! Асгард с его

радужным мостом и сверкающими воротами! О, дивный Асгард, возможно ли в самом деле, чтобы эти неотесанные великаны однажды тебя уничтожили?

Тор, Локи и пострел Тьяльви отправились в палаты владыки Утгарда, зная — молот Тора обережет их даже здесь. Они прошли сквозь строй великанов-охранников и приблизились к трону владыки.

— Мы знаем вас, Тор и Локи, — заговорил великаний владыка, — и нам известно, что Тор пришел в Утгард помериться силами с великанами. Бой состоится завтра. Сегодня соревнуются наши мальчики. Если твой юный слуга захочет посостязаться в проворстве с нашими юнцами, пусть примет участие в забеге.

Надо заметить, что Тьяльви был лучшим бегуном Мидгарда, да и во время путешествия с Тором и Локи постоянно упражнял ноги, а поэтому не боялся вступить в борьбу с утгардскими юношами.

Великаний владыка позвал одного из них, по имени Хуги, и поставил его в паре с Тьяльви. Они сорвались с места. Пятки Тьяльви так и замелькали. Локи и Тор с волнением следили за ним, потому что считали всякую победу над обитателями Утгарда полезной для себя. Однако они увидели, что Хуги далеко обогнал Тьяльви. Юноша-великан домчался до меты, обогнул ее и вернулся прежде, чем Тьяльви достиг конца дорожки.

Тьяльви, недоумевая, как он мог проиграть, попросил позволения пробежать с Хуги еще раз. Они понеслись опять, и теперь Тору и Локи показалось, что Хуги вообще не сходил с места — так быстро он обернулся.

Потом владыка великанов и его друзья уселись вместе с Тором и Локи за стол в пиршественной зале.

— Завтра, — возгласил владыка, — состоится величайший бой, в котором ас Тор покажет свою силу. А доводилось ли вам в Асгарде слыхать о состязаниях едоков? Мы можем сейчас устроить такое состязание, если найдется достойный соперник нашему Логи. Он лучший едок в Ётунхейме.

— А я, — сказал Локи, — лучший едок в мире. Я принимаю вызов вашего Логи.

— Хорошо! — сказал великаний владыка. И все присутствующие великаны тоже сказали:

— Хорошо! Это будет впечатляющее зрелище!

И вот вдоль края длинного-предлинного стола выстроился ряд глубоких блюд, доверху наполненных мясом. Локи начал уминать с одного конца, а Логи — с другого. Они сближались по мере того, как опустошали блюда. Локи опрокидывал в рот блюдо за блюдом, и Тор, стоявший рядом с великанами, только диву

давался: надо же, сколько влезает в этого прошлеца! Но и Логи так же быстро опрокидывал в рот блюдо за блюдом. Наконец соперники сошлись, оставив на столе несметное множество пустой посуды.

— Он не победил меня! — вскричал Локи. — Я очистил столько же блюд, сколько ваш главный едок, о владыка великанов.

— Но ты очистил их не так хорошо, — сказал владыка.

— Локи проглотил все мясо, — сказал Тор.

— А Логи проглотил и все кости, — сказал великаний владыка. — Взгляните и убедитесь, что это так.

Они подошли к столу. На стороне Локи на блюдах лежали кости. На стороне Логи блюда были чистыми.

— Мы проиграли, Локи, — прошептал Тор.

— Завтра, Тор, — прошептал Локи, — ты должен явить всю свою силу, иначе великаны перестанут бояться могущества обитателей Асгарда.

— Не волнуйся, — ответил Тор. — Никто в Ётунхейме не победит меня.

На другой день Тор и Локи вошли в главный зал Утгарда. Великаний владыка уже сидел там в окружении своих друзей. Тор вступил в зал, сжимая в руках свой могучий молот Мьёлльнир.

— Наши юноши пили из этого рога, — проговорил владыка, — и предлагают тебе, о Тор из рода асов, глотнуть из него для бодрости. Но ты должен знать, что, по их мнению, никто из асов не способен опростать рог залпом.

— Дай его мне, — сказал Тор. — Нет в Ётунхейме рога, который я не мог бы опростать залпом.

Ему подали огромный рог, полный до краев. Вручив молот Локи и попросив его не отходить ни на шаг, Тор поднес рог к губам. Долго Тор не отрывался от рога и, когда клал его на землю, был уверен, что выпил все до последней капли.

— Ну вот, — выдохнул он, — ваш великанский рог осушен.

Великаны заглянули в рог и рассмеялись.

— Осушен! — воскликнул великаний владыка. — Загляни-ка в него, Тор. Ты едва отхлебнул.

Тор заглянул в рог и увидел, что он не опорожнен и наполовину. В бешенстве он опять поднес его к губам. Тор пил, и пил, и пил. Затем, удовлетворенный, что опростал рог до дна, он бросил его на землю и отошел.

— Тор полагает, что опустошил рог, — сказал один из великанов, поднимая его. — Но посмотрите-ка, друзья, сколько там еще осталось.

Тор подбежал и опять заглянул в рог. Он был полон более чем наполовину. Тор обернулся и увидел, что все великаны смеются над ним.

— О Тор из рода асов, — сказал великаний владыка, — мы не знаем, как ты покажешь себя в следующем поединке, но в искусстве пить ты великанам никак не ровня.

И молвил Тор:

— Я могу поднять и положить на обе лопатки любую тварь из тех, что здесь присутствуют.

Не успел он это произнести, как большая серебристо-черная кошка прошмыгнула в зал и стала перед Тором, выгнув спину и ощетинившись.

— Ну что ж, тогда подними кошку, — сказал великаний владыка.

Тор подошел к кошке, полный решимости бросить ее в насмехающихся великанов. Он обхватил кошку руками, но не сумел оторвать ее от земли. Руки Тора поднимались все выше и выше, пока изогнутая спина кошки не коснулась перекрытий свода, однако лапы ее по-прежнему стояли на полу. Напруживаясь из последней мочи, Тор услышал дружный хохот великанов.

Он обернулся, глаза его пылали гневом.

— Я не привык поднимать кошек! — вскричал он. — Приведите кого-нибудь, с кем я мог бы сразиться, и я клянусь, что изничтожу его!

— Вот с кем ты можешь сразиться, Тор, — сказал владыка.

Тор оглянулся и увидел ковыляющую к нему беззубую старуху со слезящимися глазами.

— Это Элли, моя дряхлая нянька, — объяснил владыка великанов. — Вот та, с кем тебе предстоит бороться.

— Тор не борется с женщинами, а тем паче дряхлыми. Я предпочту схватиться с самым высоким великаном.

Старуха ковыляла к Тору, и ее глаза под седыми космами зловеще мерцали. В полном оцепенении Тор ожидал приближения жуткой карги. Подойдя, она сомкнула пальцы вокруг его предплечий и принялась оттаптывать ему ступни. Он попытался скинуть ее с себя, но понял, что ее руки и ноги крепче железных оков и столбов.

И начался нешуточный поединок между Тором и древней каргой Элли. Они кружили по всему залу, и Тор не мог ничего поделать со старухой. Ее ужасная хватка лишала его сил. Карга тянула его вниз, и Тор был бы повержен, если бы, припав на колено, не вцепился ей в плечи. Она попробовала опрокинуть его наземь, но тщетно. Тогда она отпустила его, заковыляла к двери и скрылась за ней.

Тор поднялся и взял молот из рук Локи. Без единого слова он покинул зал и пошел по улицам к воротам города великанов. Ни слова не сказал он ни Локи, ни Тьяльви, которые семь недель странствовали с ним по Ётунхейму.

Как Тор и Локи перехитрили великана Трюма

Я Локи рассказал еще одну историю о Торе — о Торе и Трюме, глупом, но плутоватом великане. Локи и Тор побывали в гостях у этого великана. Трюм закатил им такой пир, что Тор позабыл обо всем на свете.

Лишь оказавшись за пределами Ётунхейма, Тор хватился Мьёлльнира, своего молота — защиты Асгарда и подспорья богов. Он терялся в догадках, как и где его оставил. Локи же сразу заподозрил в воровстве Трюма, глупого, но плутоватого великана. Тор, умудрившийся посеять молот, с которого клялся не спускать глаз, не знал, что делать.

Локи решил, что прежде всего нужно удостовериться, действительно ли это дело рук Трюма. Он поспешил в Асгард и промахнул радужный мост, даже не заговорив с Хеймдаллем. Никому из обитателей Асгарда, встречавшихся ему на пути, не осмелился он сообщить о потере Тора. И наконец вошел в палаты Фригг.

Фригг он сказал:

— Одолжи мне свое соколиное оперение. Я хочу слетать в жилище Трюма и выведать, не у него ли молот.

— Ради такого дела я бы одолжила тебе его, даже если б каждое перышко было из серебра.

И вот Локи накинул соколиные перья и полетел в Ётунхейм к жилищу Трюма. Великан сидел на взгорке и надевал на своих

собак золотые и серебряные ошейники. Локи опустился на скалу над его головой и стал наблюдать за великаном соколиным оком.

Тут он подслушал хвастливые речи Трюма.

— Сейчас я надеваю на вас ошейники из серебра и золота, мои собачки, — говорил тот, — но скоро мы, великаны, завладеем золотом Асгарда, чтобы украшать им своих псов и коней, и ожерелье Фрейи достанется тебе, моя лучшая гончая. Потому что Мьёлльнир, защита Асгарда, в руках Трюма.

Тогда Локи заговорил с ним.

— Да, нам ведомо, что Мьёлльнир у тебя, о Трюм, — сказал он, — но знай, всевидящие боги следят за тобою.

— А-а, оборотень Локи! — вскричал Трюм. — Ты здесь! Можешь сколько угодно вынюхивать — Мьёлльнира тебе не отыскать. Я запрятал молот Тора глубоко-глубоко в землю. Попробуй-ка найди его. Он под норами цвергов.

— И нам до него не добраться, — сказал Локи, — а, Трюм?

— Вам до него не добраться, — буркнул великан.

— А на что ты согласился бы обменять молот? — спросил Локи.

— Ни на что, хитроумный Локи, — ответил Трюм.

— И все же подумай, Трюм, — продолжал Локи. — Неужели нет в Асгарде ничего, что ты хотел бы иметь? Никакого сокровища, никакой вещи? Может быть, это кольцо Одина или корабль Фрейра, Скидбладнир?

— Нет, нет, — сказал Трюм. — В обмен на Мьёлльнир, молот Тора, я готов принять от обитателей Асгарда только одну драгоценность.

— Какую же, Трюм? — спросил Локи, спускаясь к нему.

— Ту, которую жаждали получить многие великаны, — Фрейю. Я бы взял ее в жены, — сказал Трюм.

Локи долго наблюдал за Трюмом своим соколиным оком. Он понял, что великан не изменит своего условия.

— Я передам обитателям Асгарда твое требование, — наконец проговорил он и улетел.

Локи знал, что обитатели Асгарда никогда не отдадут Фрейю в жены Трюму, самому глупому из великанов. Он вернулся в город богов.

К этому времени весть о пропаже Мьёлльнира уже облетела Асгард. Когда Локи проходил по радужному мосту, его окликнул Хеймдалль, которому не терпелось узнать, какие он принес новости. Но Локи не остановился перемолвиться словом со стражем Биврёста, а отправился прямиком в зал, где боги собрались на совет.

Он сообщил асам и ванам об условии Трюма. Никто из них и

помыслить не мог о том, чтобы выдать прекрасную Фрейю за самого глупого из великанов Ётунхейма. Боги приуныли. Никогда больше не смогут они помогать смертным, ведь теперь, когда Мьёлльнир в руках великана, у них только и будет забот что о безопасности Асгарда.

Асы и ваны сидели, повесив носы. А хитроумный Локи сказал:

— Я придумал уловку, с помощью которой можно выманить молот у глупого Трюма. Пусть кто-нибудь из богов, одетый в убор невесты, отправится в Ётунхейм вместо Фрейи.

— Кто же из богов согласится так опозорить себя? — вопросили заседавшие в совете.

— Тот, кто потерял молот, должен пойти на все, чтобы заполучить его назад, — сказал Локи.

— Тор, Тор! Пускай Тор выманит молот у Трюма с помощью уловки, придуманной Локи! — вскричали асы и ваны. Они предоставили Локи убедить Тора нарядиться невестой Трюма и совершить путешествие в Ётунхейм.

Локи покинул Зал Совета и помчался туда, где ждал его Тор.

— Есть только один способ вновь завладеть молотом, Тор, — сказал он, — и боги на совете порешили, что ты должен принять его.

— Что это за способ? — спросил Тор. — Впрочем, не важно, я готов на все.

— Тогда, — смеясь, сказал Локи, — я доставлю тебя в Ётунхейм под видом невесты Трюма. Ты должен обрядиться в свадебное одеяние и покрывало Фрейи.

— Что? Мне обрядиться в женские тряпки? — взревел Тор.

— Да, Тор. Ты набросишь на голову покрывало, а сверху приладишь венок из цветов.

— Я… я надену венок из цветов?

— И перстни на пальцы. И привесишь связку ключей на пояс.

— Прекрати надо мной насмехаться, Локи, — гневно сказал Тор, — иначе ты у меня попляшешь.

— Я не насмехаюсь. Тебе придется все это проделать, чтобы вернуть Мьёлльнир для защиты Асгарда. Трюму ничего не нужно, кроме Фрейи. Это над ним я насмеюсь, подсунув вместо нее тебя. Когда он в своих палатах попросит тебя соединить с ним руки, скажи, что не согласишься, пока он не отдаст тебе Мьёлльнир. А как только могучий молот окажется у тебя в кулаке, ты сможешь разделаться с ним и со всеми его сородичами. Я же буду сопровождать тебя в качестве подружки! О, прелестная, прелестная дева Тор!

— Локи, — сказал Тор, — ты придумал все это, чтобы поиздеваться надо мной. Я в брачном наряде! Я в покрывале невесты! Обитатели Асгарда никогда не перестанут смеяться надо мной.

— Пусть так, — молвил Локи, — но в Асгарде никогда больше не раздастся смех, если ты не сумеешь вернуть молот, который потерял по неосмотрительности.

— Верно, — опечалился Тор, — и ты думаешь, Локи, это единственный способ вызволить Мьёлльнир?

— Единственный, о Тор, — сказал хитроумный Локи.

И вот Тор и Локи отправились в Ётунхейм к жилищу Трюма.

Вперед был послан гонец с сообщением, что Фрейя следует к Трюму со своей подружкой, что пора накрывать свадебные столы, и сзывать гостей, и извлекать из тайника Мьёлльнир, дабы его можно было отдать обитателям Асгарда. Трюм с матерью занялись спешными приготовлениями.

Тор и Локи явились в дом великана в одеждах невесты и ее подружки. На голове Тора было покрывало, прятавшее его бороду и свирепые глаза. Могучий торс аса терялся в складках расшитого красным шелком хитона, а на его чреслах бренчала связка ключей. Локи тоже был в покрывале. Огромная пиршественная зала в доме Трюма блестела чистотой, была разукрашена и уставлена ломящимися от яств столами. А мать Трюма переходила от гостя к гостю, хвастаясь, что ее сын берет в жены одну из самых прекрасных обитательниц Асгарда, которую пытались завоевать многие великаны.

Когда Тор и Локи переступили порог, Трюм вышел приветствовать их. Он хотел откинуть покрывало своей невесты и поцеловать ее. Однако Локи успел положить руку на плечо великана.

— Будь терпелив, — прошептал он. — Не поднимай ее покрывала. Мы, обитатели Асгарда, скромны и застенчивы. Фрейя будет оскорблена, если ее поцелуют при всех.

— Да, да, — сказала старая мать Трюма. — Не поднимай невестина покрывала, сынок. Обитатели Асгарда более утонченные создания, чем мы, великаны.

Старая женщина взяла Тора за руку и повела к столу.

Высоченный рост и неохватный стан невесты не удивили громадных великанов, собравшихся на пир. Они глазели на Тора и Локи, но за покрывалами не могли разглядеть их лиц, а за свободными хитонами — их божественных форм.

Тора усадили за стол между Трюмом и Локи. Пир начался. Тор, напрочь позабыв о своей девичьей утонченности, разом

проглотил семь лососей. Локи толкал его локтем в бок, пинал под столом ногой, но Тор и ухом не вел. Вслед за лососями он отправил целого быка.

— Может быть, эти девушки из Асгарда и утонченные создания, как уверяет мать Трюма, — говорили друг другу великаны, — но они весьма прожорливы.

— Не диво, что она так ест, бедняжка, — сказал Локи Трюму. — Уже восемь дней, как мы покинули Асгард. И по дороге Фрейя ни разу не присела, чтобы перекусить, так ей не терпелось увидеть Трюма и войти в его дом.

— Милая моя невестушка, — сказал великан. — Да, в общем, она не так уж и много съела.

Тор мотнул головой в сторону бочки с хмельной брагой. Трюм велел своим слугам поднести невесте чару. Чару за чарой наполняли и подавали невесте слуги, но жажда ее была неутолима. И пока великаны дивились, а Локи толкался и пинался, Тор выпил три бочонка браги.

— О, — сказали великаны матери Трюма, — пожалуй, не стоит огорчаться, что нам не досталась невеста из Асгарда.

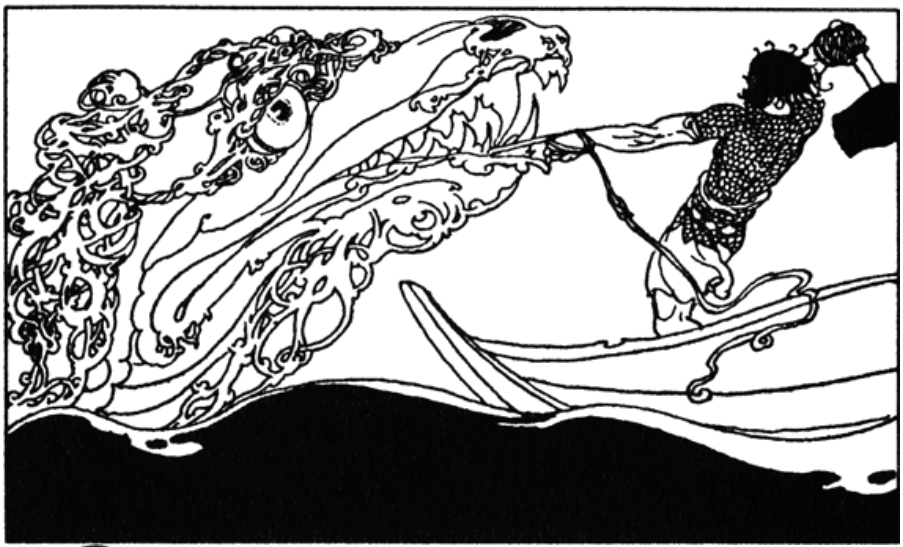
Тут покрывало чуть откинулось, и из-под него молниями сверкнули зеницы Тора.

— О, отчего это у Фрейи так горят глаза? — спросил Трюм.

— Бедняжка, бедняжка, — сказал Локи. — Не диво, что у нее горят и прямо-таки лезут из орбит глаза. Она не смыкала их восемь ночей, так ей не терпелось войти в твой дом, Трюм. А сейчас настало время жениху с невестой соединить руки. Но сперва, Трюм, дай ей подержать молот Мьёлльнир, чтобы она понимала, какую высокую цену платят за нее великаны.

Тогда Трюм, самый глупый из великанов, встал и принес Мьёлльнир, защиту Асгарда, в пиршественную залу. Тор едва не вскочил и не выхватил его у великана. Локи насилу удержал его. Трюм вложил рукоять молота в ладонь своей мнимой невесты. Тор стиснул молот и вскочил на ноги. Покрывало упало — и все увидели его лицо и свирепый взгляд. Тор ударил Мьёлльниром по стене дома. Стена рухнула. И тогда Тор с Локи выскочили в пролом, а крыша и стены обвалились и придавили вопящих великанов. Так Мьёлльнир, защита Асгарда, был потерян и вновь обретен.

Пир у Эгира
Как торжествовал Тор



Асы и ваны, собравшиеся на пир в чертоге старого Эгира, скоротали время между полуднем и вечером, слушая уморительные истории, которые Локи рассказывал о Торе. Стемнело, а съестным даже и не пахло. Тогда обитатели Асгарда кликнули двух слуг Эгира — Фимафенга и Эльдира — и попросили их подать ужин. Принесенного едва хватило гостям, чтобы заморить червячка, и они отправились спать, говоря:

— Видно, Эгир затеял грандиозный пир и попотчует нас завтра на славу.

Настало завтра, наступил полдень, а обитатели Асгарда все еще не замечали никаких приготовлений к пиршеству. Тогда Фрейр встал и пошел искать великана Эгира, владыку морей. Тот сидел во внутренних покоях, повесив голову.

— Эй, Эгир, — сказал Фрейр, — где же угощение, которое ты сулил обитателям Асгарда?

Старик Эгир промямлил в ответ что-то невразумительное, теребя бороду. В конце концов он поднял на гостя глаза и объяснил, в чем дело. Оказалось, брага для пира еще не сварена, так как у Эгира не нашлось достаточно вместительного котла, чтобы сварить столько, сколько нужно.

Услыхав об этом, асы и ваны испытали горькое разочарование. Кто теперь, в такой дали от Асгарда, задаст им пир? Эгир был единственным великаном, относившимся к ним по-дружески, и тот не смог ублажить их, как должно.

Тогда присутствовавший при сем молодой великан промолвил:

— У моего родича, великана Хюмира, есть котел в версту шириной. Если бы принести сюда котел Хюмира, мы бы попировали вволю!

— Кто-нибудь из нас может сходить за котлом, — подхватил Фрейр.

— Увы, Хюмир живет за непролазной чащей и за горой до небес, — сказал молодой великан, — а к тому же он грубиян и скупердяй.

— И все же кто-то из нас должен пойти, — упорствовал Фрейр.

— Я отправлюсь к Хюмиру, — проговорил Тор, поднимаясь. — Я отправлюсь к Хюмиру и силой или хитростью добуду котел в версту шириной.

Он сидел совершенно подавленный насмешками Локи и был рад случаю доказать асам и ванам свою доблесть. Он затянул потуже пояс, удваивавший его силу, и надел железные перчатки, помогавшие держать молот. Потом поднял Мьёлльнир и кивнул молодому великану: мол, давай, показывай дорогу.

Асы и ваны рукоплескали Тору, когда он выходил из чертога старого Эгира. Но Локи ехидно бросил ему вслед:

— Только смотри не выпускай из рук молот, невеста Трюма!

Тор, следуя за юношей-великаном, преодолел непролазную чащу и гору до небес и вышел наконец к жилищу великана. На бугре перед домом Хюмира он увидел чудовищного стража. То была сморщенная старуха-великанша с множеством голов на широченных плечах. Она сидела на корточках, и ее головы, росшие пучками, смотрели в разные стороны. Когда Тор и молодой великан приблизились, из всех ее пастей понеслись мерзкие вопли и визги. Тор сжал свой молот и метнул бы его в великаншу, если бы она в знак приветствия не взмахнула рукой. Юный великан, сопровождавший Тора, поздоровался с нею, назвав мамашей.

— Входи, сынок, — проверещала старуха, — и попутчика проведи.

Великанша — она была бабкой Хюмира — продолжала вопить и визжать. Однако Тор твердым шагом прошел мимо нее в жилище великана.

Уразумев, что сынок привел в дом одного из обитателей

Асгарда, она испугалась за них обоих и сказала:

— Хюмир разъярится, обнаружив под своим кровом одного из асов. Он попытается убить тебя.

— Вряд ли это ему удастся, — ответствовал Тор, еще крепче сжимая Мьёлльнир, молот, перед которым трепетало все великанье племя.

— Спрячься, — сказала великанша. — А то ведь он может под горячую руку прибить моего сынка.

— Я не привык прятаться от великанов, — заявил Тор.

— А ты спрячься ненадолго! Не показывайся, пока Хюмир не поест! — взмолилась великанша. — Он возвращается с охоты буйный. А когда насытится, малость утихает. Обожди, пока он не отужинает.

Тор в конце концов согласился. Он и молодой великан укрылись за колонной зала. Едва они успели схорониться, как во дворе раздался топот великаньих ног. Вот Хюмир показался на пороге, с бородой, подобной заиндевелому лесу, и с охотничьим трофеем — упирающимся диким быком. Хюмир был так горд своей добычей, что втащил ее прямо в зал.

— Я изловил живьем быка с самой здоровенной головой и самыми мощными рогами. Прободающим Небо зовется этот бык. Никто из великанов, кроме меня, не мог бы его поймать.

Он привязал быка к столбу у двери, а потом глаза его обратились на колонну, за которой скрывались Тор и молодой великан. От Хюмирова взгляда колонна треснула по всей длине. Хюмир шагнул ближе. Каменная колонна подломилась и рухнула вместе с поперечной балкой, которую подпирала, и все котлы и котелки, висевшие на балке, с ужасным грохотом посыпались вниз.

Тогда Тор выступил вперед и стал лицом к лицу с разъяренным великаном.

— Это я, друг Хюмир, — сказал он, играя молотом.

Хюмир, знавший Тора и силу его молота, отпрянул.

— Раз уж ты в моем доме, Тор из рода асов, — произнес он, — я не буду ссориться с тобой. Накрой ужин для Тора, для своего сына и для меня, — велел он старухе-великанше.

Обильный ужин, состоявший из трех жареных быков, был выставлен на стол, и Хюмир, Тор и молодой великан уселись есть. Тор один умял целого быка. Хюмир, который сам смолотил почти двух, уделив хозяйке и своему юному родичу лишь по скромному кусочку, громко выражал недовольство прожорливостью Тора.

— Ты опустошишь мои угодья, Тор, — ворчал он, — если слишком загостишься у меня.

— Не кипятись, Хюмир, — сказал Тор. — Завтра я отправлюсь рыбачить и возмещу тебе то, что съел.

— Тогда я отправлюсь с тобой, Тор, — проговорил Хюмир. — И не пугайся, если я поведу ладью в бурное море.

Наутро Хюмир первый встал с постели и пришел с багром и веревками туда, где спал Тор.

— Пора отрабатывать съеденное, Тор, — рявкнул он.

Тор поднялся, и, когда они вместе вышли во двор, великан сказал:

— Ты должен сам раздобыть себе наживку. Только смотри, чтобы наживка была порядочная. Там, куда я собираюсь взять тебя, маленькие рыбешки не водятся. Если ты никогда раньше не видел чудовищ, то теперь увидишь. Я рад, что ты предложил порыбачить.

— Такая наживка сгодится? — спросил Тор, хватая за рога Прободающего Небо — быка с самыми мощными рогами на самой здоровенной голове, которого поймал и притащил домой Хюмир. — Такая наживка сгодится, как по-твоему?

— Да, если ты с ней совладаешь, — сказал великан.

Тор, ни слова не говоря, со всего размаху ударил быка кулаком промеж глаз. Огромный зверь рухнул мертвым, и Тор оторвал у него голову.

— У меня есть наживка, и я готов следовать за тобой, Хюмир, — сказал он.

Хюмир отвернулся, чтобы скрыть ярость, охватившую его, когда Тор совершил этот подвиг. Он молча направился к ладье.

— Можешь пока немного погрести, — пробурчал Хюмир, когда они сели в ладью, — но в открытом океане, где волны бушуют, я, так и быть, возьму у тебя весла.

Ничего не ответив, Тор сделал несколько гребков, которые вынесли ладью на середину океана. Хюмир совсем рассвирепел оттого, что ему никак не удается обставить Тора. Он забросил свою лесу. Вскоре она сильно натянулась. Ладья закачалась, но Тор выровнял ее. Тогда Хюмир втянул в ладью самого большого кита, какой водился в здешних водах.

— Славный улов, — сказал Тор, насаживая на крюк свою наживку.

— Тебе будет что порассказать асам, — сказал Хюмир. — Это поинтересней, чем ловля лососей.

— Теперь я попытаю счастья, — сказал Тор.

Он закинул лесу, на конце которой висела здоровенная бычья голова с могучими рогами. Голова погружалась все глубже и глубже. Она миновала глубины, где плавали киты, и ни один из них не решился сглотнуть мощные рога. В конце концов она

достигла бездны, где, обвившись вокруг земли, лежал чудовищный мировой змей. Увидав наживку Тора, спустившуюся сквозь толщу океана, он поднял голову над своими змеиными кольцами, хапнул ее и хотел проглотить, но гигантский крюк застрял у него в глотке. Змей, оторопев, начал биться и взбаламутил весь океан, но от крюка не освободился. Тогда он попытался утащить в пучину покусившихся на него наглецов. Тут Тор оседлал ладью, спустил ноги в воду и достал ими до самого океанского дна. Упираясь в дно, Тор тянул и тянул свою лесу. Чешуйчатое чудовище все яростнее колыхало океан, так что корабли всего света сшибались, разбивались в щепки и носились по воле бешеной стихии. Но змею приходилось одно за другим разматывать кольца, которыми он обвивал землю. Тор тянул и тянул. И вот ужасная голова вылезла из воды и нависла над зажатой меж ляжек Тора ладьей, в которой сидел Хюмир. Тор отпустил лесу, схватил Мьёлльнир, богатырский молот, и взмахнул им, чтобы поразить чешуйчатого гада, сжимающего мир в своих страшных объятиях. Но тут вмешался Хюмир: чтобы Тор не превзошел его столь великим подвигом, он перерезал лесу, и голова змея опять канула в бездну. Но молот Тора был уже занесен. И Тор бросил его, бросил молот, всегда возвращавшийся к нему в руку. Молот полетел за змеевой головой, сажень за саженью прорезая толщу океана, и оглоушил чешуйчатое чудовище; не смягчи удара вода, он был бы поистине убийственным. Рев боли донесся из океанских глубин, такой рев, что у обитателей Ётунхейма кровь застыла в жилах.

— Вот об этом и впрямь стоит рассказать асам! — воскликнул Тор. — Тогда они сразу позабудут насмешки Локи.

Онемев от бешенства, — ну как же, один из асов утер ему нос! — Хюмир без слова развернул ладью и направил ее к берегу. За ужином он тоже молчал, а Тор разглагольствовал за двоих, похваляясь своей победой над мировым змеем.

— Ты наверняка считаешь себя всесильным, Тор, — наконец сказал Хюмир. — А ну-ка, посмотрим, сумеешь ли ты разбить кубок, что стоит перед тобой?

Тор схватил кубок и со смехом швырнул в каменную колонну. Кубок упал на пол без трещинки, без щербинки. Зато колонна от удара раскололась.

Великан захохотал.

— Вот так слабаки живут в Асгарде!

Тор поднял кубок и со всего размаху метнул его в каменную колонну. И опять кубок упал на пол без трещинки, без щербинки.

Тут Тор услышал, как старуха, мать молодого великана, тихо напевает, крутя прялку у него за спиной:

Зря ты лупишь по столбу,
Хюмира огрей по лбу
И узнаешь, как крепка
Моего внучка башка.

Тор опять поднял кубок и запустил его, только на сей раз не в колонну, а в голову Хюмира. Кубок угодил великану прямо в лоб и разлетелся вдребезги. А на голове Хюмира не осталось ни трещинки, ни щербинки.

— Ха, кубок тебе удалось разбить, но удастся ли поднять мой котел в версту шириной? — вскричал великан.

— Покажи мне, где твой котел в версту шириной, и я попробую поднять его! — вскричал Тор.

Великан откинул половицу и показал ему котел в версту шириной, хранившийся в погребе. Тор нагнулся, уцепил котел за край и поднял медленно-медленно, будто с невероятным усилием.

— Поднять ты его сумел, но сумеешь ли перенести? — сказал великан.

— Я постараюсь, — ответил Тор.

Вскинув котел себе на загорбок, он устремился к двери и вон из дома, прежде чем великан сообразил, что к чему. Очутившись снаружи, он припустил без оглядки. Но, перевалив через бугор, Тор услышал за спиной вопли и визги и, обернувшись, увидел, что его преследует великанша с кучей голов. По горам, по долам мчался Тор с котлом на загорбке, а за ним по пятам старуха великанша. Он миновал непролазную чащу и гору до небес, а Многоголовка все гналась за ним. Но наконец, перепрыгивая через озеро, она бултыхнулась в воду, и Тор избавился от своей преследовательницы.

Торжествующий Тор вернулся к асам и ванам, неся на загорбке котел в версту шириной. И те из асов и ванов, что больше всего смеялись над зубоскальством Локи, поднялись и громко приветствовали силача. Брага была сварена, столы уставлены яствами, и самый грандиозный пир, какой владыки великанов когда-либо задавали обитателям Асгарда, состоялся ко всеобщему удовольствию.

Странная молчаливая фигура сидела среди гостей. Это был великан, и никто не знал, кто он и откуда явился. Но когда пир окончился, Один повернулся к незнакомцу и обратился к нему с такими словами:

— О Скрюмир, властелин Утгарда, поднимись теперь и поведай Тору обо всем, что ты проделал с ним, когда он и Локи

приходили в твой город.

Тут незнакомец встал, и Тор и Локи узнали владыку великанов, в чьих палатах проходили состязания. Скрюмир повернулся к ним и сказал:

— О Тор и Локи, теперь я открою вам уловки, с помощью которых обвел вас обоих вокруг пальца. Это меня вы встретили на вересковой пустоши. Я назвался вам Скрюмиром и сделал все возможное, чтобы помешать вам войти в наш город, потому что великаны боялись схватки с Тором из рода асов. Слушай же, о Тор. Сума с припасами, которую я дал вам, была завязана заколдованными узлами. Ни сила, ни смекалка не смогли бы их развязать. А пока вы бились над сумой, я установил между собою и тобой гранитную скалу. Удары молота, которые, как тебе мнилось, обрушились на меня, на самом деле обрушились на скалу и оставили в ней глубокие расщелины и выбоины. Испытав мощь твоих ударов, я все больше и больше страшился твоего прихода в город.

Я понял, что вас нужно заморочить колдовством. Твой пострел Тьяльви стал первой жертвой обмана, потому что в беге с ним состязался не молодой великан, а сама Мысль. И даже тебя, Локи, я перехитрил. Когда ты объявил себя величайшим едоком, я выставил против тебя не великана, а всепожирающий Огонь.

Тебя, Тор, мы провели во всем. Когда ты пил из рога, великаны просто обмерли, увидев, сколько ты способен в себя влить, ведь конец рога был опущен в море, и присутствующий здесь Эгир может подтвердить, что после нескольких твоих глотков уровень его понизился.

Под личиной кошки, которую ты силился поднять, скрывался Нидхёгг, дракон, гложущий корни Иггдрасиля, мирового древа. Все великаны задрожали от страха, увидев, как ты сдвинул Нидхёгга. Когда спина кошки коснулась перекрытий свода, мы сказали себе: «Тор — сильнейший из всех, кого нам довелось встречать».

Под конец ты боролся с каргой Элли. Ее сила показалась тебе поразительной, и ты счел себя опозоренным, потому что не сумел повалить ее. Знай же, Тор, Элли, с которой ты схватился, была сама Старость. Мы поистине ужаснулись, увидев, что она, одерживающая верх над всеми, не могла повергнуть тебя на землю.

Произнеся это, Скрюмир покинул пиршественную залу. И опять асы и ваны встали и громко приветствовали Тора, сильнейшего защитника Асгарда.

Злосчастное сокровище цвергов

Итак, пир у Эгира завершился, и вереница асов и ванов потянулась в Асгард. Только двое двинулись в другом направлении — Один, старейший из богов, и злокозненный Локи.

Локи и Один сбросили с себя всю свою божественность. Их путь лежал в мир людей, и они не должны были ничем отличаться от смертных. Вместе они пошли по Мидгарду, общаясь с самыми разными людьми: властителями и хлебопашцами, злодеями и добродеями, воинами и купцами, рабами и советниками, добряками и грубиянами. Однажды они присели отдохнуть на берегу широкой реки. Где-то неподалеку слышался стук железа по железу.

Вскоре на каменном островке посреди реки появилась выдра. Она нырнула в воду и вынырнула с лососем в зубах. Опять вскарабкавшись на камень, выдра принялась уплетать свою добычу. И тут на глазах у Одина Локи совершил бессмысленное злодеяние. Подняв огромный булыжник, он запустил им в выдру. Булыжник размозжил зверю череп и убил его наповал.

— Локи, Локи, зачем ты без нужды совершил смертоубийство? — вскричал Один.

В ответ Локи только рассмеялся. Он поплыл к островку и вернулся с тушкой.

— Зачем ты отнял жизнь у бессловесной твари? — спросил Один.

— Меня толкнула на это моя злокозненная натура, — ответил Локи, вытащил нож и, вспоров выдре брюхо, стал сдирать с нее шкуру. Закончив работу, он сложил шкуру и заткнул ее за пояс. Затем Один и Локи опять тронулись в путь.

Идя вдоль реки, они вышли к дому, рядом с которым стояли две кузницы, откуда и слышался стук железа по железу. Они заглянули в дом и спросили, нельзя ли там поесть и передохнуть.

И старик, жаривший на очаге рыбу, указал им на скамью.

— Располагайтесь здесь, и, когда рыба поспеет, я угощу вас на славу. Мой сын — отличный рыболов, он приносит мне самых лучших лососей.

Один и Локи сели на скамью, а старик продолжал хлопотать над стряпней.

— Меня зовут Хрейдмар, — сказал он, — и мои два сына работают в кузницах. Есть у меня и третий сын, это он ловит для нас рыбу. А вы кто такие, странники?

Локи и Один назвали Хрейдмару не те имена, под которыми они были известны в Асгарде и Мидгарде. Хрейдмар подал им рыбу, и они утолили голод.

— И что же случилось с вами за время странствий? — спросил Хрейдмар. — Мало кто забредает сюда рассказать о том, что творится в мире.

— Я убил булыжником выдру, — со смехом сказал Локи.

— Ты убил выдру! — вскрикнул Хрейдмар. — Где ты ее убил?

— Это совершенно не важно, старик, — отвечал Локи. — Но у нее хорошая шкура. Вот она, у меня за поясом.

Хрейдмар выхватил шкуру из-за пояса Локи и, поднеся ее к глазам, пронзительно закричал:

— Фафнир, Регин, сыны мои, скорее бегите сюда и прихватите из кузниц рабов. Сюда, сюда, сюда!

— Что ты так надсаживаешься, старик? — спросил Один.

— Ты убил моего сына Отра! — завопил старик. — У меня в руках шкура моего сына!

Как раз в эту минуту в дверь ворвались два молодых парня с кувалдами в сопровождении рабов-трэлей.

— Фафнир, Регин! Прихлопните этих людей своими кувалдами! — закричал их отец. — Отр, любивший плавать в реке и превращенный мною в речного зверя, чтобы ему легче было ловить для нас рыбу, убит вот этими негодяями.

— Успокойся, — сказал Один. — Если мы и убили твоего сына, то по недоразумению. Мы возместим тебе твою потерю.

— Чем вы ее возместите? — спросил Хрейдмар, глядя на Одина маленькими пронзительными глазками.

И тут Один, старейший из богов, произнес слова,

недостойные его мудрости и могущества. Он мог бы сказать: «В возмещение твоей потери я принесу тебе глоток воды из источника Мимира». Но вместо того чтобы вспомнить о возвышенном, Один Всеотец вспомнил о низменном.

— Оцени жизнь своего сына, и мы заплатим за нее золотом, — проговорил он.

— Может быть, вы великие властители, странствующие по свету, — сказал Хрейдмар. — Если так, то вам придется покрыть золотом каждый волосок на шкуре того, кого вы убили.

Тогда Один, захваченный мыслью о выкупе, подумал о некоем кладе, который стерег карлик. Никакого другого сокровища в девяти мирах не хватило бы, чтоб удовлетворить требование Хрейдмара. Хотя и со стыдом, но Один подумал об этом кладе и о том, как его можно заполучить.

— Локи, знаешь ли ты о сокровище Андвари? — спросил он.

— Я знаю о нем, Один, — оживился Локи, — и знаю, где оно спрятано. Не испросишь ли ты для меня разрешения сходить за сокровищем Андвари?

Один обратился к Хрейдмару:

— Я останусь у тебя заложником, если ты позволишь моему приятелю отправиться за драгоценностями, которые покроют шкуру выдры волосок за волоском.

— Позволяю, — сказал старик Хрейдмар, блеснув острыми хитрыми глазками. — Ступай сейчас же, — велел он Локи.

И Локи вышел из дома.

Андвари звался карлик, который в незапамятные времена завладел величайшим сокровищем в девяти мирах. Чтобы иметь возможность неусыпно стеречь его, Андвари обернулся рыбой-щукой и плавал взад-вперед у входа в грот, где хранился клад.

Все в Асгарде знали о сокровище карлика, но существовало поверье, что на нем лежит какое-то заклятие и лучше к нему не прикасаться. Теперь же Один повелел его забрать. Локи радостно устремился к гроту Андвари. Добрался до заводи перед гротом и стал высматривать стража. Вскоре он увидел щуку, с оглядкой плавающую у входа.

Придется ему изловить рыбину и крепко держать ее, пока не будет произведен расчет. Щука заметила наблюдавшего за ней Локи, резко метнулась в сторону и быстро поплыла по течению.

Как же ее поймать? Она выскользнет из рук и на наживку не клюнет. Нужна колдовская сеть — вся надежда на нее.

У Ран, жены старого великана Эгира, владыки морей, была такая колдовская сеть. Ран затягивала в нее все драгоценности с потонувших кораблей. Вспомнив об этой сети, Локи повернулся и

направился в чертог Эгира искать морскую владычицу. Но Ран редко обреталась в жилище своего супруга. Локи нашел ее у ближайших рифов.

Холодная великанша стояла в волнах, улавливая в свою сеть каждую ценную вещицу, выносимую из глубин приливом. Рядом с нею уже громоздилась целая гора кораллов, яхонтов, золотых и серебряных безделушек, а она все продолжала забрасывать и вытаскивать сеть.

— Ты ведь знаешь меня, жена Эгира, — начал Локи.

— Я знаю тебя, — сказала владычица Ран.

— Одолжи мне твою сеть, — сказал Локи.

— Не одолжу, — сказала владычица Ран.

— Одолжи мне твою сеть, чтобы я мог поймать карлика Андвари, который похваляется, будто его сокровище больше, чем все то, что ты когда-либо вытащишь из моря.

Холодная владычица морей застыла с сетью в руках и в упор посмотрела на Локи. Да, если он собирается поймать Андвари, сеть она ему одолжит. Ран люто ненавидела всех цвергов, ведь они не уставали твердить, что никогда ей не обладать такими ценностями, какими они владеют уже сейчас. А особенно она ненавидела Андвари, карлика, захватившего самое огромное сокровище в девяти мирах.

— Здесь мне пока нечего больше ловить, — сказала она, — и если ты поклянешься возвратить сеть к завтрашнему дню, я одолжу ее тебе.

— Клянусь искрами Муспелльсхейма, что возвращу тебе твою сеть к завтрашнему дню, о владычица Эгира! — вскричал Локи.

Тогда Ран отдала ему колдовскую сеть, и он поспешил назад, туда, где карлик в измененном обличье охранял свой дивный клад.

Темной была заводь, в которой плавал обернувшийся щукой Андвари, но ему чудилось, будто она озарена золотым сиянием его волшебного сокровища. Ради этого сокровища он расстался с сородичами и лишил себя радости создавать вместе с ними удивительные изделия. Ради него обрек себя на рыбью глухоту и немоту.

И вот, кружа перед гротом, Андвари снова увидел над собою тень и нырнул под навес берега. Обернувшись и заметив приближающуюся сеть, он залег на дно. Но колдовская сеть растянулась и опутала его.

В мгновение ока Андвари взлетел в воздух и, задыхаясь, плюхнулся на берег. Он бы умер, если б не принял свой обычный облик: карлик опять стал карликом.

— Андвари, ты пленник. Тебя пленил один из асов, — услышал он голос своего поработителя.

— Локи! — выдохнул он.

— Ты пленен и останешься пленником, — сказал ему Локи. — Асы повелевают отдать сокровище мне.

— Это мое сокровище! Мое! — заверещал карлик. — Никогда я с ним не расстанусь.

— Я не отпущу тебя, пока ты его не отдашь, — сказал Локи.

— Это нечестно, нечестно! — закричал Андвари. — Ты, Локи, всегда поступаешь нечестно. Я предстану перед троном Одина и попрошу его покарать тебя за попытку меня ограбить.

— Один сам послал меня сюда, чтобы я принес ему твое сокровище, — сказал Локи.

— Неужели все асы такие нечестные? О да. Ведь когда-то они обманули великана, который построил стену вокруг их города. Асы нечестные!

В ответ на оскорбления и непокорство беспомощного карлика Локи принялся его истязать. Наконец, дрожа от злости и обливаясь слезами, Андвари отвел Локи в свой грот и, отвалив камень, показал ему груду золота и драгоценных камней.

Локи тут же начал кидать в колдовскую сеть золотые слитки и украшения со сказочными рубинами, сапфирами и смарагдами. От него не укрылось, что Андвари сцапал что-то с самого верха груды, но сперва он и виду не подал. Когда же все до последней мелочи было собрано в сеть, Локи, готовый отбыть с сокровищем карлика, проговорил:

— Осталось отдать еще одну вещицу — кольцо, которое ты, Андвари, утащил из кучи.

— Ничего я не утаскивал, — сказал карлик, но весь затрясся от бешенства, заскрежетал зубами, и на его губах выступила пена. — Ничего я из кучи не утаскивал.

Но Локи дернул его за руку, и кольцо, которое Андвари спрятал у себя под мышкой, покатилось на землю.

Это кольцо из чистейшего золота было бесценнее всего клада. Останься оно у Андвари, карлик мог бы по-прежнему считать себя обладателем несметного богатства, потому что это кольцо могло порождать золото. Кроме того, на нем была выгравирована руна власти.

Локи поднял бесценное кольцо и надел его себе на мизинец. А карлик, тыча в Локи большими пальцами, разразился проклятием:

Пусть навлечет кольцо
С могущественной руной

Злосчастье черное
На голову твою
И головы всех тех,
Что покусятся впредь
На перстень, мне родной.

Пока Андвари произносил это проклятие, Локи увидел, как во тьме грота возникла какая-то фигура и двинулась к нему. Он узнал в ней Гулльвейг, великаншу, которая некогда жила в Асгарде.

Давным-давно, в дни юности мира, когда боги только-только поднялись на свою священную гору и Асгард еще не был построен, пришли к асам три великанши. С этого времени жизнь богов изменилась. Именно тогда научились они ценить и прятать золото, прежде бывшее для них игрушкой. Тогда же их впервые потянуло воевать. Всеотец метнул копье в посланцев ванов и породил войну.

Трех великанш прогнали из Асгарда, с ванами был заключен мир, и обитатели Асгарда вырастили яблоки вечной молодости. Страсть к золоту была обуздана. Но никогда больше асы не чувствовали себя такими счастливыми, как до появления великанш.

Гулльвейг была одной из тех трех, что разрушили первоначальное счастье богов. И вот она-то появилась из глубины грота, где Андвари хранил свой клад, и с улыбкой приблизилась к Локи.

— Ну вот, Локи, — сказала она, — ты снова видишь меня. И Один, пославший тебя в этот грот, тоже меня увидит. Подумать только, Локи! Я отправлюсь к Одину твоим гонцом с вестью, что ты несешь клад Андвари.

С этими словами, ухмыляясь ему в лицо, Гулльвейг быстрыми и легкими шагами вышла из грота. Локи связал концы волшебной сети, вместившей в себя все сокровище, и последовал за великаншей.

Старейший из богов стоял, опершись на свое копье и созерцая шкуру выдры, раскинутую перед ним. Вдруг распахнулась дверь, и кто-то вошел в жилище стремительной и радостной походкой. Всеотец поднял глаза и в обладательнице стремительной и радостной походки узнал Гулльвейг, одну из тех, что некогда разрушили счастье богов. Всеотец изготовился пронзить ее копьем.

— Опусти копье, Один, — сказала она. — Я долго жила в

гроте карлика. Но твое слово освободило меня, а проклятие, произнесенное Андвари над кольцом, привело меня сюда. Опусти копье и посмотри на меня, старейший из богов. Ты изгнал меня из Асгарда, но ты же вызвал меня обратно. Если вам, Одину и Локи, купившим себе свободу ценой золота, не заказана дорога в Асгард, то и мне, Гулльвейг, она не заказана.

Глубоко вздохнув, Один опустил копье.

— Это так, Гулльвейг, — молвил он. — Я не вправе заступить тебе дорогу в Асгард. Почему я не предложил Хрейдмару в возмещение его утраты мед Квасира или воду из источника Мимира!

Пока они говорили, подоспел Локи. Он положил на пол волшебную сеть. Востроглазый старик Хрейдмар, громадный Фафнир и тощий, словно вечно голодный Регин собрались поглазеть на золото и драгоценные камни, сиявшие сквозь ячеи. Они стали отталкивать друг друга от сокровища, и Хрейдмар закричал:

— Никто не должен находиться здесь, кроме этих двух властителей и меня, пока мы разбираем золото и каменья и проверяем, хватает ли их. Подите-ка вон, ребята.

Пришлось Фафниру и Регину покинуть дом. Они плелись еле-еле, а за ними тащилась Гулльвейг, шепча что-то им обоим.

Трясущимися руками старик Хрейдмар расправил шкуру, прежде облекавшую его сына. Расправил уши, и хвост, и лапы, так, чтобы был виден каждый волосок. И, все еще стоя на коленях, сказал:

— Приступайте, о владыки, и смотрите, чтобы каждый волосок на шкуре моего сына был покрыт драгоценным металлом или камнем.

Всеотец стоял, опершись на копье, наблюдая за тем, как производится расплата. Локи брал золотые слитки, браслеты и кольца, он брал рубины, смарагды и сапфиры и укладывал их на каждый волосок. Скоро середина шкуры была покрыта. Затем он устлал золотом и каменьями лапы и хвост. Вскоре шкура выдры так засверкала, что казалось, она озаряет весь мир. И все же Локи продолжал находить места, куда можно было положить еще камушек или золотую вещицу.

Наконец он встал. Все драгоценные камни и все золотые предметы были вынуты из сети. И все волоски на шкуре выдры были покрыты драгоценными камнями или золотыми предметами.

Но старик Хрейдмар, стоя на четвереньках, продолжал внимательно обглядывать шкуру. Наконец он поднялся на колени. Губы его шевелились, но он не издал ни звука, только

коснулся коленей Одина и, когда тот нагнулся, показал ему на торчащий ус.

— Что ты хочешь сказать? — завопил Локи, склоняясь над скрючившимся на полу человеком.

— А то, что ваш выкуп еще не уплачен: смотрите, вот неприкрытый ус. Вы не можете уйти, пока каждый волосок не будет покрыт золотом или камнем.

— Опомнись, старик, — грубо сказал Локи. — Тебе отдано все сокровище цверга.

— Вы не можете уйти, пока не будет покрыт каждый волосок, — повторил Хрейдмар.

— Но у нас больше нет ни золота, ни драгоценных камней, — развел руками Локи.

— Тогда вы не можете уйти! — закричал Хрейдмар, вскакивая.

Возразить было нечего. Один и Локи не могли покинуть жилище старика, не заплатив сполна по уговору. Но где асам теперь взять еще драгоценностей?

И тут Один заметил, как на пальце Локи сверкнуло золото: это было кольцо, отнятое им у Андвари.

— Твое кольцо! Положи на шкуру выдры твое кольцо! — приказал Один.

Локи снял кольцо, на котором была выгравирована руна власти, и придавил им ус выдры. Тогда Хрейдмар громко вскрикнул и захлопал в ладоши. Тотчас вбежали громадный Фафнир и тощий, вечно голодный Регин, а за ними Гулльвейг. Они сгрудились вокруг шкуры сына и брата, которая вся переливалась золотом и драгоценными каменьями. Но как ни притягивала взор сверкающая шкура, Фафнир и Регин то и дело зыркали на отца и друг на друга, и их взгляды были поистине смертоносными.

По Биврёсту, радужному мосту, проследовали вереницей асы и ваны, возвращавшиеся с пира старого Эгира, — Фрейр и Фрейя, Фригг, Идунн и Сив, Тюр со своим мечом и Тор в колеснице, запряженной двумя козлами. За ними шел Локи, а замыкал шествие Один, Отец богов. Он брел медленно, опустив голову, ибо знал, что за ним по пятам идет незваная гостья — Гулльвейг, которую боги некогда изгнали из Асгарда, но чьему возвращению теперь не могли воспрепятствовать.

Часть 3
Сердце колдуньи

Дурные предчувствия обитателей Асгарда

То, что случилось потом, — позор для богов, и смертным не след часто об этом вспоминать. Колдунья Гулльвейг явилась в Асгард, потому что Хеймдалль не посмел преградить ей путь. Она вошла в ворота и обосновалась среди асов и ванов. Она расхаживала по Асгарду с вечной ухмылкой на лице, и там, где она проходила, мерзко ухмыляясь, поселялись тревога и зловещие предчувствия.

Тревога и дурные предчувствия сильнее всего одолели поэта Браги и его жену, прекрасную и простодушную Идунн, ту, что собирала яблоки, отгонявшие старость от обитателей Асгарда. Браги умолк, прервав на полуслове свой бесконечный рассказ. Идунн же, обезумев от страха и жутких предчувствий, расползавшихся по Асгарду, соскользнула вниз по стволу Иггдрасиля, мирового древа, и опять некому стало собирать яблоки, помогавшие асам и ванам сохранять молодость.

Тогда всех обитателей Асгарда охватило смятение. Сила и красота начали покидать их. Тор с трудом поднимал Мьёлльнир, свой огромный молот, и плоть под ожерельем Фрейи утратила сверкающую белизну. А колдунья Гулльвейг по-прежнему разгуливала по Асгарду с гнусной ухмылкой, невзирая на общую к ней ненависть.

На поиски Идунн отправились Один и Фрейр. Ее бы тотчас нашли и вернули обратно, будь у Фрейра волшебный меч, который он отдал за Герд. Чтобы добраться до Идунн, ему

пришлось сразиться со стражем озера, в котором она укрылась, — с Бели. В конце концов Фрейр убил его оружием, сделанным из оленьих рогов. Ах, не тогда, а много позже Фрейр горько пожалел об утрате своего чудесного булата: когда всадники Муспелля двинулись на Асгард, ваны не одержали над ними победы лишь потому, что у Фрейра не оказалось его меча.

Идунн вернулась в город богов. Но тревога и дурные предчувствия, как и прежде, ползли по Асгарду. К тому же обнаружилось, что колдунья Гулльвейг пагубно влияет на мысли богов.

Наконец Один решил судить Гулльвейг. Он судил ее и приговорил к смерти. Но прикончить Гулльвейг могло только копье Одина Гунгнир, так как она была не из рода смертных.

Один метнул Гунгнир. Копье пронзило Гулльвейг, но она по-прежнему стояла, ухмыляясь богам. В другой раз бросил Один свое копье, и опять копье пронзило колдунью. Она посинела, как мертвец, но не упала. В третий раз метнул Один копье. И, пронзенная в третий раз, колдунья испустила вопль, от которого содрогнулся весь Асгард, и бездыханная грянулась наземь.

— Я совершил убийство в стенах, где убивать запрещено, — возгласил Один. — Возьмите теперь труп Гулльвейг и сожгите его на крепостном валу, чтобы никакого следа колдуньи, смущавшей нас, не осталось в Асгарде.

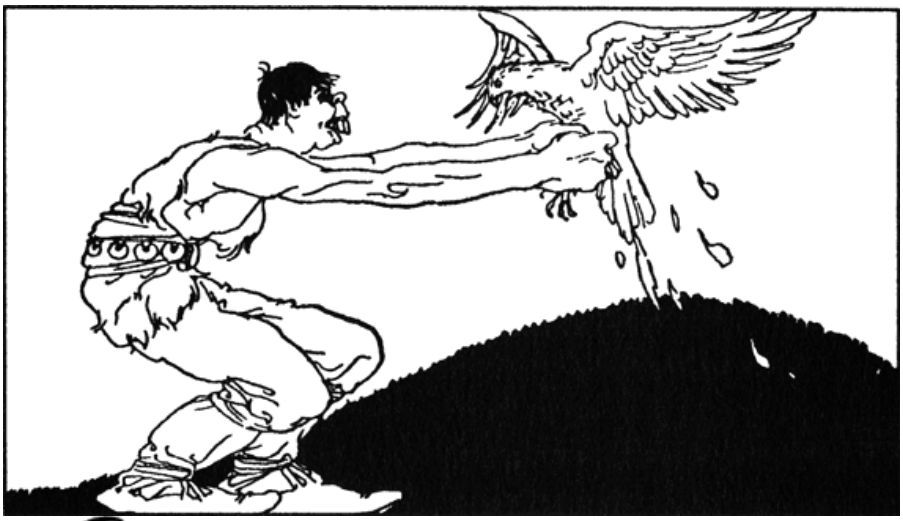
Боги вынесли труп Гулльвейг на крепостной вал, разложили погребальный костер и позвали Хресвельга раздувать пламя:

О-го-го, Хресвельг-великан!
Восседая у края небес
В оперении птицы-орла,
Ты могучими взмахами крыл
Прогоняешь ветра над землей.
Опахни ж и селенье богов!

Когда все это произошло, Локи был далеко. Теперь он часто отлучался из Асгарда, чтобы взглянуть на дивное сокровище, отнятое им у карлика Андвари. Это Гулльвейг приковывала его мысли к чудесному кладу. Когда же он вернулся и услыхал о свершившемся, в нем вспыхнула ярость. Ибо Локи был из тех, чей ум растлили присутствие и нашептывания колдуньи Гулльвейг. Ненависть к богам захлестнула его. И вот он пришел на то место, где сожгли Гулльвейг. Все ее тело обратилось в золу, кроме сердца, не тронутого огнем. И Локи, обуянный гневом, схватил сердце колдуньи и проглотил его. О, каким черным и зловещим был для Асгарда тот день, когда Локи проглотил сердце, не

тронутое огнем!

Предатель Локи



Он украл у Фригг наряд из соколиных перьев и, взвившись соколом в Асгарде, устремился к Ётунхейму.

Гнев и свирепость хищной птицы клокотали в груди Локи, когда он летел над владениями великанов. Дух его жарко разгорался при виде скал и ущелий этой ужасной страны. Он смотрел на омуты и дымящиеся горы и веселился. Выше и выше взмывал Локи, пока не открылась ему огненная земля Муспелльсхейм, лежавшая на юге. А он взмыл еще выше. Тогда соколиные его очи различили блеск пылающего меча Сурта. Придет день, и все пламя Муспелльсхейма и весь мрак Ётунхейма будут брошены против Асгарда и Мидгарда. Но Локи более не страшила мысль о гибели красоты Асгарда и крушении надежд Мидгарда.

Он принялся кружить над одним из жилищ Ётунхейма. Чем же оно его привлекло? Да просто ему настолько опротивели совершенные лица асов и ванов, что приятно было посмотреть на безобразные, перекошенные от злости рожи двух великанш, которых он там заметил.

Он парил над открытой дверью великаньего дома, разглядывая тех, кто находился внутри. А находились там Гейррёд, самый кровожадный из великанов, и его лютые страшилы дочери, Гьяльп и Грейп.

Они были огромные и неуклюжие, чернявые и бородавчатые,

с лошадиными зубами и конскими гривами вместо волос. Гьяльп уродством превосходила свою сестру (если это можно назвать превосходством), потому что нос у нее был длиной в аршин, а глаза смотрели в разные стороны.

Гьяльп и Грейп сидели на полу и чесали друг другу головы. О чем же они говорили за этим занятием? Об Асгарде и о тамошних обитателях, которых они не выносили. Главным же их врагом был Тор, и каждый мечтал по-своему с ним разделаться.

— Я бы заковал Тора в цепи, — сказал великан Гейррёд, — и забил его до смерти своей железной дубинкой.

— Я бы истолкла в порошок его кости, — сказала Грейп.

— А я бы изорвала в клочья его плоть, — сказала Гьяльп. — Отец, неужто не можешь ты изловить этого Тора и притащить сюда живьем?

— Нет, пока у него есть Мьёлльнир, и перчатки, которыми он берет свой молот, и пояс, удваивающий его силу.

— О, если бы нам подстеречь его без молота, пояса и перчаток! — закричали в один голос Грейп и Гьяльп.

В эту минуту они заметили парящего над их дверью сокола. Поскольку всех троих распирало желание выместить на ком-нибудь свою злость, у них сразу же зачесались руки поймать и помучить птицу. Сами они не сдвинулись с места, но кликнули малыша Глаппа, качавшегося на стропилах, и велели ему изловить пернатого негодяя.

Укрываясь за огромными листьями, малыш Глапп вскарабкался по плющу, оплетавшему дверь. Сокол спустился ниже. Глапп вцепился ему в крыло и, сорвавшись с плюща, полетел вниз, сшибая листву, вопя и брыкаясь, потому что сокол бил его крыльями, клевал и царапал когтями.

Гейррёд, Грейп и Гьяльп выскочили и ухватили сокола. Оглядев его, великан понял, что это не птица. Глаза выдавали в нем обитателя Асгарда или Альвхейма. Гейррёд запер его в сундук, ожидая, что он скоро заговорит.

И действительно, вскоре из сундука послышался стук, и, когда Гейррёд приподнял крышку, Локи заговорил. Узнав, что их пленник — один из обитателей Асгарда, свирепый великан и его дочери пришли в неописуемый восторг и много дней подряд только и делали, что пересмеивались да перемигивались. И все это время они держали Локи в сундуке, моря голодом.

Когда они опять открыли сундук, Локи обратился к ним со смиренными словами и посулил причинить обитателям Асгарда любой вред, какой будет угодно великанам, лишь бы те его отпустили.

— Ты приведешь к нам Тора? — спросила Грейп.

— Ты приведешь к нам Тора без молота, без перчаток и без пояса? — спросила Гьяльп.

— Приведу, если вы меня отпустите, — пообещал Локи. — Тора легко обмануть, и я доставлю его к вам без молота, пояса и перчаток.

— Мы отпустим тебя, Локи, — сказал великан, — если ты поклянешься тьмой Ётунхейма, что выполнишь обещание.

Локи поклялся тьмой Ётунхейма.

— А еще огнями Муспелльсхейма, — добавил он.

Тогда великан и его дочери освободили Локи, и он полетел назад в Асгард.

Локи вернул Фригг ее соколиное оперение. Все порицали его за кражу, но когда он рассказал, как Гейррёд держал его взаперти без еды и питья, то все согласились, что Локи достаточно наказан за свой проступок. Хитрец по-прежнему мирно беседовал с богами, не давая прорваться наружу отвращению, которое они внушали ему с тех самых пор, как он проглотил сердце Гулльвейг.

Болтая с Тором, Локи вспоминал об их общих приключениях в Ётунхейме. И теперь Тор хохотал над тем, как отправился невестой к великану Трюму.

Наконец Локи измыслил способ вновь заманить его в Ётунхейм.

— Я хочу поговорить с тобой о том, что видел в доме Гейррёда, — сказал он. — А видел я там волосы Сив, твоей жены.

— Волосы Сив, моей жены! — в удивлении повторил Тор.

— Да, волосы, которые я когда-то срезал с головы Сив, — подтвердил Локи. — Оказывается, их подобрал Гейррёд. Он освещает ими свои палаты. О да, там, где сверкают волосы Сив, не нужны факелы.

— Я хочу на них посмотреть, — сказал Тор.

— Тогда навести Гейррёда, — сказал Локи. — Но идти туда ты должен без твоего молота Мьёлльнира, без перчаток и без пояса.

— Где же мне оставить Мьёлльнир, железные перчатки и пояс? — спросил Тор.

— Оставь их в Валяскьяльве, чертоге Одина, — подсказал хитроумный Локи. — Оставь их и отправляйся в дом Гейррёда. Тебя там наверняка ждет радушный прием.

— Так тому и быть, — решил Тор, — я оставлю их в Валяскьяльве и пойду с тобой к Гейррёду.

Тор отнес свой молот, свои перчатки и свой пояс в Валяскьяльв и вместе с Локи двинулся в Ётунхейм. Когда их путешествие уже близилось к концу, они вышли к широкой реке и

вместе с молодым великаном, которого повстречали на берегу, стали переходить ее вброд.

Внезапно река начала набухать. И если бы Тор не успел подхватить Локи и молодого великана, их унесло бы потоком. Вода все больше прибывала и все больше бурлила. Тор с трудом продвигался вперед, широко расставляя ноги, чтобы не упасть, и держа под мышками Локи и молодого великана. Наконец ему удалось уцепиться за росшую над рекой рябину. Вода поднялась еще выше, но Тор сумел втащить своих попутчиков на берег и вскарабкался на него сам.

Тогда он бросил взгляд вверх по течению и увидел картину, от которой у него вскипела кровь. Там стояла великанша, испуская из себя мощную струю. Так вот отчего поднялась и забурлила река! Тор вырвал из земли валун и швырнул в великаншу, сбросив ее в поток. Она кое-как выбралась из воды и, скуля, убежала. Это была Гьяльп, безобразная и злобная дочь Гейррёда.

Молодой великан, которому Тор помог перебраться через реку, стал убеждать своих новых знакомцев ненадолго завернуть к его матери Грид, жившей в пещере неподалеку. Локи заартачился и страшно осерчал, услыхав, что Тор готов принять приглашение. Но Тор, расположившийся к молодому великану, решил все же посетить жилище Грид.

— Ну что ж, ступай, только скорее приходи в дом Гейррёда. Я буду ждать тебя там, — сказал Локи.

Он наблюдал, как Тор поднялся по склону холма к пещере Грид; а через некоторое время ас вышел из пещеры, направился к жилищу Гейррёда и переступил порог дома, где, как думал Локи, защитника Асгарда ждала смерть. И тогда, одурев от содеянного, Локи втянул голову в плечи и пустился бежать прочь, как огромная птица.

Грид, старая великанша, сидела на полу пещеры, размалывая жерновами зерно.

— Кто это? — спросила она, когда сын ввел Тора. — А-а, грозный ас! Кому из великанов ты собираешься навредить на сей раз, Тор?

— Никому из великанов я вредить не собираюсь, старая Грид, — ответил Тор. — Посмотри на меня! Разве ты не видишь, что я без Мьёлльнира, моего могучего молота, без моего пояса и без моих железных перчаток?

— Но куда же ты держишь путь в Ётунхейме?

— В дом друга богов, старая Грид, в дом Гейррёда.

— Гейррёд — друг богов? Ты не в своем уме, Тор. В своем ли

он уме, сын мой, тот, кто, по твоим словам, спас тебя от потопа?

— Расскажи ему о Гейррёде, мамаша, — промолвил юноша-великан.

— Не ходи в его дом, Тор из рода асов. Не ходи в его дом.

— Я дал слово и буду последним трусом, если не сдержу его только потому, что старушенция, крутящая жернов, говорит мне, что меня ждет ловушка.

— Я одолжу тебе кое-что полезное, Тор. Твое счастье, что я хозяйка волшебных вещей. Возьми этот посох. Это посох силы, он заменит тебе Мьёлльнир.

— Я возьму твой трухлявый посох, бабка, коли ты предлагаешь его от души.

— И эти рукавицы возьми. Они заменят тебе железные перчатки.

— Я возьму твои драные рукавицы, бабка, коли ты предлагаешь их от души.

— Еще возьми эту веревку. Она заменит тебе пояс доблести.

— Я возьму твою тертую-перетертую веревку, бабка, коли ты предлагаешь ее от души.

— Поистине твое счастье, Тор, что я хозяйка волшебных вещей.

Тор подпоясался ветхим обрывком веревки и тотчас смекнул, что Грид, старая великанша, и впрямь хозяйка волшебных вещей, потому что сразу ощутил такой же прилив силы, какой чувствовал, надевая собственный пояс. Тогда он натянул рукавицы и взял в руки посох.

Он покинул пещеру старухи Грид и зашагал к дому Гейррёда. Локи не встретил его на пороге, и Тор начал подозревать, что старая Грид, возможно, говорила правду и ему готовится ловушка.

В главной зале никого не было. Тор перешел из залы в просторную каменную палату, однако и там никого не обнаружил. Посередине каменной палаты стояла каменная скамья, и Тор опустился на нее.

Едва он сел, скамья взлетела к потолку. Тора наверняка расплющило бы о каменную балку, не подними он вверх посох. Так велика была мощь посоха и так велика сила, которую давала Тору обвязанная вокруг его пояса веревка, что скамью швырнуло вниз и она с грохотом ударилась о каменный пол.

Ужасающие вопли раздались из-под нее. Тор опрокинул скамью и увидел под ней два чудовищных расплющенных тела. Дочери великана спрятались там, желая насладиться зрелищем его смерти, но камень, который должен был раздавить его, раздавил их самих.

Тор выбежал из каменной палаты, скрежеща зубами. В зале пылал огромный костер, а рядом стоял Гейррёд, длиннорукий великан, и держал в огне щипцы. Когда Тор приблизился, Гейррёд выхватил из пламени раскаленный добела железный брус и метнул в аса. Брус со свистом полетел прямо в лоб Тору. Вскинув руки, Тор поймал раскаленную железину рукавицами, которые дала ему старая Грид, и тотчас же бросил назад в Гейррёда. Брус угодил великану в лоб и, рассыпая искры, вошел в голову.

Гейррёд повалился в огонь, взметнув его под самые своды. И когда Тор достиг пещеры Грид (он пошел туда, чтобы вернуть старой великанше веревку, рукавицы и посох силы), он увидал жилище великана в таком ярком зареве, словно его объяли все огни Муспелльсхейма.

Локи против асов

Асы были гостями ванов: обитатели Асгарда собрались в чертоге Фрейра и пировали в любви и согласии. За столом сидели Один и Тюр, Видар и Вали, Ньёрд, Фрейр, Хеймдалль и Браги. С ними сидели божественные жены — Фригг, Фрейя, Идунн, Герд, Скади, Сив и Нанна. Тора и Локи не было на пиру, потому что они вместе покинули Асгард.

Блюда, ковши и чары из сверкающего золота освещали стол и передвигались сами по себе, обслуживая пирующих. В пиршественной зале царили мир и согласие, пока не вошел Локи.

Фрейр, приветствуя его улыбкой, указал ему свободное место — между Браги и Фрейей. Но Локи и не подумал сесть. Вместо этого он закричал:

— Не сяду я рядом с Браги, самым трусливым из обитателей Асгарда!

Услышав это оскорбление, Браги вскочил, но его жена, нежная Идунн, уняла его гнев. Фрейя повернулась к Локи и упрекнула его за то, что он произнес на пиру обидные слова.

— О праведная Фрейя, — сказал Локи, — где же была твоя добродетель, когда ты нарушала супружескую верность ради того, чтобы выклянчить у великанш блестящую побрякушку?

Столько желчи было в речах и взорах Локи, что все застыли от изумления. Тюр и Ньёрд поднялись со своих мест. Но тут раздался голос Одина, и все замерли, внимая словам Всеотца.

— Сядь рядом с Видаром, моим молчаливым сыном, о

Локи, — повелел Один, — и придержи свой язык, с которого каплет желчь.

— Все асы и ваны внимают твоим словам, о Один, будто ты всегда мудр и справедлив, — сказал Локи. — Но следует ли нам забывать, что ты породил войну, метнув копье в посланцев ванов? И не ты ли позволил мне провести того, кто построил стену вокруг Асгарда? Ты вещаешь, о Один, и все асы и ваны внимают тебе! Но разве не ты, когда нужно было уплатить выкуп, предпочел мудрости золото и освободил колдунью Гулльвейг из грота, где она чахла над сокровищем карлика? Отнюдь не всегда ты поступал мудро и справедливо, о Один, и мы, собравшиеся здесь за столом, не должны слушать тебя так, будто ты воплощенная истина.

Тогда Скади, жена Ньёрда, вскричала с великанской горячностью:

— Почему мы не выгоним отсюда эту болтливую ворону?

— Скади, — обратился к ней Локи, — помни, что выкуп за смерть твоего отца еще не уплачен. Ты ухватила себе здесь мужа и на радостях обо всем позабыла. Вспомни, кто убил твоего отца-великана. Это был я, Локи. И ты не рассчиталась со мной, хотя за этим явилась в Асгард.

Потом Локи обратил взгляд на Фрейра, устроителя пира, и все поняли, что он готов излить свою желчь на него. Но Тюр, отважный меченосец, поднялся и сказал:

— Ты не смеешь оскорблять Фрейра, о Локи. Фрейр великодушен. Он щадит побежденных и дарует свободу пленным.

— Умолкни, Тюр, — оборвал его Локи. — Придет время, когда тебе нечем будет держать твой меч. Попомни мои слова. — И продолжал: — Фрейр, они думают, я не скажу правду о тебе, поскольку ты устроитель пира. Но меня сладкими яствами не подкупишь. Не ты ли послал Скирнира в жилище Гюмира усмирять его строптивую дочь? Не ты ли уступил ему свой булат, чтобы он застращал ее до того, что она согласилась выйти за тебя, убившего, говорят, ее брата? Да, Фрейр. Ты расстался с волшебным мечом, который должен был сохранять для битвы. И тебе уже пришлось пожалеть об этом, когда у озера ты встретил Бели.

Тут все ваны вскочили, угрожающе глядя на Локи.

— А вы, ваны, охолоните, — продолжал Локи. — Если асам суждено сдерживать натиск главных сил Ётунхейма и Муспелльсхейма на Асгард, то ваш удел — выстоять или пасть в долине Вигрид. Но вы уже проиграли свою битву, ибо оружие, вложенное в руки Фрейра, он променял на великаншу Герд. Ха! Сурт победит вас из-за вожделения Фрейра.

В ужасе взирали боги на того, кто позволил себе со злорадством говорить о торжестве Сурта. Они готовы были наброситься на Локи, но их остановил грозный голос Одина. И тут на пороге пиршественной залы появился новый гость. Это был Тор. С молотом на плече, в железных перчатках и в поясе доблести он стоял, испепеляя Локи яростным взглядом.

— А-а, предатель Локи, — прогремел он. — Ты задумал умертвить меня в доме Гейррёда, но теперь тебя самого ждет смерть.

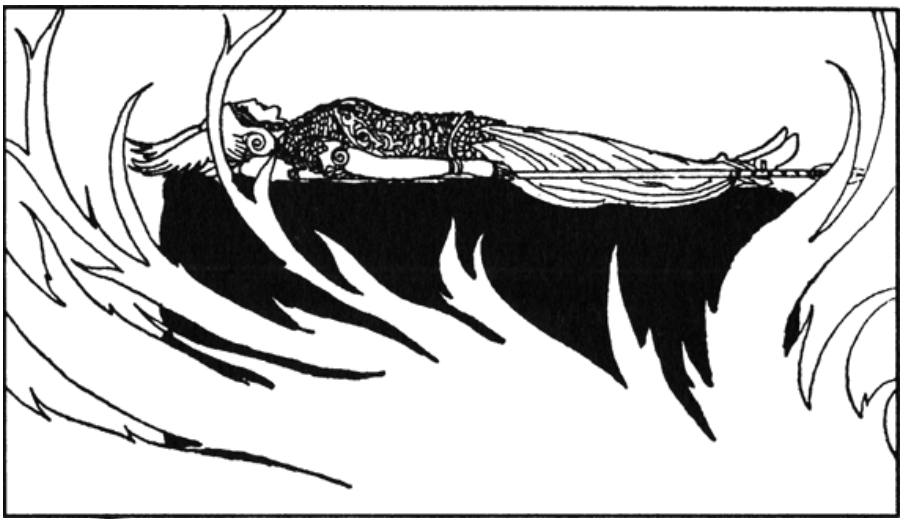
Тор замахнулся Мьёлльниром, еще мгновение — и молот полетел бы в Локи. Но слова, произнесенные Одином, не пропали втуне:

— В этих стенах нельзя проливать кровь, сын мой. Не выпускай своего молота из рук.

Тогда, съежившись под гневным взглядом Тора, Локи шмыгнул в дверь, выскочил за ворота Асгарда и перемахнул Биврёст, радужный мост. И проклял он Биврёст, и восславил тот день, когда воины Муспелльсхейма обрушат его в бешеном натиске на Асгард.

К востоку от Мидгарда было место куда более зловещее, чем любая глушь Ётунхейма, — Ярнвид, железный лес. Там жили самые гадкие в мире колдуньи. А владычицей их была старая ведьма, мать многих сыновей, обернувшихся волками. Двое из ее сыновей, Сколль и Хати, гнались за Соль, солнцем, и Мани, луной. Был у нее и третий сын, волк Манагарм, которому предстояло напиться людской крови, проглотить луну и запятнать кровью небеса и землю. В Ярнвид, железный лес, и устремил свой бег Локи. Там он обосновался, женился на одной из колдуний, Ангрбоде, и у них родились дети, принявшие чудовищные обличья. Из всех противников асов и ванов в грядущей битве, названной Рагнарёком, гибелью богов, потомки Локи были самыми ярыми.

Валькирия



В предвиденье того страшного дня, когда всадники Муспелльсхейма вместе с великанами и злыми силами подземного мира ринутся в бой, Один Всеотец готовил воинов для защиты Асгарда. То были не асы и не ваны, то были смертные — лучшие из героев, павших на полях сражений в Мидгарде.

Чтобы избирать лучших и определять исход войн, Один посылал на поля битв своих дев-воительниц. Прекрасными и неустрашимыми были эти воительницы, а также мудрыми, ибо Один показал им руны мудрости. Звались они валькириями, «выбирающими мертвых».

Избранные среди павших назывались в Асгарде эйнхериями. Для них Один возвел огромный чертог Вальхаллу. Пятьсот сорок дверей было в Вальхалле, чертоге убитых, и каждая из них пропускала по восемьсот воинов разом. Что ни день эйнхерии облачались в свои доспехи, снимали со стен оружие и шли сражаться друг с другом. Раненые тотчас исцелялись, и все в мире и добром согласии усаживались пировать. Сам Один потчевал своих воинов и бражничал вместе с ними, но к пище не притрагивался.

Эйнхерии ели жаркое из мяса вепря Сэхримнира, каждый вечер забиваемого и каждое утро возрождавшегося. Пили они мед, сваренный из молока козы Хейдрун, щипавшей листву

дерева Лерад. И валькирии, мудрые и бесстрашные девы-воительницы, ходили среди них, наполняя рога этим хмельным напитком.

Самой юной из дев-воительниц была Брюнхильд. Но ей Один показал больше рун мудрости, чем кому-либо из ее сестер. И когда пришла пора отправлять Брюнхильд в Мидгард, Всеотец одел ее в наряд из лебяжьих перьев, в какой прежде одевал трех сестер-валькирий — Альбит, Ольрун и Хладгрун.

В ослепительно белом оперении юная дева-воительница слетела из Асгарда на землю. Ей еще не приспело время мчаться на поле сражения. Ее манили к себе воды, и, в ожидании повеления Всеотца, она нашла озеро, окруженное золотыми песками, и искупалась в нем в облике девушки.

А неподалеку от этого озера жил молодой герой по имени Агнар. И однажды, лежа у озера, Агнар увидел, как на берег опустилась ослепительно белая лебедушка. Она сбросила в камышах свое оперение и на глазах у Агнара превратилась в девушку.

Волосы ее были такими блестящими, а движения такими ловкими и стремительными, что он узнал в ней одну из дев-воительниц. Одну из тех, что даруют победу и высматривают достойнейших. Агнар был дерзок духом и решил во что бы то ни стало поймать деву-воительницу, даже если навлечет на себя этим гнев Одина. Он спрятал лебединый наряд, оставленный девушкой в камышах. Выйдя из воды, она не могла улететь. Агнар вернул ей лебединое оперение, но ей пришлось пообещать, что она будет его защитницей в битвах.

И пока они толковали, юная валькирия распознала в нем героя, достойного помощи девы из Асгарда. Агнар был очень смел и благороден. Брюнхильд последовала за ним, оберегала его и учила тому, что сама узнала из рун мудрости. Она открыла ему, какую надежду возлагал Всеотец на отвагу земных героев. С воинством, состоящим из убитых храбрецов, он будет сражаться за Асгард.

И Брюнхильд всегда была на стороне Агнара. Она парила над полем боя, и тусклым казался блеск щитов, мечей и копий бойцов рядом с сиянием ее волос и сверканием лат.

Случилось так, что седобородый конунг Хельмгуннар пошел войной на молодого Агнара. А Один благоволил к седобородому конунгу и обещал победу ему. Брюнхильд знала волю Всеотца, но отдала победу Агнару, не Хельмгуннару.

В тот миг, когда Брюнхильд ослушалась Одина, участь ее была решена. Навеки закрылись перед нею врата Асгарда. Она стала смертной женщиной, и норны начали прясть нить ее земной

судьбы.

Опечалился Один, что мудрейшая из его дев-воительниц никогда больше не вступит в Асгард и не будет ходить вдоль скамей на пирах в Вальхалле. Он поскакал на Слейпнире туда, где находилась Брюнхильд, и предстал перед ней с опущенной головой. Дева же не склонила своей перед Одином.

Ведь теперь она знала, сколь горькую цену платит Мидгард за силу, которую копит Асгард для своей последней битвы. Самые храбрые и самые благородные уходили из мира живых, чтобы пополнить ряды воинства Одина. И сердце Брюнхильд восстало против правителей Асгарда, и она больше не желала быть с ними заодно.

Один посмотрел на свою непокорную деву-воительницу и молвил:

— Хочешь ли ты, чтобы я подарил тебе что-нибудь в твоей смертной жизни, Брюнхильд?

— Только одно, — ответила Брюнхильд. — Чтобы никто, кроме храбрейшего из всех храбрецов, не мог потребовать меня в жены.

Всеотец в раздумье поник головой.

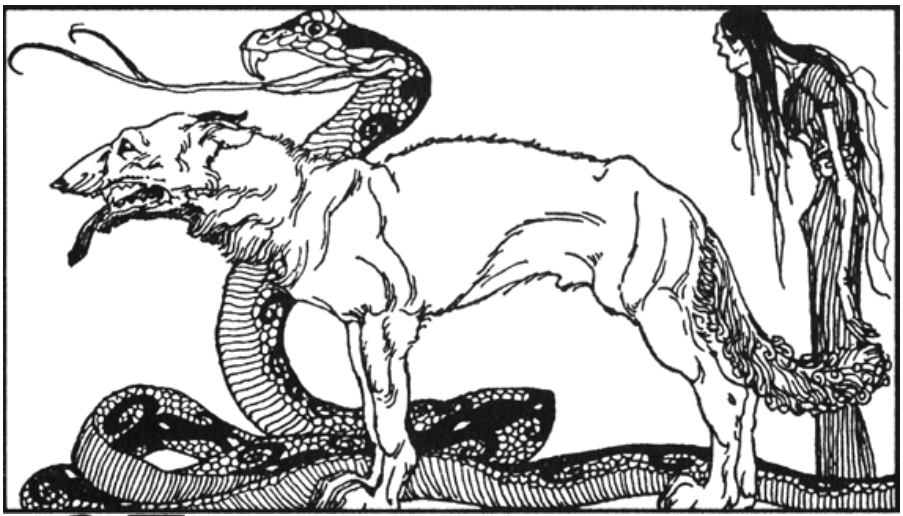
— Да будет так, как ты просишь, — молвил он. — Лишь храбрейший из храбрых сможет приблизиться к тебе.

Затем он повелел возвести на вершине горы Хиндарфьялль чертог, глядящий на юг. Девять карликов строили его из черного камня. А когда чертог был готов, Один окружил его стеной яростно бушующего огня.

И не только это сделал Всеотец. Взяв шип с древа сна, он вонзил его в грудь Брюнхильд, а затем пронес деву в шлеме и латах валькирии сквозь стену яростно бушующего пламени и опустил на ложе в чертоге. Там она будет покоиться, объятая сном, пока храбрейший из храбрецов не проскачет сквозь пламя и не пробудит ее к жизни смертной женщины.

Один бросил на нее прощальный взгляд, вскочил на Слейпнира и поехал назад в Асгард. Отец богов не мог предвидеть, какая судьба ожидает ее на земле. Но огонь, который он возжег вокруг построенного карликами чертога, не утратит своей ярости. Многие века этот огонь будет преграждать путь туда, где спит Брюнхильд, изгнанная с небес валькирия.

Дети Локи



Чада Локи и колдуньи Ангрбоды не походили на чад человеческих: они были бесформенны, как бесформенны вода, или воздух, или огонь, но каждый из них мог принять ту форму, которая более всего соответствовала его гадкой сущности.

Обитатели Асгарда проведали об этих злых силах и подумали: хорошо бы увидеть их в Асгарде. Тогда они отправили посланника в Ярнвид, железный лес, прося Локи познакомить богов с детищами, рожденными от него колдуньей Ангрбодой. Так Локи еще раз пришел в Асгард. И его отродья явились перед богами во плоти. Первое отродье, чьей страстью было разрушение, предстало чудовищным волком по имени Фенрир. Второе, чьей страстью тоже было разрушение, только медленное, предстало в виде змея, звавшегося Ёрмунгандом. Третье, чьей страстью было истребление всего живого, предстало в обличье, повергшем богов в трепет. Ибо оно обернулось женщиной, словно бы составленной из двух: одной — молодой и цветущей, другой — покойницы. Страх побежал по Асгарду, когда возникла эта фигура и было произнесено имя, неотделимое от нее, — Хель.

Взял Один Хель и забросил ее подальше от богов, в глубины, лежащие под миром. Он закинул ее в Нифльхейм, где она присвоила себе власть над девятью сферами. Там, в месте, ниже которого ничего нет, правит Хель. Ее палаты называются Мокрая морось, и окружены они высокими стенами и забраны крепкими

решетками; Пропасть — порог этих палат; угощение там — Голод; постель — Злая кручина и полог ее — Жгучая боль.

Тор схватил Ёрмунганда и закинул его в океан, со всех сторон омывающий землю. Но, лежа на океанском дне, Ёрмунганд начал расти. Он рос и рос, пока не опутал собою весь мир. И люди прозвали его Мидгардским Змеем.

Фенрира не сумел поймать ни один из асов. Он хищно рыскал по Асгарду, и, только пообещав кормить его до отвала, боги сумели выманить волка на окраину города.

Асы боялись приближаться к Фенриру. Но Тюр, отважный меченосец, сам вызвался носить еду в логово волка. Каждое утро он относил ему гору мяса и кормил его с кончика своего меча, и день ото дня волк увеличивался в размерах, пока не стал настоящим кошмаром обитателей Асгарда.

Наконец боги сошлись на совет и постановили, что Фенрира необходимо связать. В своей собственной кузнице они выковали цепь Лединг, весившую больше, чем молот Тора.

Но боги не могли осилить Фенрира и потому послали Скирнира, слугу Фрейра, чтобы он обманом надел на волка путы. Скирнир пришел в его логово и стал рядом, глядя снизу вверх на исполинское чудовище.

— Как велика твоя сила, о Могучий? — спросил Скирнир. — Трудно ли тебе будет порвать эту цепь? Боги хотят испытать тебя.

С величайшим пренебрежением Фенрир посмотрел на цепь, принесенную Скирниром, и с величайшей снисходительностью позволил набросить ее на себя. Затем он лениво, почти без усилия, потянулся и разорвал Лединг пополам.

Боги встревожились. Но они взяли больше железа, развели более жаркий огонь и более могучими ударами молота выковали другую цепь. Называлась она Дроми и была вдвое прочнее, чем Лединг. Скирнир Удалый приволок ее в логово волка, и Фенрир, презрительно скосившись на мощные узы, разрешил себя ими оплести.

Он встряхнулся, но цепь выдержала. Тогда глаза его загорелись, и он с рыком потянулся. Дроми разлетелась надвое, а Фенрир стоял как ни в чем не бывало, сверля Скирнира злобным взглядом.

Боги поняли, что любые оковы их собственной работы для Фенрира — ничто, и все больше страшились его. Вновь сойдясь на совет, они вспомнили чудесные изделия карликов — копье Гунгнир, корабль Скидбладнир и молот Мьёлльнир. Согласятся ли теперь карлики выковать узы для Фенрира? Если согласятся, могущество богов возрастет.

Скирнир спустился в Свартхейм с поручением из Асгарда. Старейшина цвергов раздулся от гордости, услыхав, какое на них возлагается дело.

— Мы, цверги, можем изготовить путы, которых не порвать волку, — сказал он. — Для этого нужны всего лишь шесть сутей.

— Что это за шесть сутей? — спросил Скирнир.

— Корни гор, рыбье дыхание, женские бороды, шум кошачьих шагов, медвежьи жилы и слюна птиц.

— Я никогда не слышал шума кошачьих шагов и не видел ни корней гор, ни женских бород. Но используйте все, что хотите, о Помощник богов.

Старейшина смешал все эти шесть сутей, и карлики несколько дней и ночей не покидали своей кузницы. Они выковали цепь под названием Глейпнир, и была она гладкая и мягкая, как шелковый шнурок. Скирнир принес ее в Асгард и вручил богам.

И вот в один прекрасный день боги сочли, что пора им наконец попробовать связать Фенрира, но что сделать это лучше вдали от Асгарда. Они громко заговорили о том, что отправляются поразмяться на остров Люнгви — их излюбленное место ристалищ. Фенрир стал выть, что хочет пойти с ними. Боги взяли его с собой, и он развлекался на свой собственный волчий лад. И вот, будто забавы ради, один из асов вынул гладкий шнурок и показал его Фенриру.

— Он прочнее, чем ты думаешь, Могучий, — сказали боги. — Что, если мы опутаем тебя им и посмотрим, как ты его разорвешь?

Фенрир бросил на них жгуче-презрительный взгляд.

— Какая честь мне будет от того, — сказал он, — что я порву эту хилую шелковинку?

Боги принялись дергать «шелковинку», показывая, что им она не поддается.

— Лишь тебе это по силам, Могучий, — сказали они.

— Шнурок тонкий, но он может быть заколдован, — огрызнулся Фенрир.

— Ты не в состоянии разорвать его, Фенрир, и, значит, нам нечего тебя бояться, — сказали боги.

Тогда волк рассвирепел не на шутку, потому что он жирел на страхе, который внушал богам.

— Мне жуть как не хочется, чтобы вы превращали меня в кокон, — сказал он, — но, если один из асов положит руку мне в пасть в залог того, что я буду освобожден, я соглашусь.

Боги с тоской переглянулись. Пленение Фенрира было бы благом для всех, но кто согласится пожертвовать ради этого

рукой? Асы один за другим отступили. Но не Тюр, отважный меченосец. Он шагнул к Фенриру и протянул левую руку к его громадной пасти.

— Не эту руку, о Тюр, а ту, в которой ты держишь меч, — прорычал Фенрир, и Тюр вложил правую руку в страшный зев.

Затем Фенрира опутали цепью-шнуром Глейпнир. Огненным взглядом наблюдал он за тем, как связывают его боги. Когда они закончили, волк потянулся, как прежде. Он тянулся и тянулся, пока не сравнялся длиной с Ёрмунгандом, но путы не спали. Тогда в дикой ярости он сжал челюстями руку меченосца Тюра и откусил ему кисть.

Но Фенрир был пленен. Прикрепив к цепи Глейпнир другую мощную цепь, боги пропустили ее сквозь дыру, которую просверлили в исполинской скале. Громадный волк рвался, что было мочи, но и скала, и обе цепи держались крепко. Чтобы отомстить за потерю руки Тюра, асы взяли его меч и по самую рукоять воткнули в нижнюю челюсть усмиренного волка. Тот дико взвыл. Мощным потоком хлынула с его языка пена. Из этой пены образовалась река под названием Вон — река ярости, которая текла до наступления Рагнарёка, гибели богов.

Смерть Бальдра

Два места в Асгарде олицетворяли для асов и ванов силу и радость: сад, где Идунн взращивала и собирала молодильные яблоки, и Мирные кущи, где в чертоге Брейдаблик обитал Бальдр Драгоценный.

В Мирных кущах никогда не совершались преступления, никогда не лилась кровь, никогда не произносилось лживое слово. Все боги умягчались душою при мысли об этом благословенном уголке. Ах! Если бы в Асгарде не было Мирных кущ, счастливых присутствием Бальдра, души асов и ванов могли бы очерстветь и ожесточиться от вечных дум о злых силах, готовых выступить против них.

Бальдр был прекрасен, так прекрасен, что все белые цветы на земле звались его именем. Бальдр был радостен, так радостен, что все птицы на земле славили его имя. Так справедлив и так мудр был Бальдр, что приговор его никогда не оспаривался. Ничто дурное и нечистое не приближалось к его жилищу:

О, Бальдр Лучезарный,
Обитель твою,
Чертог Брейдаблик,
Порок стороною
Далеко обходит.

В палатах Бальдра исцелялись болезни. Там затянулась рана на запястье Тюра, изувеченном клыками Фенрира. И там душу Фрейра меньше одолевала тревога, поселившаяся в ней с тех пор, как Локи разругал его за утрату меча.

Теперь, когда Фенрир был прикован к скале, асы и ваны немного успокоились. Они проводили веселые дни в Мирных кущах, наполненных звонким щебетом птиц. Тогда-то поэт Браги вплел в свой бесконечный рассказ историю о приключениях Тора у великанов.

Но злые предчувствия проникли даже в обитель Бальдра. Однажды юную Хнос, дочку Фрейи и пропавшего Ода, привели туда всю в слезах, которых никому за стенами Брейдаблика не удавалось унять. Нанна, нежная супруга Бальдра, посадила девочку на колени и сумела утешить ее. Тогда Хнос рассказала богам сон, который так ее расстроил.

Ей снилась властительница Хель, наполовину живая женщина, наполовину покойница. В этом сне Хель явилась в Асгард и возгласила: «Светлейший из асов должен жить со мной в моем подземном царстве». Хнос до того испугалась, что, и проснувшись, никак не могла опомниться.

Услыхав это, все лишились дара речи. Нанна с тоской посмотрела на Одина Всеотца. А Один, взглянув на Фригг, понял, что страх проник ей в сердце.

Он покинул Мирные кущи, взошел на свою башню Хлидскьяльв и принялся обозревать окрестности, с нетерпением ожидая Хугина и Мунина. День за днем два его ворона облетали мир, а возвратившись, докладывали обо всем, что там творилось. И теперь, быть может, они откроют ему что-то, из чего станет ясно, вправду ли Хель обратила свои помыслы к Асгарду и есть ли у нее власть забрать одного из небожителей в свое мрачное жилище.

Вороны прилетели и, устроившись у Одина на плечах, сообщили ему новость, поднявшуюся по стволу Иггдрасиля. Принесла ее белка Рататоск. А узнала она ее от змеев, которые вместе с исполинским драконом Нидхёггом вечно глодали корень Иггдрасиля. Белка поведала орлу, качавшемуся на самой верхушке, что в обители Хель застлано ложе и приготовлена пустая скамья для какого-то царственного пришельца.

И подумал тут Один: уж лучше бы волку Фенриру жадно рыскать по Асгарду, чем кому-то из асов сидеть на скамье и покоиться на ложе в палатах Хель.

Всеотец оседлал Слейпнира, своего восьминогого коня, и поскакал к обители мертвых. Три дня и три ночи ехал он сквозь безмолвие и мрак. Учуяв его, один из псов Хель вырвался на свободу и залаял вслед Слейпниру. Целый день и целую ночь пес Гарм гнался за ним, и Один чувствовал запах крови, капавшей с его страшных клыков.

Наконец, закутанное в саваны туманов, предстало перед ним Поле мертвых. Всеотец спешился и воззвал к спавшей там древней пророчице Вёльве, прося ее откликнуться и поговорить с ним. Он произнес ее имя и заклинание, имевшее власть прерывать вечный сон.

Посередине окутанного саванами поля раздался стон. Тогда Один крикнул:

— Восстань, о древняя Вёльва.

Посередине окутанного саванами поля что-то зашевелилось, и над сонмищем мертвых возвысились голова и плечи.

— Кто тревожит Вёльву? Дожди мочили мою плоть и ветры ворошили мои кости еще в те века, на которые не простирается память живущих. Ни один живой голос не смеет нарушать мой вечный покой.

— Это я, Вегтам Странник. Для кого застлано ложе и приготовлена пустая скамья в жилище Хель?

— Для Бальдра, сына Одина, застлано ложе и приготовлена пустая скамья. А теперь дай мне уснуть.

Но вдруг Один прозрел дальше пророчества Вёльвы.

— Кто там стоит, — вскричал он, — с непоникшей головой и не оплакивает Бальдра? Ответь, Вёльва!

— Ты видишь далеко, но не видишь ясно, о Один. Я вижу ясно, но не вижу далеко. А теперь дай мне уснуть.

— Вещая Вёльва! — опять воззвал Один.

Но из могильных глубин донесся голос:

— Больше никому не пробудить меня, пока огонь Муспелльсхейма не вспыхнет над моей головой.

Затем на Поле мертвых воцарилась тишина. Всеотец поворотил своего коня Слейпнира и четыре дня скакал сквозь мрак и безмолвие назад к Асгарду.

Богиней Фригг овладел тот же страх, что владел Одином. Она посмотрела на Бальдра, и тень Хель проскользнула между нею и ее сыном. Но тут ее слуха коснулся веселый щебет птиц, наполнявший Мирные кущи, и она прониклась чувством, что ничто на свете не причинит вреда Бальдру.

Для верности она обошла все, в чем могла таиться опасность, и взяла клятву с огня и воды, с железа и разных других металлов,

с земли, камней и огромных деревьев, с хищных птиц, зверей и ползучих гадов, с ядов и хворей, что они ничем не повредят Бальдру Драгоценному. И с готовностью произносилась эта клятва.

Когда Фригг поведала богам о том, что совершила, уныние, тяготевшее над Асгардом, рассеялось. Бальдр останется с ними. Пусть Хель приготовила для него ложе в своем темном жилище, но ни огонь, ни вода, ни железо, ни другие металлы, ни земля, ни камни, ни огромные деревья, ни птицы, ни звери, ни ползучие гады, ни яды, ни хвори не помогут ей утащить его под землю.

— Хель нечем будет убить тебя! — закричали ему асы и ваны.

Окрыленные надеждой, они устроили в Мирных кущах игрища во славу Бальдра. Они стали метать в него всем, что попадет под руку. И ни топор, брошенный со всего размаха, ни горящая головня, ни камень, пущенный из пращи, ни водяная струя не ранили любимца Асгарда. Асы и ваны весело смеялись, видя, что он стоит целый и невредимый, и с ними вместе хохотали карлики и добрые великаны, которые пришли поучаствовать в забаве.

Но, замешавшись в толпу, за игрищами наблюдал ненавистник Локи. Он видел, как в Бальдра летят булыжники, бревна, копья и топоры, а тот стоит улыбающийся и счастливый под их градом. Локи дивился этому зрелищу, но не мог просить разъяснений у тех, кто его знал.

Он обернулся старухой, подошел к забавляющимся и заговорил с карликами и добрыми великанами.

— Пойди к Фригг и спроси у нее. Пойди к Фригг и спроси у нее, — только и повторяли они.

Тогда Локи направился в Фенсалир, чертог Фригг. Там он назвался старой волшебницей Гроа, вынувшей из головы Тора осколки кремня, засаженные туда великаном. Фригг слыхала о Гроа и восхвалила волшебницу за ее деяние.

— Много кремневых осколков извлекла я из головы Тора с помощью заклинаний, известных мне одной, — сказала мнимая Гроа. — Тор был мне так благодарен, что возвратил моего мужа, которого унес когда-то на край земли. При виде благоверного я от радости позабыла все заклинания и не довела дело до конца. — Так говорил Локи, повторяя правдивую историю. — Теперь я опять в памяти, — продолжал он, — и могу вытащить оставшиеся осколки. Но не объяснишь ли ты мне, о владычица, чем заняты асы и ваны?

— Объясню, — сказала Фригг, приветливо и радостно глядя на мнимую старуху. — Они бросают всякие тяжелые и опасные предметы в Бальдра, моего возлюбленного сына. И весь Асгард

ликует, видя, что ни железо, ни камень, ни дерево не ранят его.

— Но почему же они не ранят его?

— Потому что со всего, что заключает в себе опасность, я взяла клятву не вредить Бальдру, — сказала Фригг.

— Со всего, госпожа? И ты ничего не пропустила?

— Одну вещь и впрямь пропустила. Но столь маленькую и слабую, что я прошла мимо, не подумав о ней.

— Что же это такое, госпожа?

— Омела, у которой нет ни корня, ни силы. Она растет у восточной стены Вальхаллы. Я прошла мимо, не потребовав с нее клятвы.

— И правильно поступила. Что может омела — омела без корней — сделать Бальдру?

С этими словами мнимая волшебница заковыляла прочь.

Но ковылял притворщик недолго. Изменив походку, он поспешил к восточной стене Вальхаллы. Там рос раскидистый дуб, и к его ветвям прилепился маленький куст омелы. Локи отломил молодой побег и отправился с ним туда, где асы и ваны продолжали игрища во славу Бальдра.

Когда Локи подошел, его оглушил хохот: великаны и карлики, асы и ваны без устали что-то бросали — великаны слишком далеко, карлики слишком близко, а ваны и асы вообще как попало. Среди всего этого оживления и ликования странно было видеть одинокую унылую фигуру Хёда, слепого брата Бальдра.

— Почему ты не присоединишься к играющим? — спросил его Локи, изменив голос.

— Мне нечем кинуть в Бальдра, — ответил Хёд.

— Вот, возьми и кинь, — сказал Локи. — Это веточка омелы.

— Я не вижу, куда кидать, — проговорил бедный Хёд.

— Я направлю твою руку, — сказал Локи. Он вложил побег омелы в руку Хёда и отвел ее для броска. Легкий прутик полетел в сторону Бальдра, ударил его в грудь и пронзил ее. Бальдр упал с глухим стоном.

Асы и ваны, карлики и добрые великаны застыли в недоумении и ужасе. Локи скрылся. А слепой Хёд, чья рука стала пособницей убийства, стоял спокойно, не зная, что лишил Бальдра жизни.

И вот Мирные кущи огласились стенаниями. То стенали асини и дочери ванов. Бальдр умер, и они принялись по нему причитать. И пока они причитали по любимцу Асгарда, появился Один.

— Хель навеки забрала у нас нашего Бальдра, — сказал Один своей супруге Фригг, когда оба они склонились над телом своего

возлюбленного сына.

— Нет, это не так, — сказала Фригг.

Когда асы и ваны пришли в чувство, мать Бальдра обратилась к ним:

— Кто из вас хочет завоевать мою любовь и признательность? Кто бы он ни был, пусть спустится в темное царство Хель и попросит владычицу взять выкуп за Бальдра. Может быть, она примет выкуп и позволит Бальдру вернуться к нам. Кто из вас поедет? Конь Одина ждет.

Тогда вперед выступил Хермод Проворный, брат Бальдра. Он вспрыгнул на Слейпнира и погнал восьминогого коня к темному царству Хель.

Девять дней и девять ночей скакал Хермод. Он ехал по каменистым ущельям, становившимся все глубже и мрачнее. Наконец перед ним засверкал золотом мост через реку Гьелль. Тут путь ему преградила бледная дева Модгуд.

— Цвет жизни еще не покинул тебя, — сказала бледная дева Модгуд. — Зачем же ты спускаешься в мертвое царство Хель?

— Я Хермод, — отвечал он, — и я еду узнать, не возьмет ли Хель выкуп за Бальдра.

— Страшно жилище Хель для того, кто входит туда, — молвила Модгуд. — Оно обнесено высокой стеной, через которую не перемахнуть даже твоему коню. Его порог — Пропасть. Постель там — Злая кручина, угощение — Голод, а полог постели — Жгучая боль.

— Может быть, Хель примет выкуп за Бальдра.

— Если все живое и мертвое на земле оплакивает Бальдра, Хель вынуждена будет принять выкуп и отпустить его, — проговорила Модгуд, бледная дева, охранявшая сверкающий мост.

— Прекрасно. Значит, я пойду к ней и заставлю ее взять выкуп, потому что все живое и мертвое оплакивает Бальдра.

— Ты не можешь войти, пока не уверишься, что все живое и мертвое оплакивает его. Вернись на землю и убедись в этом. Если ты опять придешь сюда с вестью, что все живое и мертвое оплакивает Бальдра, я позволю тебе войти, и Хель придется выслушать тебя.

— Я приду сюда с такой вестью, и тебе, бледная дева Модгуд, придется меня пропустить.

— Тогда я пропущу тебя, — промолвила Модгуд.

Погоняя Слейпнира, Хермод весело поскакал назад по каменистым ущельям, становившимся все шире и светлее. Выбравшись на землю, он увидел, что и живое и мертвое

оплакивает Бальдра. Вперед и вперед несся ликующий Хермод. Посреди земли он встретил ванов и поделился с ними своей радостью.

Тогда и ваны пошли по свету, заглядывая в каждый уголок и не находя ни одной былинки, которая не умывалась бы слезами, сокрушаясь о Бальдре. Но однажды Хермод заметил на голом суку ворону, которая показалась ему не слишком удрученной. Когда он приблизился, ворона поднялась в воздух и улетела, и Хермод последовал за ней, дабы убедиться, что она оплакивает Бальдра.

Он потерял ее из виду возле пещеры. Зато у входа в пещеру наткнулся на каргу с почерневшими зубами, которая и не думала лить слезы.

— Если ты и есть ворона, которая сюда прилетела, то оплакивай Бальдра! — закричал Хермод.

— Я, старая Тёкк, не буду оплакивать Бальдра, — проскрипела карга. — Пусть Хель хранит то, что имеет.

— Все живое и мертвое обливается слезами, горюя о Бальдре! — воскликнул Хермод.

— А мои глаза сухи, — сказала карга.

Она уковыляла в пещеру, и вскоре оттуда выпорхнула ворона. Хермод смекнул, что это Тёкк, злая карга, поменявшая обличье, и погнался за ней, а она полетела по свету, каркая:

— Пусть Хель хранит то, что имеет.

Тогда Хермод понял: нет ему пути в жилище Хель. Все живое и мертвое теперь было оповещено о том, что кто-то не скорбит о Бальдре. И свесив голову к самой холке Слейпнира, Хермод поплелся в Асгард.

И вот асы и ваны, осознав, что никакой выкуп не будет принят и что радость и покой навеки покинули Асгард, приготовили тело Бальдра к сожжению. Сперва они облекли его в пышное одеяние. Затем каждый простился с ним, целуя его в лоб и кладя рядом самую любимую свою драгоценность. А нежная Нанна упала на хладную грудь супруга, и сердце ее разорвалось от горя. Тогда асы и ваны опять дали волю слезам. Они подняли тело Нанны и положили рядом с Бальдром.

Огромную ладью Бальдра — Хрингхорни, — где он покоился рядом со своей супругой Нанной, нужно было спустить на воду и поджечь.

Но тут выяснилось, что никто из асов и ванов не в состоянии сдвинуть Хрингхорни с места. Послали за великаншей Хюрроккин. Она примчалась верхом на гигантском волке, взнузданном сплетенными змеями. Четыре великана крепко

держали волка, пока она спешивалась. Хюрроккин подошла к ладье и легко столкнула ее в море. Днище с такой силой шаркнуло по каткам, что посыпались искры.

Пламя побежало по бортам Хрингхорни, осветив фигуру, склоненную над Бальдром и что-то шепчущую ему на ухо. Это был Один Всеотец. Когда он покинул скользящую по волнам ладью, пламя взвилось и поглотило ее. Асы и ваны стояли молча, не утирая струившихся по их щекам слез, а все живое и мертвое в мире рыдало:

— Лучезарный Бальдр умер, умер!

Что же Один Всеотец прошептал Бальдру, когда склонился над ним на полыхающей ладье? Он шептал о небесах над Асгардом, которых не может коснуться огонь Сурта, и о жизни, которая вновь расцветет на пепелище.

Наказание Локи

Ворона летела на север, каркая:
— Пусть Хель хранит то, что имеет.

Этой вороной обернулась карга Тёкк, а каргой Тёкк обернулся Локи.

Он летел на север, и прилетел в дикие земли Ётунхейма, и поселился там в обличье вороны, прячась от гнева богов. Он прокаркал великанам все уши: пор-ра, пор-ра стр-роить кор-рабль Нагльфар-р, тот самый корабль из ногтей мертвецов, что поплывет в Асгард в день Рагнарёка, ведомый великаном Хрюмом. И, вняв его карканью, великаны взялись за постройку Нагльфара, столь ненавистного богам и людям.

Затем Локи, устав от диких земель Ётунхейма, полетел на жаркий юг. В образе ящерицы он жил среди скал Муспелльсхейма и веселил огненных великанов своими рассказами о том, как Фрейр потерял меч, а Тюр — правую руку.

Но в Асгарде остался некто, кто тосковал по Локи, — то была Сигюн, его жена. Хотя он, вволю над ней поиздевавшись, бросил ее, она убивалась по своем злом муже.

Локи покинул Муспелльсхейм, как прежде покинул Ётунхейм, и явился в мир людей. Он знал, что здесь гнев богов может настигнуть его, и потому решил устроиться так, чтобы всегда иметь возможность ускользнуть. Он отправился к реке, где много веков назад убил выдру, оказавшуюся сыном колдуна, и на

том самом каменном островке, где выдра ела лосося, поставил себе дом. Он прорубил в нем четыре двери, выходящие на четыре стороны, и сохранил себе одну нечеловеческую способность — способность превращаться в лосося.

В лососьем обличье Локи часто плавал в реке. Но даже рыб, плававших с ним рядом, Локи ненавидел. Из льняных нитей он сплел невод, чтобы облегчить людям рыбную ловлю.

Боги продолжали крепко гневаться на Локи. Это он под видом карги Тёкк помог Хель удержать Бальдра. Это он вложил в руку Хёда веточку омелы, отнявшую у Бальдра жизнь. Пуст был Асгард без хозяина Мирных кущ, и помрачнели и очерствели души асов и ванов от постоянных дум о зловещих силах, ополчавшихся против них. В своем чертоге Вальхалла Один только о том и размышлял, как бы заполучить побольше героев для защиты Асгарда.

Боги обшарили весь мир и наконец нашли место, где обосновался Локи. Он занимался плетением невода, когда заметил, что его окружают. Локи швырнул невод в очаг, нырнул в реку и обернулся лососем. Когда боги вошли в дом, они увидели только дотлевающие угли.

Но один из них сумел постичь суть увиденного. В золе остался след сгоревшего невода, и он догадался, что это остаток чего-то, предназначенного для ловли рыбы. По рисунку в золе он сплел невод, подобный тому, что сжег Локи.

Боги двинулись вниз по реке, таща невод по воде. Локи испугался произведения собственных рук, обращенного против него же, залег между камнями на дне, и оно прошло над ним.

Но боги почувствовали, что невод за что-то задел. Тогда они прикрепили к нему грузила и опять потащили по реке. Локи сообразил, что на этот раз ему не спастись, и быстро поплыл по направлению к морю. Боги заметили мнимого лосося, когда он перепрыгивал через водопад. Они бросились догонять его с неводом. Тор шагал за ними по воде, готовый поймать Локи, если он повернет назад.

Локи выскочил в устье реки — и что же? Там над волнами парил орел, высматривающий очередную жертву. Локи метнулся назад в реку. Гигантским прыжком он перелетел через невод, который тащили боги, и угодил прямо в могучие руки Тора. Никогда еще ни одна рыба не билась так сильно, пытаясь освободиться, как бился лосось Локи. Он чуть не выскользнул из пальцев Тора, но тот удержал его за хвост и шваркнул на берег, заставив принять настоящий облик.

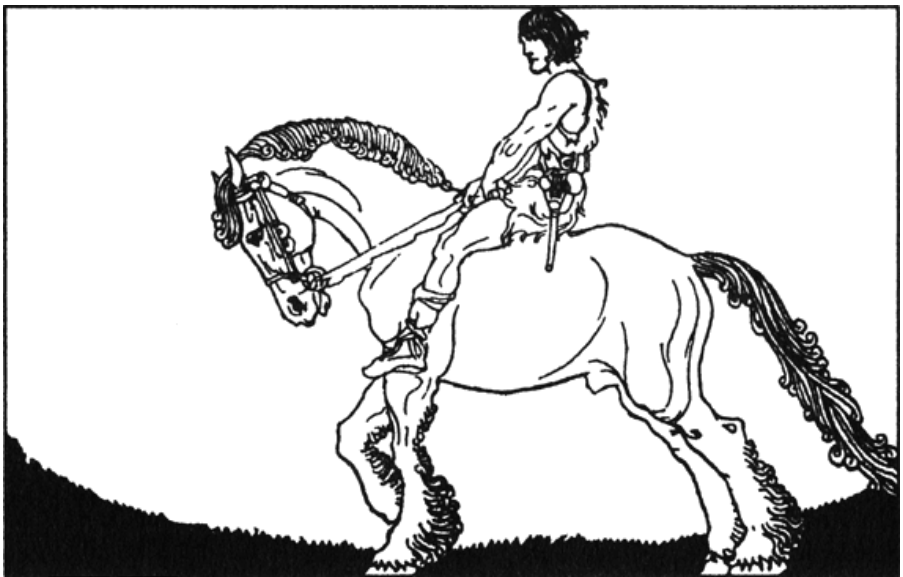
Локи оказался во власти пышущих гневом асов. Они привели его в пещеру и привязали к трем островерхим скалам волчьими

жилами, что были прочнее железных оков. Там они хотели оставить Локи, связанного и беззащитного. Но горячая великанша Скади сочла эту кару недостаточной. Она поймала ядовитую змею и подвесила ее над головой Локи. Капли яда падали на него, причиняя нестерпимую боль, кап-кап-кап… И так день за днем.

Но сердобольная Сигюн пришла ему на помощь. Она распростилась с Асгардом и терпела тьму и холод пещеры, чтобы облегчать муки того, кто был ей мужем. Сигюн держала над Локи чашу, не позволяя змеиному яду стекать на него и тем самым на время избавляя пленника от страданий. Когда же Сигюн отворачивалась, чтобы выплеснуть переливающуюся через край ядовитую влагу, яд капал на Локи, и он кричал от боли, извиваясь в своих путах. Тогда-то люди чувствовали, как трясется земля. До самого Рагнарёка, гибели богов, длилась пытка Локи.

Часть 4
Меч Вёльсунгов и Рагнарёк

Юность Сигурда



На севере Мидгарда находились владения конунга Альва. Он славился своей добротой и мудростью и имел приемного сына по имени Сигурд.

Силен и бесстрашен был Сигурд, так силен и так бесстрашен, что однажды, скрутив в лесу дикого медведя, он приволок его в палаты конунга. Мать юноши звалась Хьёрдис. Как-то раз, еще до рождения Сигурда, Альв и его отец, прежний конунг, отправились за море и высадились на чужом побережье. Их внимание привлек отдаленный гул великой битвы. Двинувшись туда, откуда неслись звуки сечи, они вышли на поле сражения, но обнаружили там лишь груды убитых. Среди них выделялся один воин. Он был седобород и стар, но благородство его облика поразило Альва и его отца. Доспехи выдавали в нем конунга.

Углубившись в лес в поисках кого-то, кто мог бы объяснить им происшедшее, они наткнулись на двух женщин, прятавшихся в лощине. Одна была статная, с синими бесстрашными глазами и огненными волосами, но в платье служанки. Другая, хоть и наряженная по-королевски, казалась робкой и нескладной.

Когда Альв и его отец приблизились, та, что была в богатом уборе, слезно к ним воззвала:

— Помогите нам, достойные мужи, и защитите нас, и мы

покажем вам, где спрятана казна. Великая битва разыгралась между войском конунга Люгни и войском конунга Сигмунда, и войско конунга Люгни одержало победу и покинуло поле. Конунг Сигмунд убит, но мы, его родные и домочадцы, спасли казну и отдадим ее вам.

— Сребroголовый и сребробородый воин, что лежит там, — это конунг Сигмунд?

Женщина ответила:

— Да, господин мой, и я его супруга.

— Мы наслышаны о конунге Сигмунде, — сказал отец Альва. — Его слава и слава его рода Вёльсунгов гремит по всему миру.

Альв не проронил ни слова, но взгляд его был прикован к той, что, одетая в простое платье, стояла на коленях, заворачивая в звериную шкуру две половинки сломанного меча.

— Вы ведь защитите нас, добрые господа? — жалостно пролепетала та, на которой был пышный наряд.

— Да, супруга конунга Сигмунда, мы защитим тебя и твою служанку, — пообещал отец Альва, старый конунг.

Тогда женщины отвели воинов в пустынное место на берегу моря, где среди скал были спрятаны драгоценности конунга Сигмунда: золотые кубки, тяжелые браслеты и брильянтовые ожерелья. Перенеся драгоценности на борт своего корабля и забрав двух женщин, Альв и его отец отплыли в свою страну.

Это случилось незадолго до того, как Сигурд, приемный сын конунга Альва, появился на свет.

А у Альва, надо вам сказать, была очень умная и проницательная мать. Она заметила, что из двух чужестранок, привезенных ее сыном и мужем из заморья, одетая служанкой смотрела бесстрашно и отличалась возвышенной красотой, а разнаряженная была неуклюжа и неуверенна. Однажды вечером, когда все женщины, жившие в доме, пряли при свете факелов, сидя вокруг нее в ее палате, супруга старого конунга обратилась к той, что рядилась в богатое платье:

— Ты рано встаешь по утрам. Как ты узнаешь в темные часы о приближении рассвета?

И получила ответ:

— В юности я обычно вставала доить корову и с тех пор всегда просыпаюсь в одно время.

Супруга старого конунга подумала: «Что это за диковинная страна, где девушки, в которых течет кровь конунгов, встают доить коров!» Затем она обратилась к той, что носила платье служанки:

— А ты как узнаешь в темные часы, что рассвет близок?

— Мой отец, — ответила она, — подарил мне золотое кольцо, с которым я не расстаюсь, и, когда падает роса, оно холодеет у меня на пальце.

«Поистине диковинна страна, — подумала супруга старого конунга, — где служанки носят золотые кольца».

Когда все, кроме двух женщин, привезенных из заморья, разошлись, она повернулась к бедно одетой красавице и произнесла:

— Ты жена конунга.

И другая, не удержавшись, выпалила:

— Твоя правда, госпожа. Она — жена конунга, и я больше не в силах притворяться.

Тогда заговорила огненновласая красавица.

— Да, я жена конунга, — сказала она, — жена убитого конунга Сигмунда. Меня разыскивал другой конунг, поэтому я обменялась платьем с моей служанкой, желая обмануть тех, кого он мог за мною прислать.

Знайте, я Хьёрдис, дочь конунга. Многие мужи приходили к моему отцу сватать меня, и были среди них двое знаменитых: один — конунг Люгни, а другой — конунг Сигмунд из рода Вёльсунгов. Мой отец предложил мне самой выбирать между ними. Конунг Сигмунд был самым славным воином в мире, и, несмотря на его старость, я предпочла его конунгу Люгни.

Мы поженились. Но конунг Люгни не перестал желать меня, и вскоре с несметными полчищами вторгся во владения конунга Сигмунда. С помощью домочадцев я спрятала нашу казну на берегу моря и вместе со служанкой наблюдала за битвой с опушки леса. Благодаря волшебному мечу Граму и собственной богатырской силе Сигмунду удавалось сдерживать мощный напор вражеского войска. И вдруг он упал, и рядом с ним полегли все его соратники. А враги разбрелись по окрестностям в надежде найти меня и сокровища конунга.

Я же пошла по полю туда, где лежал мой повелитель. Едва я склонилась к нему, он приподнялся, опираясь на свой щит, и сказал, что смерть его близка. Он поведал мне, что в тот миг, когда уже казалось, что войско Люгни вот-вот отступит, среди сражающихся появился незнакомец с копьем. Он ударил им по мечу Сигмунда, и Грам, волшебный меч, переломился надвое. Тогда-то конунг Сигмунд и получил смертельную рану. «Мне суждено было умереть, — молвил он, — ибо копье, переломившее мой меч, — не иначе как Гунгнир, копье Одина. Только оно могло разбить меч, дарованный Одином моим предкам. Теперь я должен отправиться в Вальхаллу, чертог героев Одина».

«Я плачу, — проговорила я, — ибо нет у меня сына, который

мог бы назвать себя наследником великого рода Вёльсунгов».

«Из-за этого тебе незачем плакать, — молвил Сигмунд. — У тебя родится сын, мой и твой сын, и ты назовешь его Сигурдом. Возьми обломки моего волшебного меча и отдай их моему сыну, когда он будет достаточно взрослым, чтобы называться воином».

Затем Сигмунд уронил голову наземь и распростился с жизнью. Валькирия Одина унесла его дух с поля битвы. А я подняла обломки меча и вместе со служанкой укрылась в лесной лощине. Потом твой муж и твой сын нашли меня и привезли в свою страну, где нас приютили, о владычица.

Такова была история, которую Хьёрдис, жена конунга Сигмунда, рассказала матери князя Альва.

Вскоре у нее родился ребенок — отпрыск Сигмунда. Она дала ему имя Сигурд. А после рождения Сигурда старый конунг умер, и Альв унаследовал отцовы владения. Он женился на Хьёрдис, той самой Хьёрдис, что пленила его своими огненными волосами, гордой осанкой и возвышенной красотой, и взрастил ее сына Сигурда, как родного.

Сигурд, сын Сигмунда, еще не достигнув возраста воина, поражал всех своей силой, ловкостью и бесстрашием, написанным у него на челе. «Могучим был род, из которого он вышел, — говорили люди, — и Сигурд будет таким же могучим, как каждый из его предков». Он построил себе хижину в лесу, чтобы охотиться на диких зверей и жить поблизости от того, кому предстояло обучить его многим искусствам.

Это был Регин, мастер ковать булаты и вдобавок хитроумный человек. О Регине говорили, что он колдун и живет в мире дольше, чем многие поколения смертных. Никто — ни отцы, ни деды — не помнили, когда он пришел в эту страну. Он учил Сигурда кузнечному делу, а также передавал ему мудрость далеких веков. Но, наставляя Сигурда, он смотрел на юношу странным взглядом, не так, как человек смотрит на своего собрата, а как рысь смотрит на более сильного зверя.

Однажды Регин сказал юному Сигурду:

— Всем известно, что конунг Альв владеет сокровищами твоего отца, но тебя он содержит так, будто ты рожден рабом.

Сигурд понял, что Регин хочет пробудить в нем недовольство, чтобы потом использовать его в своих целях. Он сказал:

— Конунг Альв — мудрый и добрый конунг, и он подарит мне все, в чем у меня будет нужда.

— Ты топчешь землю, словно мальчик-слуга, а не сын конунга.

— В любой день, когда мне захочется, я могу получить коня! — вскричал Сигурд.

— Это пустые слова, — сказал Регин и, отвернувшись от Сигурда, принялся раздувать огонь кузни.

Сигурд рассердился и, побросав железки, над которыми работал, побежал на заливной луг у большой реки. Там пасся табун лошадей — серых, вороных, чалых и гнедых, лучших из тех, какими владел конунг Альв. А неподалеку стоял незнакомец, старый, но крепкий человек в диковинном синем плаще. Облокотившись на посох, он любовался лошадьми. Несмотря на юный возраст, Сигурд перевидал многих державных конунгов в их палатах, но у этого человека осанка была величественней, чем у любого из властителей, на которых когда-либо задерживался его взгляд.

— Ты собираешься выбрать себе коня, — сказал незнакомец Сигурду.

— Да, отец, — сказал Сигурд.

— Тогда загони табун в реку, — сказал незнакомец.

Сигурд так и поступил. Попав в бурную стремнину, кони стали барахтаться, торопясь выбраться назад на сушу. Только один поплыл к другому берегу, вскинув голову и оглашая воздух победным ржанием. Сигурд сразу его заметил. Это был серый скакун, молодой и гордый, с длинной летящей гривой. Юноша перебрался через реку, поймал коня, вскочил на него и верхом приплыл обратно.

— Ты выбрал правильно, — сказал незнакомец. — Грани, которого ты оседлал, — из потомства Слейпнира, коня Одина.

— А я из рода сыновей Одина! — воскликнул Сигурд, широко раскрыв глаза, в которых сияло само солнце. — Я из рода сыновей Одина, потому что мой отец был Сигмунд, а его отец был Вёльсунг, а его отец был Рерир, а его отец был Сиги, сын Одина.

Незнакомец пристально смотрел на юношу поверх своего посоха. Виден был только один его глаз, но этот глаз, подумал Сигурд, мог проницать камень.

— Все, кого ты назвал, были орудиями Одина, отправляющими людей в Вальхаллу, чертог героев, — молвил незнакомец. — И из всех, кого ты назвал, не было ни одного, кого валькирии Одина не избрали бы для сражений в Асгарде.

И вскричал Сигурд:

— Слишком много отважных и благородных забирает Один для битв в Асгарде!

Незнакомец всей тяжестью навалился на посох, и голова его поникла.

— Что же делать? — сказал он, и Сигурду почудилось, что слова эти обращены не к нему. — Что же делать? Листья вянут и падают с Иггдрасиля, и грядет Рагнарёк. — Потом он поднял

голову и проговорил: — Близок день, когда ты сможешь получить обломки отцова меча.

Затем человек в диковинном синем плаще удалился вверх по холму, и Сигурд провожал его взглядом, пока тот не скрылся из виду. Юноше приходилось сдерживать Грани, своего гордого коня, но вот он дал ему волю и помчался вдоль реки, обгоняя ветер.

Грам и дракон Фафнир

Верхом на Грани, своем гордом коне, Сигурд поскакал к палатам конунга и показался Альву и Хьёрдис, своей матери. Перед палатами он выкрикнул имя Вёльсунгов, и, глядя на него, конунг Альв почувствовал, что этот юноша — ровня избранным, а Хьёрдис, его мать, увидела синий пламень его глаз и подумала, что его путь в мире будет подобен полету орла в небе.

Прогарцевав по двору, Сигурд соскочил с Грани и, ласково потрепав коня по холке, шепнул ему, что он может возвратиться в табун. Гордый конь любовно дыхнул на Сигурда и унесся прочь.

Тогда Сигурд зашагал к лесной хижине хитроумного кузнеца Регина. Когда он вошел, хижина была пуста, но на наковальне, в дыму кузнечного горна лежало творение рук Регина. При виде его к горлу Сигурда подступила тошнота.

Творением Регина был щит, огромный железный щит, на котором по бурому полю извивался багряно-красный чешуйчатый дракон. Блики от кузнечного огня, ложившиеся на него, и плавающий вокруг дым создавали впечатление, будто дракон живет в своей собственной огненно-дымовой стихии. «Это самая отвратительная тварь в мире», — подумал Сигурд.

Пока юноша созерцал отталкивающий образ, в кузницу проскользнул хитроумный кузнец Регин. Он стоял у стены,

наблюдая за Сигурдом. Его спина была согнута, космы падали на глаза, горевшие яростным пламенем, что делало его похожим на дикого зверя в клетке.

— А-а, ты рассматриваешь дракона Фафнира, сын Вёльсунгов, — сказал он Сигурду. — Может статься, ты убьешь его.

— Я не выйду на бой с таким гадом. Меня позывает от него на рвоту, — скривился Сигурд.

— Хорошим мечом ты можешь сразить его и завоевать себе больше славы, чем все твои предки, вместе взятые, — прошипел Регин.

— Я завоюю ее, как завоевывали ее мои предки, сражаясь с врагами и покоряя их владения, — сказал Сигурд.

— Ты не настоящий Вёльсунг, иначе ты бы с радостью отправился туда, где всего опаснее и страшнее, — шипел Регин. — Теперь тебе известно о драконе Фафнире, а если ты поднимешься на гребень холмов, то увидишь пустынную землю, где находится его логово. Знай, что когда-то здесь была цветущая страна и люди жили в мире и довольстве, но Фафнир обосновался в пещере по соседству и, ползая к реке и обратно, иссушил своим дыханием землю, превратив ее в бесплодную пустыню. И если ты истинный Вёльсунг, ты убьешь дракона, и позволишь земле вновь расцвести, и вернешь туда людей, и тем расширишь владения конунга Альва.

— Мне нет дела до драконов, — молвил Сигурд. — Я должен пойти войной на конунга Люгни и отомстить ему за смерть Сигмунда, моего отца.

— Что такое уничтожение Люгни и завоевание его страны по сравнению с уничтожением дракона Фафнира? — вскричал Регин. — Я открою тебе тайну Фафнира, неведомую больше никому. Он охраняет клад из золота и драгоценных камней, подобного которому нет больше в мире. Заколов его, ты можешь завладеть всем этим богатством.

— Я не стремлюсь к богатству, — сказал Сигурд.

— Нет богатства, равного богатству Фафнира. Он владеет сокровищем, которым от начала дней владел карлик Андвари. Некогда сами боги-асы отдали его в качестве выкупа. И если ты завоюешь сокровище Фафнира, то уподобишься божеству.

— Откуда ты все это знаешь, Регин? — спросил Сигурд.

— Когда-нибудь я, возможно, расскажу тебе, откуда.

— И когда-нибудь я, возможно, выслушаю тебя. Но сейчас не заикайся больше о драконе. Я попрошу тебя выковать мне меч, который будет крепче и острее всех мечей на свете. Ты на это способен, потому что слывешь среди людей лучшим булатным

мастером.

Регин посмотрел на Сигурда своими маленькими хитрыми глазками и решил, что лучше тотчас приступить к делу. Поэтому он бросил в огонь самые тяжелые железные болванки и достал тайные орудия, которыми пользовался, когда от него требовалась особо искусная работа.

Весь день Сигурд трудился рядом с ним, поддерживая огонь в горне и поднося воду, чтобы охлаждать клинок, пока он выковывался и перековывался. За работой Сигурд думал только о булате и о том, как он пойдет войной на конунга Люгни и отомстит за героя, убитого прежде, чем он сам появился на свет.

Целый день мысли его были заняты войной и клинком на наковальне. Ночью же он грезил не о войне и не о клинках, а о драконе Фафнире. Ему снилась бесплодная пустыня, выжженная его дыханием, и пещера, где он устроил себе логово, и сам дракон, покрытый горящей как жар чешуей и растянувшийся в длину, словно войско в походе.

На следующий день они с Регином занимались отделкой исполинского меча. И когда эта работа, требовавшая от Регина всего его мастерства, была завершена, стало ясно, что они создали могучее оружие. Потом Регин заточил клинок, а Сигурд отшлифовал его. И вот наконец он стиснул в ладони мощную рукоять.

Тогда Сигурд положил на наковальню щит с изображением дракона Фафнира и, подняв меч обеими руками, со всего маху обрушил его на мерзкое чудовище.

Щит выщербился, но клинок сломался в руках Сигурда. Тогда он в гневе повернулся к Регину и закричал:

— Твой меч годится только для смердов! Начинай все с начала! Ты должен отковать мне меч Вёльсунгов.

С этими словами он выбежал вон, кликнул Грани, своего гордого коня, вскочил на него верхом и помчался на берег реки, обгоняя ветер.

Регин побросал в огонь еще больше железа и принялся колдовать над новым булатом, произнося заклинания, в которых упоминался клад дракона Фафнира. А Сигурду в ту ночь снилось сверкающее сокровище, не манившее его днем, горы золота и переливчатых драгоценных камней.

Наутро он помогал Регину, и оба не жалели сил, стараясь выковать меч более грозный, чем первый. Три дня бились они над ним, и наконец Регин вложил в руку Сигурда заостренный и отшлифованный булат, который намного превосходил предыдущий мощью и великолепием. И опять Сигурд положил на наковальню щит с изображением дракона. И опять он

размахнулся и рубанул, что было мочи. Меч рассек щит, но, ударившись о наковальню, задрожал в руках Сигурда.

Выскочив в ярости из кузницы, юноша позвал Грани, своего гордого коня, вскочил на него, и они понеслись наперегонки с ветром.

Вскоре он предстал перед Хьёрдис.

— Мне нужен более могучий булат, — сказал он, — чем те, что делаются из железа, добытого в земле. Настало время, матушка, отдать мне обломки Грама, меча Сигмунда и Вёльсунгов.

Хьёрдис смерила сына взглядом и убедилась, что он настоящий богатырь и меч Сигмунда и Вёльсунгов придется ему по руке. Она повела его в палаты конунга. Из большого каменного ларя, стоявшего в ее спальне, Хьёрдис вынула сломанный клинок, обвернутый звериной шкурой. Она передала его сыну.

— Вот половинки Грама, — сказала она, — богатырского меча Грама, который Один оставил некогда в Бранстоке, древе дома Вёльсунгов. Я верю, что Грам возродится в твоих руках, сын мой.

Затем она обняла его, как никогда прежде не обнимала, и, стоя в сиянии огненных волос, поведала ему о славе Грама и подвигах тех, кто его обнажал.

Сигурд поспешил в кузницу, разбудил спавшего Регина, показал ему сверкающие половинки клинка Сигмунда и велел их срастить.

Много дней волхвовал Регин в своей кузнице, и Сигурд ни на минуту не отходил от него. Наконец меч был готов, и, когда Сигурд сжал его рукоять, по лезвию пробежал огонь.

Снова взял юноша щит с изображением дракона и положил его на наковальню. Снова занес над ним меч и сокрушительным ударом разрубил и щит, и наковальню до самого основания. Тогда Сигурд понял — это и впрямь меч Вёльсунгов. Он выбежал за порог, кликнул Грани и как ветер понесся к реке. Там по течению плыли клочья шерсти. Сигурд принялся бить по ним мечом, и Грам резал тонкие волокна, как воду. И самое твердое, и самое мягкое — все было перед ним прахом.

В эту ночь Грам, меч Вёльсунгов, лежал под головой Сигурда, но сны юноши по-прежнему полнились образами, отступавшими днем: сиянием сокровищ, о которых он и не думал мечтать, и блеском чешуи дракона, вызывавшего у него такую гадливость, что даже мысль о возможной с ним схватке была ему противна.

Кровь дракона

Сигурд отправился воевать: с войском, которое дал ему конунг Альв, он напал на страну, где сидел государем убийца его отца. Война была короткой, а выигранные им битвы — почти бескровными. Постарел конунг Люгни, и слаба стала его власть над подданными. Сигурд убил конунга, забрал его богатства и присоединил его земли к землям конунга Альва.

Но одержанная победа не радовала Сигурда. Он жаждал неистовых схваток и славы, завоеванной в жестоком бою. Могла ли сравниться война, в которой он победил, с войнами, в которых некогда побеждали Сигмунд, его отец, и Вёльсунг, отец его отца? Не радовался Сигурд. Назад он повел свое войско мимо холмов, с гребня которых открывался вид на облюбованные драконом места. Поравнявшись с холмами, он приказал своим людям возвращаться в палаты конунга Альва с добытыми трофеями.

Они повиновались, а Сигурд поднялся на высокий хребет и долго смотрел туда, где обитал Фафнир. Вся изрытая и обожженная огненным дыханием дракона, лежала перед ним долина. Сигурд различил пещеру в скале, где устроился Фафнир, и тропу, которую протоптал к реке чудовищный змей, ползая каждый день на водопой.

С раннего утра до позднего вечера наблюдал Сигурд за логовом дракона. При последних лучах солнца Фафнир наконец

выполз из пещеры и заскользил по своей тропе, точно корабль, посылаемый вперед множеством весел.

Вернувшись домой, Сигурд пошел в кузницу к хитроумному Регину и попросил:

— Открой мне все, что знаешь о драконе Фафнире.

Регин заговорил, но речь его была пересыпана мудреными древними словами и стихами. Когда он кончил, Сигурд сказал:

— А теперь повтори все это языком, понятным человеку наших дней.

Тогда Регин произнес:

— Я говорил о кладе. Карлик Андвари хранил его от начала дней. Но один из асов отнял у Андвари клад, горы золота и груды драгоценных камней, и отдал его Хрейдмару, который был моим отцом.

За убийство Отра, сына Хрейдмара, пришлось асам отдать этот клад, величайший клад, когда-либо виданный в мире. Но недолго веселил он взор Хрейдмара. Ибо сын убил отца, чтобы присвоить сокровище. Этим сыном был Фафнир, мой брат.

Потом Фафнир, боясь, как бы кто-нибудь не отнял у него сокровища, превратился в дракона, да такого страшного, что никто не смеет к нему приблизиться. А я, Регин, с тех пор одержим жаждой завладеть кладом. Я не поменял обличья, но с помощью колдовства, которому обучил меня отец, продлил свою жизнь на многие поколения, в надежде, что когда-нибудь увижу Фафнира убитым и стану обладателем несметных богатств.

Теперь, сын Вёльсунгов, тебе известно все о драконе Фафнире и великом сокровище, которое он стережет.

— Мне нет дела до сокровища, которое он стережет, — сказал Сигурд. — Меня заботит только то, что он превратил плодородные земли конунга в пустыню и причинил зло людям. Я хочу стяжать себе славу победителя дракона Фафнира.

— Ты можешь заколоть Фафнира Грамом, своим богатырским мечом! — вскричал Регин и весь затрясся от жадности. — Ты можешь заколоть его своим мечом. Слушай же, я подскажу тебе, как нанести ему смертельный удар сквозь звенья его кольчуги. Слушай, ибо я все уже обдумал.

Тропа, проложенная драконом к реке, широка. Вырой яму посреди тропы и, когда Фафнир окажется над нею, воткни ему в брюхо свой богатырский меч. Только Грам способен пронзить его броню. Тогда Фафниру придет конец, и дорога к кладу будет свободна.

— То, что ты говоришь, мудро, Регин, — ответил Сигурд. — Мы выроем эту яму, и я заколю Фафнира.

Юноша вскочил на Грани, своего могучего коня, и поскакал к

княжьим палатам, где его ждали конунг Альв и Хьёрдис. Но не засиделся Сигурд в родительском доме. Вдвоем с Регином они отправились к логову Фафнира и вырыли на драконьей тропе яму, чтобы убить дракона.

— Я больше ничем не могу тебе помочь, сын Вёльсунгов, и мне страшно, — сказал Регин. — Я укроюсь среди холмов и подожду, пока дракон не издохнет.

Он ушел и увел с собой Грани, чтобы конь громко не заржал при появлении чудовища. Тогда Сигурд лег в яму и стал упражняться в нанесении удара снизу. Он лежал на спине и, держа богатырский меч обеими руками, тыкал им в воздух.

Как вдруг его осенила страшная догадка, а именно: кровь и яд дракона могут пролиться на него, закупоренного в яме, и разрушить его плоть и кости. Сигурд мгновенно выскочил наружу и вырыл рядом еще несколько ям, соединив одну с другой проходами, чтобы можно было спастись от потока ядовитой крови. Не успел он лечь на прежнее место, как земля заходила ходуном и послышался странный, печальный крик Фафнира. Дракон быстро приближался, и скоро Сигурд почуял его дыхание. Вот над ямой нависла исполинская туша. Змей приподнял голову и глянул вниз, на Сигурда.

Вот он, самый подходящий миг, чтобы поразить чудовище Грамом, и юноша не промедлил. Изо всех сил ударил он дракона мечом под ключицу, целясь прямо в сердце. Клинок прошел сквозь твердые сверкающие чешуйки, служившие гаду кольчугой. Сигурд вырвал Грам и едва успел протиснуться в другую яму как ядовитая кровь Фафнира хлынула в его укрытие.

Выкарабкавшись из второй ямы, он увидел, как бьется и извивается огромный змей. Сигурд шагнул к Фафниру и вонзил меч ему в шею. Дракон вздыбился, будто собираясь рухнуть на Сигурда всей своей тушей, порвать его когтями, испепелить огненным дыханием и отравить ядовитой кровью. Но Сигурд, увернувшись, успел отбежать подальше. И тут Фафнир испустил предсмертный крик. Он взрыл камни своими страшными когтями и распластался на земле, утопив голову в яме, наполненной его собственной отравной кровью.

Только услыхав крик, известивший его о смерти Фафнира, Регин спустился туда, где разыгралась битва. Видя, что Сигурд жив и невредим, он взвыл от ярости, так как надеялся, что тот захлебнется и сгинет в ядовито-кровавом потопе.

Но он обуздал свою ярость и притворился обрадованным.

— Ты прославил свое имя! — закричал он. — Теперь ты будешь зваться Сигурдом Победителем Фафнира. Слава твоя превзойдет славу твоих предков, о князь Вёльсунгов.

Он превозносил Сигурда, потому что хотел еще кое-что сделать его руками.

— Дракон Фафнир убит, — молвил Сигурд, — и победа над ним досталась мне нелегко. Теперь я не стыжусь показаться на глаза конунгу Альву и моей матери, да еще с таким богатым трофеем, как золото Фафнира.

— Погоди, — хитро сказал Регин. — Погоди. Сделай мне еще одно одолжение. Вырежь своим мечом драконье сердце и изжарь, чтобы я мог съесть его и стать еще мудрее. Окажи эту услугу тому, кто подсказал тебе, как убить Фафнира.

Сигурд исполнил просьбу Регина, вырезал драконье сердце и повесил его жариться над огнем. Тем временем Регин куда-то отлучился. В лесу стояла мертвая тишина, только хрустел и трещал хворост, который Сигурд подкладывал в костер.

Пытаясь засунуть поглубже в огонь ясеневый сук, юноша не поберег руку, и на нее упала капля из жарящегося сердца Фафнира. Капля обожгла его. Он приник к обожженному месту губами, чтобы унять жгучую боль, и почувствовал на языке вкус кипящей драконьей крови.

Костер прогорел, и Сигурд опять пошел за хворостом. На поляне он увидал четырех птиц, сидевших на одной ветке. Они разговаривали между собой на птичьем языке, но Сигурд понимал их.

Первая птица сказала:

— Как доверчив тот, кто бродит по этой лощине! Он и не подозревает, что его враг, только что бывший здесь с ним, пошел за копьем, чтобы убить его.

— Он собирается убить его ради золота, хранящегося в пещере дракона, — сказала вторая птица.

А третья птица добавила:

— Если он сам съест драконье сердце, то познает всю мудрость мира.

Четвертая же птица предупредила:

— Он лизнул драконью кровь и понимает нашу речь.

Четыре птицы не улетели и не умолкли, а принялись наперебой расписывать чудную обитель, у которой им довелось побывать.

Глубоко в лесах, щебетали птицы, стоит Огненный чертог. У него десять стен — Уни, Ири, Барри, Ори, Варнс, Вегдрасиль, Дерри, Ури, Деллинг, Атвард, — и каждая воздвигнута карликом, имя которого носит. Чертог окружен стеной огня, сквозь которую не может проникнуть никто. И в нем спит дева — самая мудрая, самая храбрая и самая прекрасная в мире.

Сигурд словно зачарованный внимал тому, о чем щебетали

птицы.

Но мелодичное журчание их речи внезапно сменилось резкими, пронзительными возгласами.

— Смотрите, смотрите! — кричала одна. — Вот он идет убивать юношу.

— Он идет с копьем убивать юношу! — кричала другая.

— Юноше несдобровать, если он промедлит хоть мгновение! — закричала третья.

Сигурд резко повернулся и оказался лицом к лицу с суровым и безмолвным Регином, нацелившим на него копье. Копье пронзило бы Сигурда, останься он хотя бы на миг в том положении, в каком слушал щебетание птиц. Когда юноша повернулся, в руке у него был Грам, и он с размаху всадил его Регину в грудь.

Тогда Регин завопил:

— А-а, я умираю, умираю, так и не завладев кладом, который стерег Фафнир. На кладе лежало проклятие, ибо и Хрейдмар, и Фафнир, и я погибли из-за него. Пусть же проклятие золота падет теперь на моего убийцу.

С этими словами Регин испустил дух. Сигурд сбросил его труп в яму рядом с мертвым Фафниром, а потом зашагал туда, где жарилось драконье сердце, намереваясь съесть его и стать мудрейшим из людей. Сигурд решил, что, съев сердце, первым делом отправится в пещеру Фафнира, возьмет хранящееся там сокровище и преподнесет его как свой боевой трофей конунгу Альву и матери. Затем он поедет через лес и отыщет Огненный чертог, где спит дева — самая мудрая, самая храбрая и самая прекрасная в мире.

Но Сигурд так и не отведал драконьего сердца. Придя к костру, юноша увидел, что оно сгорело дотла.

История Сигмунда и Сигню

Сигурд позвал Грани, своего гордого скакуна. Поднявшись на курган посреди поля, он издал зычный клич, долетевший до ущелья, где спрятал коня Регин, и Грани, с развевающейся гривой и горящими глазами, вырос перед ним словно из-под земли.

Юноша вскочил на Грани и поскакал к логову Фафнира. Войдя в пещеру, он увидел перед собою железную дверь, и прорубил железо своим богатырским мечом Грамом, и вырвал дверь могучими руками. Тут его взору предстало сокровище, которое стерег дракон, — сверкающие горы золота и груды искрящихся драгоценностей.

Но, глядя на клад, Сигурд ощутил, что над ним витает какая-то зловещая тень. Когда-то давным-давно этот клад был скрыт под текучей водой и его охраняли речные девы. Потом карлик Андвари отнял его у речных дев. А Локи забрал его у Андвари, выпустив на волю колдунью Гулльвейг, чья злая сила тяготела над богами. Ради клада Фафнир умертвил Хрейдмара, своего отца, а Регин замыслил убийство Фафнира, своего брата.

Не вся эта история была известна Сигурду, однако ее леденящая тень коснулась его души, когда он стоял там, ошеломленный блеском золота и игрой бриллиантов. Он заберет отсюда сокровище, но не теперь. Беседа птиц не шла у него из

ума, и лесная зелень казалась ему привлекательней, чем все это слепящее великолепие. Он вернется сюда с сундуками, погрузит в них клад и отвезет в палаты конунга Альва. А сейчас возьмет лишь то, что сможет носить сам.

Он нашел золотой шлем и надел его на голову, потом нашел массивный браслет и надел его на запястье. Прямо на браслете лежало маленькое кольцо с выгравированной на нем руной. Сигурд надел его на палец. А кольцо было то самое, над которым произнес проклятье карлик, когда Локи отнимал у него клад.

Сигурд знал, что никто не пересечет поле и не войдет в логово Фафнира, поэтому он не боялся оставить сокровище без охраны. Вскочив на Грани, своего гордого коня, он поехал к лесу, ибо решил во что бы то ни стало отыскать Огненный чертог, где спала дева — самая мудрая, самая храбрая и самая прекрасная в мире. В золотом шлеме на золотых волосах Сигурд мчался к своей цели.

Направляясь к лесу, Сигурд думал о Сигмунде, своем отце, за смерть которого он отомстил, и об отце Сигмунда Вёльсунге и о суровых испытаниях, выпавших на долю Вёльсунгов.

Рерир, сын Сиги, сына Одина, был отцом Вёльсунга. А Вёльсунг, войдя в пору зрелости, построил себе палаты вокруг могучего древа. Ветви древа были балками дома, а мощный ствол — центральной опорой. Древо называлось Бранстоκ, а жилище Вёльсунга — Бранстокские палаты.

Много детей имел Вёльсунг — одиннадцать сыновей и дочь. Сыновья были воинами сильными и ловкими, а сам Вёльсунг из Бранстокских палат — могущественным вождем.

И случилось так, что Сигню, его единственная дочь, вовлекла Вёльсунга и его сыновей в кровавую междоусобицу. Она была мудра и прекрасна, и слухом о ней полнилась земля. И вот однажды Вёльсунг получил от некоего конунга послание с просьбой отдать Сигню ему в жены. Вёльсунги, знавшие об этом конунге по рассказам о его победах, отписали ему, что будут рады принять его в Бранстокских палатах.

И вот конунг Сиггейр прибыл со своими дружинниками. Но когда Вёльсунги взглянули ему в глаза, выражение их им не понравилось. А Сигню отпрянула, прошептав:

— Этот конунг черен душой и лжив речами.

Вёльсунг и одиннадцать его сыновей стали судить да рядить, как им поступить. Сиггейр привел с собой большую дружину, и, если ему откажут, он может перебить их всех и опустошить страну. Вдобавок их приглашение было равносильно обещанию отдать за него Сигню. Долго Вёльсунги держали совет. В конце

концов десять братьев Сигню сказали:

— Пусть Сигню выходит за этого конунга. Он не так плох, как ей кажется.

Так сказали десять братьев. Но один возразил:

— Мы не должны отдавать нашу сестру этому злодею. Лучше нам всем полечь в жестокой схватке под объятыми пламенем сводами Бранстокских палат.

Так говорил Сигмунд, самый младший из Вёльсунгов.

Но отец Сигню сказал:

— Нам ничего не известно о злых деяниях конунга Сиггейра. И мы дали ему слово. Пусть в эту ночь он пирует с нами в Бранстокских палатах и пусть Сигню уйдет от нас его женой.

Лицо Сигню помертвело.

— Да будет так, как вы порешили, отец мой и братья мои, — молвила она. — Я выйду за конунга Сиггейра и отправлюсь с ним за море.

Это Сигню произнесла громко, но Сигмунд слышал, как она прошептала:

— Горе Вёльсунгам.

Устроили пир, и конунг Сиггейр явился со своими дружинниками в Бранстокские палаты. Были зажжены факелы, накрыты столы, и большие рога с медом ходили по кругу. В разгар пира в зал вошел незнакомец, закутанный в синий плащ. Он был выше самых рослых, и его величественная осанка заставила всех поклониться ему. Незнакомцу поднесли рог с медом, и он осушил его. Затем из-под полы плаща он извлек меч, затмивший своим блеском свет факелов.

Шагнув к Бранстоку, древу, державшему своды палат, он вонзил в него сияющий клинок. Все разговоры смолкли, и тогда раздался голос незнакомца, подобный гласу трубы:

— Меч будет принадлежать тому, кто сумеет вытащить его из Бранстока. — Сказав это, он вышел вон.

Все посмотрели на могучий ствол, пронзенный мечом, и увидели, что он пересечен светлой полосой удивительной яркости. Пирующие повскакали с мест, торопясь схватиться за рукоять, но голос Вёльсунга остановил их.

— Нашему дорогому гостю и зятю, — сказал он, — принадлежит право первым попытать счастья.

Конунг Сиггейр подошел к дереву и облапил широкую рукоять. Весь натужившись и напружившись, он принялся дергать ее, но меч не шелохнулся. Когда он понял, что все усилия напрасны, лицо его потемнело от злости.

Сиггейра сменили самые дюжие из его соратников, но и им не удалось вырвать клинок. Потом сам Вёльсунг попробовал

справиться с могучим булатом, и тоже безуспешно. Один за другим терпели неудачу и его сыновья. Наконец пришел черед младшего, Сигмунда. И когда Сигмунд, обхватив широкую рукоять, потянул за нее, — о, чудо! — меч заскользил следом за рукой и опять затмил своим блеском свет факелов.

Булат был чудесный, сделанный из лучшего металла такими искусными кузнецами, какие не хаживали по земле. Все завидовали Сигмунду, завоевавшему чудо-оружие.

Конунг Сиггейр пожирал его алчными глазами.

— В обмен на этот меч, добрый брат, я дам тебе золотой брус равного веса, — сказал он.

Но Сигмунд гордо ответил:

— Будь этот меч тебе по руке, ты бы выиграл его. Но он не по твоей руке, а по руке Вёльсунга.

Лицо Сиггейра еще больше потемнело от злости, и Сигню поняла, что сердце его исполнилось ненавистью ко всему роду Вёльсунгов.

Но в конце пира она стала женой конунга Сиггейра и на следующий день, покинув навсегда Бранстокские палаты, пошла с ним туда, где на берегу их ждал его огромный расписной корабль. И когда отец ее и братья прощались с нею, конунг Сиггейр пригласил их посетить его в собственных его владениях, как друзья посещают друзей и родичи родичей. Он не хотел подниматься на корабль, пока каждый из Вёльсунгов не пообещал, что они навестят его и Сигню в его собственной стране.

— И непременно захвати с собой свой могучий меч, — сказал он Сигмунду.

Обо всем этом размышлял Сигурд, сын Сигмунда, пока ехал к опушке леса.

Настало время Вёльсунгу и его сыновьям исполнять обещание, данное конунгу Сиггейру. Оснастили они корабль и покинули землю, где стояли Бранстокские палаты. А высадившись на побережье страны, которой правил конунг Сиггейр, вытащили корабль на песок и расположились на ночлег, намереваясь прибыть в дом конунга при свете дня.

Но едва забрезжил рассвет, на корабль Вёльсунгов скользнула легкая женская тень, окутанная плащом. Хотя лицо женщины было скрыто капюшоном, Сигмунд, карауливший спящих, сразу понял, кто это.

— Сигню! — вскричал он.

И Сигню попросила его скорее разбудить отца и братьев, ибо Вёльсунгам готовится ловушка.

— Конунг Сиггейр поджидает вас с огромным войском, — сказала она. — Ему ненавистны все Вёльсунги, и родоначальник, и отпрыски, и он замышляет напасть на вас, отец мой и братья, и убить вас. Он мечтает завладеть Грамом, чудо-мечом Сигмунда. Поэтому я прошу вас, о Вёльсунги, спустите корабль на воду и плывите прочь из этого гнезда вероломства.

Однако Вёльсунг, ее отец, и слышать об этом не желал.

— Вёльсунги не бегут из страны, куда привели свой корабль, — заявил он. — Мы дали слово, все вместе и каждый в отдельности, навестить конунга Сиггейра, и мы его навестим. И если он негодяй, способный напасть на гостя, что ж, мы — непобедимые Вёльсунги, и мы будем сражаться с ним и его войском, и прикончим его, и заберем тебя назад в Бранстокские палаты. День разгорается, и нам пора выступать.

Сигню хотела бы поведать родным о неисчислимости войска, собранного конунгом Сиггейром, но она знала, что бесполезно говорить Вёльсунгам о неравенстве сил. Повесив голову, она молча побрела назад в палаты конунга Сиггейра.

Сиггейр догадался, что Сигню ходила предупредить отца и братьев. Он велел своим дружинникам попрятаться, а затем снарядил на корабль гонца с приветственным посланием.

Когда Вёльсунги сошли на берег, войско конунга Сиггейра окружило их и их дружину. Жестокой была битва, разыгравшаяся на берегу, и многие из свирепых воинов Сиггейра пали прежде бесстрашных сподвижников Вёльсунга. Но в конце концов сам Вёльсунг был заколот, а его одиннадцать сыновей взяты в плен. И могучий меч Грам был выбит из рук Сигмунда.

Всех плененных князей Вёльсунгов привели к конунгу Сиггейру в его палаты. Сиггейр захохотал, увидев их перед собою.

— Тут вам не Бранстокские палаты, где вы могли безнаказанно язвить меня черными взглядами и презрительными словами, — сказал он, — и вас ждет испытание потруднее, чем выдирать из деревяшки железку. До захода солнца вас искрошат вашим же мечом на мелкие кусочки.

Тогда присутствовавшая при сем Сигню поднялась с мертвенно-бледным лицом и расширившимися зрачками и произнесла:

— Я не молю продлить жизнь моим братьям, ибо прекрасно понимаю, что мои мольбы им не помогут. Но разве ты, Сиггейр, не знаешь поговорки «Любо оку, пока око видит»?

Сиггейр засмеялся недобрым смехом.

— Да, моя владычица, — сказал он, — любо оку, пока око видит мучения близких. Они не умрут мгновенно и все разом. Я позволю им налюбоваться друг на друга перед смертью.

И вот Сиггейр отдал новый приказ своим презренным приспешникам: повелел отвести одиннадцать братьев в лесную чащу и приковать цепями к самым толстым деревьям. Так и поступили с одиннадцатью сыновьями Вёльсунга.

Наутро преданный Сигню слуга вернулся с места расправы, и Сигню спросила его:

— Что сталось с моими братьями?

И преданный слуга ответил:

— Огромная волчица прибежала к прикованным героям и разорвала одного из них.

Когда Сигню услышала это, из глаз ее не хлынули слезы, только камень на сердце стал еще тяжелее. Она промолвила:

— Иди туда снова и посмотри, что случится дальше.

Преданный слуга вернулся на следующее утро и сказал:

— Волчица разорвала второго героя.

Сигню опять не уронила ни слезинки, только ей еще сильнее сдавило сердце.

И каждое утро являлся слуга с сообщением о гибели кого-то из братьев. В конце концов в живых остался только один — Сигмунд, самый младший.

Тогда молвила Сигню:

— Попробуем спасти последнего. Я придумала, что нужно сделать. Добудь пчелиного меда и вымажи им Сигмунду лицо.

Слуга исполнил приказание Сигню.

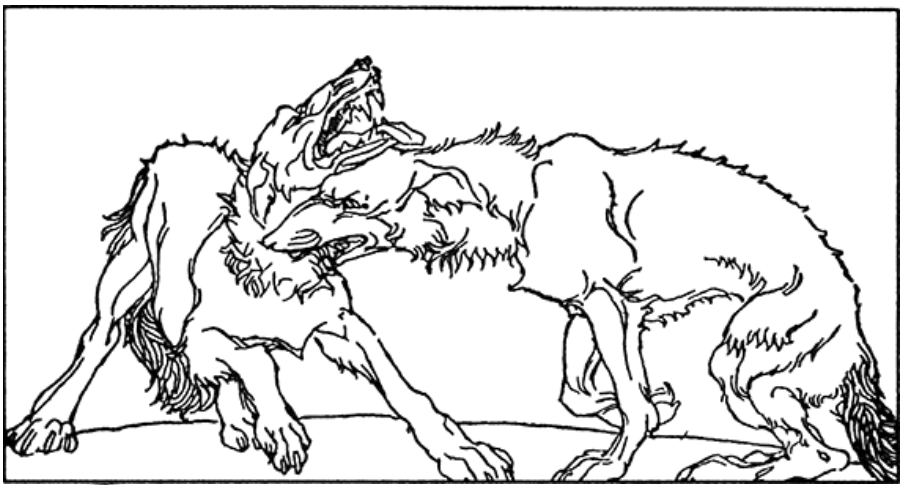
Опять огромная волчица прибежала по лесным тропам туда, где томился в цепях Сигмунд. Обнюхав его, она учуяла запах меда и высунула язык, чтобы облизать ему лицо. Тогда Сигмунд впился ей в язык своими крепкими зубами. Она рвалась и билась изо всей звериной мочи, но Сигмунд не разжимал зубов. Дерево, к которому он был прикован, не выдержало бешеной борьбы и рухнуло. Тогда Сигмунд вцепился руками в челюсти волчицы и разорвал ей пасть.

Преданный слуга все это видел и поспешил доложить Сигню. Жгучая радость пронзила ее, и она воскликнула:

— Один из Вёльсунгов жив, и возмездие обрушится на конунга Сиггейра и на дом его.

Слуга Сигню сумел выследить, где Сигмунд построил себе хижину, и часто носил весточки от Сигню к Сигмунду и обратно. Сигмунд стал промышлять охотой и разбоем, но никогда не покидал леса. И конунг Сиггейр не подозревал, что один из Вёльсунгов спасся и существует рядом с ним.

История Сигмунда и Синфьётли



Едучи лесными тропинками, Сигурд вспоминал все, что было известно по рассказам Хьёрдис, его матери, о жизни и смерти его отца Сигмунда. Сигмунд долго вел жизнь охотника и разбойника, но никогда не удалялся от леса, находившегося во владениях конунга Сиггейра. Часто он получал весточки от Сигню. Они двое, последние из Вёльсунгов, знали, что конунг Сиггейр и его дом должны понести наказание за расправу, которую он учинил над их отцом и братьями.

У них был уговор, что Сигню пришлет на подмогу Сигмунду своего сына. И однажды в его лесную хижину пришел мальчик лет десяти. Сигмунд понял, что это один из сыновей Сигню и она хочет, чтобы он воспитал из него воина, достойного рода Вёльсунгов.

Сигмунд едва взглянул на племянника. Он собирался на охоту и, сняв со стены копье, бросил на ходу:

— Вот мешок с мукой, малец. Замеси тесто и испеки хлеб. Когда я вернусь, мы с тобой поужинаем.

Возвратясь, он увидел, что хлеб не испечен, а мальчик стоит, испуганно вытаращившись на мешок с мукой.

— Ты не испек хлеб? — спросил Сигмунд.

— Нет, — пролепетал мальчик, — я побоялся подойти к мешку. В нем что-то шевелилось.

— Раз ты так пуглив, значит, у тебя сердце мыши. Ступай назад к матери и передай ей, что ты не Вёльсунг.

Так сказал Сигмунд, и мальчик ушел, всхлипывая.

Через год явился другой сын Сигню. Как и в первый раз, Сигмунд едва взглянул на ребенка и бросил через плечо:

— Вот мешок с мукой. Замеси тесто и испеки хлеб к моему приходу.

Когда Сигмунд вернулся, хлеб не был испечен, а мальчик сидел, забившись в угол, далеко от мешка.

— Ты не приготовил еду? — спросил Сигмунд.

— Нет, — отвечал мальчик, — что-то шевелилось в мешке, и я сробел.

— У тебя сердце мыши. Возвращайся к матери и передай ей, что ты не Вёльсунг.

И этот мальчик, как и его брат, ушел всхлипывая.

В то время у Сигню не было других сыновей. Но вот наконец у нее родился еще один сын — дитя отчаянной тоски. Когда он подрос, она и его послала к Сигмунду.

— Что сказала тебе твоя мать? — спросил мальчика Сигмунд, когда тот переступил порог его хижины.

— Ничего. Она пришила к моим ладоням рукавицы, а потом велела мне их снять.

— И ты снял?

— Да, вместе с кожей.

— И ты плакал?

— Вёльсунги не плачут из-за таких пустяков.

Долго смотрел Сигмунд на парнишку. Он был рослый, красивый и крепкий, с прямым и бесстрашным взглядом.

— Чем я могу тебе помочь? — спросил мальчик.

— Вот мешок с мукой, — сказал Сигмунд. — Замеси тесто и испеки хлеб к моему приходу.

Когда Сигмунд вернулся, хлеб лежал на углях.

— Что ты сделал с мукой? — спросил Сигмунд.

— Я ее размешал. В ней шевелилась какая-то гадина, но я ее перетер вместе с мукой, и теперь она жарится на углях.

Сигмунд рассмеялся и обнял мальчика.

— Мы не будем есть этот хлеб, — сказал он. — Ты запек в него ядовитую змею.

Парнишку звали Синфьётли. Сигмунд обучал его охотничьим и разбойничьим хитростям. Вдвоем они подстерегали на дорогах дружинников конунга и убивали их. Мальчик был беспощаден, но ни разу не произнес он ни слова лжи.

Однажды во время охоты Сигмунд и Синфьётли наткнулись в темной чаще на странный дом. Войдя внутрь, они обнаружили там двух спящих глубоким сном мужей. На запястьях у них сверкали тяжелые золотые браслеты, и Сигмунд понял, что в их

жилах течет кровь конунгов.

Рядом со спящими, словно сброшенная второпях одежда, валялись волчьи шкуры, и Сигмунд догадался, что эти двое — оборотни, предстающие то людьми, то волками.

Сигмунд и Синфьётли натянули шкуры, скинутые оборотнями, и тотчас превратились в волков. И стали они в волчьем обличье рыскать по лесам, нападая на приспешников конунга Сиггейра и режа их без счету.

Как-то раз Сигмунд сказал Синфьётли:

— Ты еще молод, и я не хочу, чтобы ты подвергал себя слишком большой опасности. Если ты встретишь отряд из семерых человек, сразись с ними. Если же встретишь более многочисленный отряд, призови меня на помощь волчьим воем.

Синфьётли обещал исполнить его просьбу.

Однажды, когда Сигмунд шнырял волком по лесу, вынюхивая дичь, его звериный слух уловил отдаленный шум отчаянной борьбы. Он насторожил уши, прислушиваясь, не раздастся ли зов Синфьётли. Но зова не было. Тогда Сигмунд помчался через заросли туда, откуда донеслись встревожившие его звуки. По пути ему попалось одиннадцать изувеченных трупов. Под конец он наскочил на Синфьётли, который лежал в кустах в своей волчьей шкуре, тяжело дыша после боя.

— Ты сражался с одиннадцатью вооруженными воинами. Почему ты не позвал меня? — сказал Сигмунд.

— Зачем мне было тебя звать? Я не настолько слаб, чтобы не одолеть одиннадцать человечков.

Этот ответ разозлил Сигмунда. Он посмотрел на раскинувшегося Синфьётли, и хищная волчья натура, заключенная в шкуре, взяла над ним верх. Он прыгнул на Синфьётли и вонзил клыки ему в горло.

Синфьётли захрипел и забился в предсмертных судорогах. И Сигмунд, зная убийственную хватку своих челюстей, излил свое горе в заунывном вое.

Потом, когда он облизывал лицо дорогого родича и друга, его внимание привлекли два дерущихся горностая. Один вцепился другому зубами в глотку и повалил его, бездыханного, на землю. Сигмунд наблюдал за схваткой и видел ее исход. Но горностай-убийца тут же побежал куда-то, вернулся с листьями неизвестной Сигмунду травы и положил их на рану своего товарища. Рана мгновенно затянулась, и укушенный горностай вскочил как ни в чем не бывало.

Сигмунд пошел искать траву, которой горностай исцелил своего собрата. Оглядываясь по сторонам, он заметил ворона с листком в клюве. Когда Сигмунд приблизился к нему, ворон

уронил листок, и — о, диво! — это оказался лист той самой травы, которую принес горностай. Сигмунд взял его и приложил к разорванной шее Синфьётли. Рана закрылась, и Синфьётли снова был здоров. Друзья возвратились в свою лесную хижину, а на другой день сожгли волчьи шкуры и помолились богам, чтобы никогда больше не вселялась в них злобная натура хищников. И отныне Сигмунд и Синфьетли уже не меняли своих обличий.

Месть Вёльсунгов и смерть Синфьётли

Но вот Синфьётли возмужал, и настало время отомстить конунгу Сиггейру за то, что он убил Вёльсунга и обрек страшной погибели десять его сыновей. Сигмунд и Синфьётли надели шлемы, вооружились мечами и прокрались в палаты конунга Сиггейра. Они нырнули за бочки с пивом, нагроможденные у входа, и затаились там в ожидании минуты, когда уйдет стража и можно будет напасть врасплох на конунга Сиггейра и его домочадцев.

Младшие дети конунга играли в главной зале, и вот один из них ненароком закатил мяч за бочонки с пивом. Забежав за них, ребенок увидал двух скрючившихся мужчин в шлемах и с мечами.

Малыш сказал об этом слуге, а слуга — конунгу. Тогда Сиггейр встал, подозвал стражников и велел им схватить людей, укрывшихся за бочонками. Сигмунд и Синфьётли вскочили на ноги и вступили в бой с воинами конунга Сиггейра, но были обезоружены и схвачены.

Закон запрещал казнить пленников после заката, поэтому расправу над ними пришлось отложить. Но конунг Сиггейр не хотел оставлять их на земле; он приказал кинуть обоих в яму, а сверху насыпать курган, чтобы похоронить их заживо.

Так и сделали. Яму разделили пополам огромной каменной плитой, чтобы каждый из погребенных слышал, как бьется его сосед, но не мог ему помочь. Воля конунга была исполнена в

точности.

Но когда рабы-трэли заваливали яму, среди них явилась хрупкая фигура в плаще с глубоким капюшоном и уронила туда, где лежал Синфьётли, что-то завернутое в солому. И когда дерн и земля заслонили от узников небо, Синфьётли крикнул Сигмунду:

— Я не умру, потому что государыня бросила мне кусок мяса, завернутый в солому.

Немного погодя Синфьётли опять крикнул Сигмунду:

— Государыня вложила в мясо меч. Могучий меч. Я почти уверен, что это Грам, о котором ты мне говорил.

— Если это Грам, — отозвался Сигмунд, — то он сможет прорезать плиту. Попробуй воткнуть острие в камень.

Синфьётли попробовал, и острие прошло насквозь. Тогда пленники взялись за меч каждый со своей стороны и распилили плиту надвое. Потом сообща легко сбросили дерн и землю и наконец очутились под вольным небом.

Прямо перед ними возвышались палаты конунга Сиггейра. Друзья натаскали сушняка, навалили вокруг конунговых палат и подожгли. Огонь перекинулся на дом. Тогда в дверях показался конунг Сиггейр и закричал:

— Кто посмел подпалить жилище конунга?

И Сигмунд ответил:

— Я, Сигмунд, сын Вёльсунга, дабы отомстить тебе за злодейское убийство Вёльсунгов.

Увидев Сигмунда с Грамом, богатырским мечом, Сиггейр скрылся в доме. На его месте возникла Сигню, мертвенно-бледная, с отрешенным взглядом. Сигмунд позвал ее:

— Сюда, сюда! Это я, Сигмунд. Беги из пылающего дома Сиггейра, и мы вместе вернемся в Бранстокские палаты.

Но Сигню молвила:

— Все кончено. Возмездие свершилось, и меня больше ничто не удерживает в жизни. Ты продолжишь род Вёльсунгов, брат мой, и в этом мое утешение. Без радости выходила я за конунга Сиггейра, и без радости я жила с ним, но с радостью умру с ним рядом.

Она исчезла в дыму. Пламя объяло конунговы палаты, и все, находившиеся внутри, сгорели. Так были отмщены Вёльсунги.

Сигурд, едучи лесными тропами, размышлял об этом деянии Сигмунда, своего отца, и юного Синфьётли, своего родича, и о том, что случилось с ними впоследствии.

Сигмунд и Синфьётли покинули земли конунга Сиггейра и возвратились в страну, где стояли Бранстокские палаты. Сигмунд стал великим конунгом, а Синфьётли — вождем его дружины.

А дальше было так. Сигмунд женился на женщине по имени Боргхильд, брат которой любил ту же девушку, что и Синфьётли. Юноши сошлись в честном поединке, и Синфьётли сразил брата Боргхильд наповал.

Чтобы примирить его с государыней и как-то возместить ей ее утрату, Сигмунд дал Боргхильд увесистый слиток золота. Жена конунга взяла его и проговорила:

— Вот как, оказывается, ценятся достоинства моего брата! Не будем больше упоминать о его гибели.

И она пригласила Синфьётли в Бранстокские палаты. Но, хотя Боргхильд ни словом, ни жестом не выдала вспыхнувшей в ней ненависти, она задалась целью извести мужнина любимца.

Той ночью в Бранстокских палатах был пир, и супруга конунга Боргхильд обносила гостей хмельным медом. Она подошла к Синфьётли и протянула ему рог.

— Прими этот напиток из моих рук, о друг Сигмунда, — произнесла она.

Но Синфьётли прозрел в ее глазах смерть и сказал:

— Я не буду пить из этого рога. В питье яд.

Чтобы прекратить насмешки, которыми Боргхильд принялась осыпать Синфьётли, Сигмунд, стоявший рядом, взял у жены рог. Никакой яд и никакая отрава на него не действовали. Он поднес рог к губам и осушил одним духом. Государыня сказала Синфьётли:

— Даже пить за тебя должен кто-то другой?

Чуть позже Боргхильд снова подошла к Синфьётли с рогом, полным меда, и снова предложила ему угоститься, но, посмотрев в ее глаза, он прочел в них жгучую вражду.

— В питье яд, — сказал он. — Я не приму его.

И опять Сигмунд взял рог и опростал его одним духом. И опять государыня посмеялась над Синфьётли.

В третий раз она подошла к юноше и, прежде чем поднести ему рог, сказала:

— Вот тот, кто боится выпить как мужчина! Разве в нем бьется сердце Вёльсунга?

Синфьётли видел ненависть в глазах Боргхильд, и даже ее издевка не могла заставить его принять мед. Как и прежде, Сигмунд стоял рядом. Но ему надоело поднимать и опрокидывать рог, и он шепнул Синфьётли:

— Промочи-ка усы.

Синфьётли подумал, что Сигмунд хочет, чтобы он в конце-то концов выпил мед и перестал вносить раздор в его семью. Но Сигмунд имел в виду совсем другое. Он хотел, чтобы Синфьётли притворился, будто пьет, и дал меду стечь по усам на пол. Не

поняв друга, Синфьётли взял у государыни рог, поднес его к губам и опорожнил. И только он это сделал, как яд, растворенный в питье, проник в его сердце и он упал мертвый на пол Бранстокских палат.

О, как горевал Сигмунд о своем родиче и друге. Никому не позволив прикоснуться к телу, он на собственных руках понес Синфьётли через лес к морю. На берегу его внимание привлек необычайно высокий старик, вытаскивающий на песок лодку.

— Я возьму твою ношу, — сказал старик.

Сигмунд положил тело Синфьётли в лодку, намереваясь занять место рядом с ним. Но не успел он и глазом моргнуть, как судно отчалило от берега без паруса и весел. Сигмунд, провожая взглядом старика, стоявшего на корме, понял, что это не смертный, а Один Всеотец, даритель меча Грама.

Сигмунд вернулся в свои палаты. Супруга его вскорости умерла, и тогда он женился на Хьёрдис, которая зачала Сигурда. И теперь Сигурд Вёльсунг, сын Сигмунда и Хьёрдис, ехал лесными тропами с мечом Грамом на поясе и в золотом шлеме из драконьего клада на золотых волосах.

Брюнхильд в Огненном чертоге

Лесные тропы вели его вверх по склону горы. Наконец он достиг горной вершины Хиндарфьялль, открытой небу и всем ветрам. Там возвышался Огненный чертог. Сигурд различил его высокие черные стены, окруженные огненным кольцом.

Подъехав ближе, он услыхал рев бушующего пламени. Сидя верхом на Грани, своем гордом скакуне, он долго созерцал черные стены и бешено пляшущее вокруг них пламя.

Затем он послал Грани вперед. Любой другой конь уперся бы, но не потомок Слейпнира. Он маханул прямо в огонь и пронес сквозь него своего бесстрашного седока.

И вот они очутились во дворе чертога. Там не было ни людей, ни собак, ни лошадей. Сигурд спешился и, приказав Грани стоять смирно, толкнул дверь. За нею ему открылась просторная палата, обтянутая цельным гобеленом с переходившим со стены на стену изображением огромного дерева, дерева с тремя корнями. На ложе посреди палаты покоился погруженный в глубокий сон воин в полном боевом облачении. Сигурд снял шлем с головы спящего, и по ложу рассыпались дивные, сверкающие женские волосы. То была дева, о которой поведали ему птицы.

Сигурд рассек мечом пряжки ее нагрудника и долго, долго смотрел на девушку. Прекрасно было ее лицо, но сурово, как лицо того, кто покоряет, но не покоряется. Прекрасны и сильны

были ее руки и плечи. Гордым был изгиб ее губ и дерзким — разлет бровей над сомкнутыми веками.

Девушка открыла глаза, и взгляд ее остановился на Сигурде.

— Кто ты, пробудивший меня? — спросила она.

— Я — Сигурд, сын Сигмунда, из рода Вёльсунгов, — ответил он.

— И ты проскакал сквозь огненное кольцо?

— Да, я это сделал.

Она встала на колени на своем ложе и простерла руки туда, откуда лился свет.

— Приветствую тебя, день! — воскликнула она. — И вас, сыны дня, солнечные лучи! И тебя, ночь с дщерью твоей! Взгляните на нас благостным взором! Приветствую вас, асы и асини! И вас, просторы широкие Мидгарда! Даруйте нам мудрость, и мудрую речь, и силу врачующую и отвратите от нас ложь и бесчестье!

Очи девушки были огромны. Казалось, они вобрали в себя всю синеву мира: синеву цветов, синеву небес и синеву боевых клинков. Она обратила эти огромные очи на Сигурда и сказала:

— Я Брюнхильд, некогда валькирия, а теперь обычная женщина, которой суждено изведать смерть и все земные печали. Но меня не должны коснуться ложь и бесчестье.

Она была самая мудрая, самая храбрая и самая прекрасная из дев. Сигурд знал, что это так. Он положил к ее ногам свой меч Грам, и произнес ее имя: «Брюнхильд», и поведал ей о том, как заколол дракона и как узнал о ней из разговора птиц. Она поднялась с ложа и подобрала свои чудные волосы. С благоговейным трепетом Сигурд наблюдал за ней. Ее поступь была так легка, что казалось, будто она парит над землей.

Они сели рядом, и Брюнхильд открыла ему чудесные тайны. Она рассказала ему о том, как Один послал ее из Асгарда на землю выбирать героев для чертога Вальхалла и определять исход сражений, и о том, как она ослушалась Всеотца и была изгнана из Асгарда. И еще она рассказала, как Один вонзил в ее плоть шип древа сна, чтобы она спала, пока храбрейший из смертных не извлечет этот шип, сломав пряжки ее нагрудника.

— Всеотец обещал мне, — говорила она, — что в моей земной жизни я выйду замуж лишь за того, кто храбрее всех в мире. А чтобы никто другой ко мне не приблизился, Всеотец окружил чертог, где я спала, огненным кольцом. И ты, Сигурд, сын Сигмунда, пришел ко мне. Ты самый храбрый и, думаю, самый прекрасный юноша на свете, подобный Тюру, богу-меченосцу.

Она сказала, что предназначена тому, кто проскачет сквозь огонь и потребует ее в жены.

За нежной беседой час пролетал за часом. Вдруг Сигурд услышал нетерпеливое ржание Грани и воскликнул, обращаясь к Брюнхильд:

— Позволь мне оторваться от твоего дивного взора! Я должен завоевать себе величайшее в мире имя, ведь пока еще мое имя не гремит так, как гремели имена моего отца и отца моего отца. Я победил конунга Люгни и прикончил дракона Фафнира, но этого мало. Я добьюсь величайшей славы, каким бы тернистым ни оказался путь к ней. Потом я вернусь к тебе в Огненный чертог.

Брюнхильд сказала ему:

— Ты говоришь хорошо. Добейся славы, каким бы тернистым ни оказался путь к ней. Я же буду ждать тебя, зная, что никто, кроме Сигурда, не сможет проникнуть сквозь огонь, защищающий мое жилище.

Они долго молча смотрели друг на друга. А на прощанье взялись за руки и поклялись, что не отдадут свою любовь никому другому. И в знак нерушимости их союза Сигурд снял со своего пальца кольцо и надел его на палец Брюнхильд — это было кольцо карлика Андвари.

Сигурд у Нибелунгов

Он спустился с вершины Хиндарфьялль и попал в страну, где правил род Нибелунгов, почти столь же знаменитый, как род Вёльсунгов, к которому принадлежал Сигурд. Конунгом в той стране сидел Гьюки.

Гьюки, его жена и все их сыновья с радостью приняли Сигурда, ведь стоило взглянуть на него, как становилось ясно: у этого юноши великое будущее. И Сигурд отправился воевать плечом к плечу с сыновьями конунга, Гуннаром и Хёгни, и все трое прославили свои имена, но имя Сигурда воссияло, как солнце, затмевая иные светила.

По случаю их возвращения с войны в палатах Гьюки были устроены грандиозные празднества, и сердце Сигурда билось в унисон с сердцами всех Нибелунгов. Он так сдружился с сыновьями конунга, Гуннаром и Хёгни, что побратался с ними и стал им названым братом. А у конунга Гьюки был еще пасынок по имени Готторм, не присоединившийся к братскому союзу трех юношей.

Сигурд провел в доме Нибелунгов целую зиму. Его душа рвалась к Брюнхильд, им владело одно желание — поехать в Огненный чертог и увезти ее с собой в ту землю, которую конунг Гьюки обещал ему подарить. Но его побратимы еще нуждались в помощи, и он не мог их покинуть.

Однажды, проезжая по лесу, он услышал, как

переговариваются птицы, и понял их речь. Одна сказала:

— Вот Сигурд, который носит чудесный шлем из клада Фафнира.

И другая птица сказала:

— Он не знает, что с помощью этого шлема может менять свой облик и превращаться в любого зверя или человека.

А третья птица прибавила:

— Он и не догадывается, что в шлеме скрыта волшебная сила.

Сигурд вернулся в палаты Нибелунгов и за ужином поведал им о разговоре птиц и показал свой чудесный шлем. Рассказал он и о том, как убил дракона Фафнира и завладел несметными сокровищами. Названые братья от чистого сердца поздравили Сигурда с таким богатством.

Однако драгоценнее всех сокровищ и чудеснее шлема была для юноши память о Брюнхильд — истинное его богатство. Но об этом он не обмолвился ни словом.

Супруга конунга звалась Гримхильд и была матерью Гуннара, Хёгни и их единоутробного брата Готторма, а еще она и конунг имели единственную дочь по имени Гудрун. Гримхильд была очень мудра и тотчас поняла, что Сигурд величайший в мире воин. Ей хотелось, чтобы с Нибелунгами его связывали не только братские клятвы, которыми он обменялся с Гуннаром и Хёгни, но и иные обеты. Когда же она услышала о принадлежащем ему огромном кладе, ее желание породниться с ним еще возросло. Она посмотрела на золотой шлем и на массивный браслет, украшавший его запястье, и задалась целью во что бы то ни стало женить Сигурда на Гудрун, своей дочери. Но ни Сигурд, ни девушка даже не подозревали о намерении Гримхильд.

А государыня, пристально наблюдая за Сигурдом, догадалась, что в его душе живет какой-то образ, заслоняющий от него красоту Гудрун. Она была сведуща в заклинаниях и тайных зельях (Гримхильд была из рода Боргхильд, чье питье сгубило Синфьётли) и могла приготовить отвар, способный вытравить любые воспоминания.

И Гримхильд сварила такое питье и однажды вечером, когда Нибелунги пировали в своих палатах, велела Гудрун поднести его Сигурду.

Сигурд взял кубок из рук прелестной дочери Нибелунгов, а осушив его, долго стоял среди пирующих, будто в глубоком сне. Потом, будто во сне, удалился в свои покои и весь следующий день был молчалив и рассеян. Когда он скакал по полям вместе с Гуннаром и Хёгни, они спросили его:

— Что ты потерял, брат?

Сигурд не мог ответить. Но потерял он память о валькирии Брюнхильд и Огненном чертоге.

Тогда он словно впервые увидел Гудрун. Мягкими были длинные пряди ее волос, нежными — ее руки. Ее глаза напоминали лесные цветы, и стыдливостью дышали ее движения и речи. И все же у нее была горделивая осанка, подобающая княжне, которая войдет хозяйкой в дом конунга. А Гудрун влюбилась в Сигурда с первого взгляда, когда он в золотом шлеме на золотых волосах возник перед ее окном на гордом скакуне Грани.

Весной, когда дикие лебеди прилетели на озеро, Гудрун спустилась на берег посмотреть, как они строят гнезда. В это время Сигурд верхом на Грани ехал через сосновый бор. Он увидел девушку, и от ее красоты все вокруг словно преобразилось. Он сдержал коня и стал слушать, как она поет диким лебедям песню, которую сочинил Вёлюнд для Альбит, своей невесты-лебедушки.

И сердце Сигурда вновь наполнилось воспоминаниями — воспоминаниями о Гудрун, какой она явилась ему у озера, где дикие лебеди строили свои гнезда. Теперь он наблюдал за ней постоянно: и когда она вышивала, сидя в палатах подле матери, и когда она прислуживала отцу и братьям, и нежность к девушке росла в его душе.

И вот пришел день, когда он попросил у Гуннара и Хёгни, своих названых братьев, руки Гудрун. Радости их не было предела. Они повели его к Гьюки, могущественному государю, и Гримхильд, мудрой государыне. Казалось, конунг и его супруга сбросили с плеч груз печалей и забот и помолодели духом и телом, так торжествовали они, что Сигурд входит в семью Нибелунгов мужем Гудрун.

Узнав, что Сигурд посватался к ней, Гудрун сказала государыне:

— О матушка, без твоих мудрых наставлений мне не справиться с таким счастьем. Как я могу признаться ему в своей пылкой любви? Я постараюсь сдерживать ее, а то он, чего доброго, подумает, что я только и способна что целоваться да миловаться. Великому герою не нужна такая жена. Я буду вести себя с ним как дева-воительница.

Сигурд и Гудрун сочетались браком, и вся страна, которой правили Нибелунги, ликовала вместе с ними. А Гримхильд, хоть и знала, что ее зелье будет действовать только до поры до времени, все же надеялась, что в сердце Сигурда, полном любовью к Гудрун, не найдется места старым воспоминаниям.

Как Брюнхильд была завоевана для Гуннара

Теперь, женившись на Гудрун, Сигурд стал одним из Нибелунгов. Клад, хранившийся в пещере Фафнира, он перевез в их сокровищницу, а потом побывал во владениях своего приемного отца и повидался с конунгом Альбом и своей матерью Хьёрдис. Но он не помнил ни об Огненном чертоге, ни о Брюнхильд, которая ждала его там.

Конунг Гьюки умер, и на престол взошел Гуннар. Его мать мечтала, чтобы он женился, но Гуннар отговаривался тем, что пока не встречал девушки, которую захотел бы взять в жены.

Однако наедине с Сигурдом Гуннар часто заводил речь о далекой деве, смущавшей его покой. В конце концов Сигурд допытался, что это та девушка, которую воспели мудрейшие из поэтов, девушка по имени Брюнхильд, ждущая героя в чертоге, окруженном огненным кольцом.

Сигурда позабавило, что его благоразумный брат обольщен тою, о которой знает лишь понаслышке. Но коль скоро он очарован повестью о деве, отчего бы ему не отправиться в Огненный чертог и не жениться на ней? Так сказал Сигурд. Тогда Гуннар приблизил губы к его уху и спросил, не поможет ли Сигурд завоевать ее? И Сигурд сжал руку Гуннара и поклялся, что поможет.

И вот они втроем отправились на Хиндарфьялль — Гуннар,

Хёгни и Сигурд. Они ехали и ехали, пока не выросли перед ними черные стены, окруженные бушующим пламенем. Ничто не напомнило Сигурду, что когда-то он уже побывал здесь. Гуннар, с каменным лицом, озаренным отсветом внутреннего пожара, пришпорил коня, чтобы промчаться сквозь огонь. Но Готи, его резвый скакун, стоял как вкопанный, и никакими понуканиями не удавалось сдвинуть его с места. Тогда Гуннар решил испытать Грани, коня Сигурда. Он тотчас вскочил на него и понесся к чертогу. Но Грани, почуяв, что всадник дрожит, взвился на дыбы перед огненной преградой. Лишь с Сигурдом в седле соглашался Грани ее преодолеть.

Это заставило трех побратимов призадуматься. Они долго совещались, и наконец Хёгни Премудрый сказал:

— Есть только один способ завоевать Брюнхильд. С помощью волшебного шлема Сигурд должен поменяться обличьем с Гуннаром и вместо него проскакать на Грани сквозь пламя и вывезти Брюнхильд.

Так сказал Хёгни Премудрый. А Сигурд, тронутый умоляющим взглядом названого брата, согласился. И вот с помощью колдовской силы своего шлема он поменялся обличьем с Гуннаром, а затем вскочил на Грани и помчался к огненному кольцу. И Грани, чуя, что тот, кто сидит на нем, не ведает страха, пронес его сквозь бурное пламя. Так Сигурд вновь очутился во дворе Огненного чертога. Там он спешился и приказал Грани ждать.

Когда он вошел в чертог, его взору предстала дева с луком в руках, целящаяся в мишень. Она повернулась к нему, и он увидел прекрасное суровое лицо, обрамленное завитками дивных сверкающих волос, с глазами подобными отражению звезд в морской глади. Он подумал, что стрела сейчас полетит в него. Но ошибся. Брюнхильд опустила лук и пошла к нему своей легкой поступью, будто не касаясь ногами земли. Приблизившись, она странно вскрикнула.

— Кто ты? — произнесла она. — Кто ты, проникший ко мне сквозь стену пылающего огня?

— Гуннар, сын Гьюки, из рода Нибелунгов, — сказал Сигурд.

— Ты самый храбрый в мире? — вопросила она.

— Я проскакал ради тебя сквозь жестокое пламя, — ответил Сигурд.

— Прошедший сквозь жестокое пламя может требовать меня в жены, — молвила Брюнхильд. — Так написано в рунах, и так должно быть. Но я думала, что лишь один способен на это. — Она испепелила юношу взглядом. — Я буду сражаться с тобой, как воин с воином! — вскричала она и, обхватив Сигурда своими

могучими руками, попыталась его повалить.

Они стали бороться, но оба были так сильны, что ни один не мог одолеть другого. Так они боролись — Сигурд, первый из героев, и Брюнхильд, валькирия. В пылу борьбы Сигурд заломил деве руку. На ее пальце сверкнуло кольцо, и Сигурд сорвал его. Сорвал кольцо Андвари, свой собственный обручальный дар. И как только Сигурд проделал это, Брюнхильд упала на колени, будто сраженная внезапной немощью.

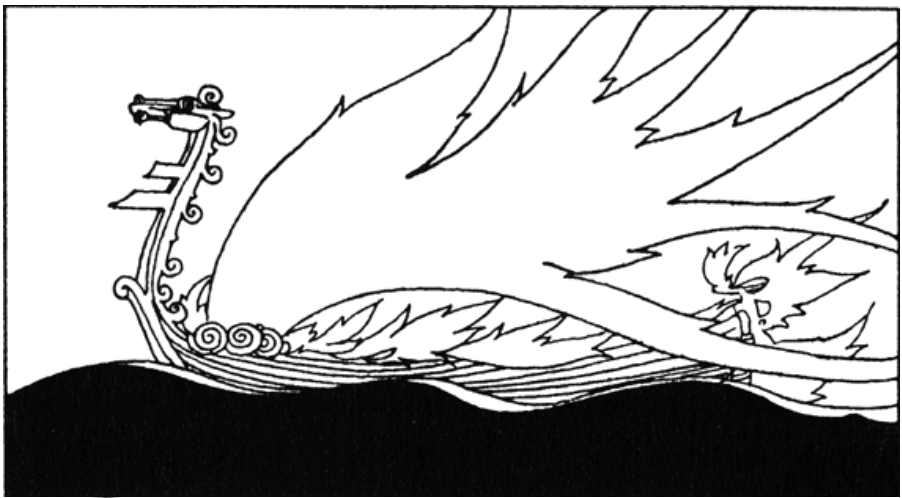
Тогда Сигурд подхватил ее на руки и понес туда, где оставил Грани, своего коня. Он положил девушку поперек седла и, сев позади нее, вывез за огненную стену. Там ждали Хёгни и Гуннар, Гуннар в обличье Сигурда. Брюнхильд прятала лицо в ладонях, не желая ни на кого смотреть. Обернувшись самим собой, Сигурд поскакал впереди Гуннара и Хёгни в палаты Нибелунгов.

Войдя, он увидел свою жену Гудрун, играющую с их маленьким сыном Сигмундом. Сигурд сел рядом и рассказал ей обо всем, что случилось: как он во имя братства завоевал для Гуннара валькирию Брюнхильд, и как он бился с нею, и победил ее, и снял с ее пальца кольцо, которое теперь было у него на руке.

И пока Сигурд говорил все это, туман, которым окутало его память зелье, сваренное матерью Гудрун, начал рассеиваться, и забрезжило в его мозгу смутное воспоминание о том, как он побывал в Огненном чертоге задолго до нынешнего дня и как проскакал сквозь огненную стену в собственном обличье. И опять, как в ту ночь, когда он выпил напиток забвения, его будто сковал сон. Он стоял, глядя на играющее дитя и на вышивающую жену, а мысли его витали далеко.

И тут в палаты Нибелунгов вошли Гуннар и Хёгни, ведя за собой Брюнхильд. Гудрун поднялась навстречу той, что вступила в дом как невеста ее брата. Сигурд посмотрел на Брюнхильд и вспомнил все. И тогда из его груди вырвался такой могучий вздох, что лопнули пряжки брони, в которую он был закован.

Смерть Сигурда



Однажды Брюнхильд, царственная супруга конунга Гуннара, купалась в реке с женой Сигурда. Не часто оказывались они вместе. Брюнхильд была надменнейшей из женщин и при каждом удобном случае давала Гудрун понять, что та ей не ровня. И вот, когда они купались, Гудрун, отряхивая волосы, уронила на Брюнхильд несколько капель. Брюнхильд пошла от нее прочь вверх по реке. А жена Сигурда, не догадываясь, что Брюнхильд гневается на нее, поспешила следом.

— Зачем ты уходишь так далеко? — спросила Гудрун.

— Чтобы ты не отряхивала на меня свои волосы, — ответила Брюнхильд.

Гудрун остановилась, а Брюнхильд продолжала идти против течения в гордом одиночестве, для которого она, казалось, была создана.

— Почему ты так говоришь со мной, сестра? — вскричала Гудрун.

Ей вспомнилось, что с самого начала Брюнхильд держалась с ней высокомерно и разговаривала резко и неприветливо. Но она не могла взять в толк, почему.

А объяснялось это тем, что Брюнхильд узнала в Сигурде героя, который первым проскакал сквозь пламень и извлек из ее плоти шип древа сна, разрубив пряжки железного нагрудника. Ему, пробудившему ее к земной жизни, подарила она свою

любовь. А он, как она думала, легко забыл о ней, отдав свою любовь другой девушке. И Брюнхильд, с ее гордостью валькирии, была глубоко уязвлена.

— Почему ты так говоришь со мной, Брюнхильд? — спросила Гудрун.

— Негоже, чтоб брызги с твоих волос попадали на ту, которая настолько выше тебя, на ту, кого конунг Гуннар выбрал себе в жены, — ответила Брюнхильд.

— Ты супруга конунга, но конунг не превосходит моего повелителя доблестью, — сказала Гудрун.

— Гуннар превосходит всех. Как ты можешь равнять с ним Сигурда? — молвила Брюнхильд.

— Он убил дракона Фафнира и завладел его кладом, — сказала Гудрун.

— Гуннар проскакал сквозь огненную стену. Разве ты станешь утверждать, будто Сигурд совершил что-нибудь подобное? — воскликнула Брюнхильд.

— Да! — вспылила Гудрун. — Сквозь огненную стену проскакал вовсе не Гуннар, а Сигурд в обличье Гуннара. И он снял кольцо с твоего пальца. Гляди, оно теперь у меня.

И Гудрун протянула руку, на которой блистало кольцо Андвари. Тогда Брюнхильд поняла, что Гудрун говорит правду. Сигурд преодолел огненную преграду как в первый, так и во второй раз. Он боролся с ней и сорвал с ее руки кольцо, он презрел ее настолько, что взял невестой не для себя, а для другого.

Ее завоевали хитростью. Она, валькирия Одина, вышла замуж не за величайшего в мире героя, она, которой не могла коснуться ложь, была обманута. Брюнхильд промолчала, и вся гордость, заключенная в ней, обратилась в ненависть к Сигурду.

Она пошла к Гуннару, своему супругу, и заявила ему, что так велик ее позор, что никогда больше не знать ей покоя в его доме и никогда больше ему не видеть ее ни пьющей вино, ни вышивающей золотыми нитками, ни ведущей дружескую беседу. Проговорив все это, она порвала полотно, которое ткала, и огласила палаты такими громкими стенаниями, что все услышали их и поразились тому, как рыдает гордая государыня.

Тогда Сигурд предложил ей во искупление своей вины весь клад Фафнира. Он рассказал, как потерял память о ней, и умолял простить его за то, что завоевал ее обманом. Но Брюнхильд ответила:

— Слишком поздно ты явился ко мне, Сигурд. В моем сердце уже нет ничего, кроме великого гнева.

Оставшись наедине с Гуннаром, она пообещала ему простить

его и любить, как никогда прежде, если он убьет Сигурда. Но хотя Гуннар страстно желал любви Брюнхильд, он отказался, потому что Сигурд был его названым братом.

Тогда она отправилась к Хёгни и попросила его убить Сигурда, якобы затем, чтобы весь клад Фафнира достался Нибелунгам. Но Хёгни тоже отказался, потому что Сигурд и он были побратимами.

Но один из Нибелунгов не побратался с Сигурдом. Это был Готторм, единоутробный брат Гуннара и Хёгни. Брюнхильд пошла к нему. Готторм тоже не хотел убивать Сигурда, но Брюнхильд поняла, что он слаб волей и податлив рассудком. Значит, Готторма она и использует для убийства Сигурда. Про себя Брюнхильд твердо решила, что и он и она должны покинуть мир людей.

Смешав змеиный яд с волчьим мясом, она приготовила для Готторма кушанье безумия, и когда Готторм съел это кушанье, рассудок его помрачился, и он внял речам Брюнхильд. А она велела ему идти в спальню Сигурда и вонзить в него меч.

Готторм так и поступил. Но Сигурд, прежде чем испустить последний вздох, бросил Грам, свой богатырский меч, вслед Готторму и разрубил его пополам.

Брюнхильд же, зная, какое дело свершилось, побежала туда, где стоял Грани, гордый скакун Сигурда. Она обвила руками шею Грани, и так они застыли — валькирия и конь, рожденный от коня Одина. Грани настороженно ловил ухом какой-то звук. Он услыхал причитания Гудрун над Сигурдом, и сердце его разорвалось.

Сигурда вынесли из палат, и, подойдя к его ложу, Брюнхильд взяла меч и всадила себе в сердце. Так умерла Брюнхильд, превращенная в смертную женщину за неповиновение Одину и ставшая жертвой обмана.

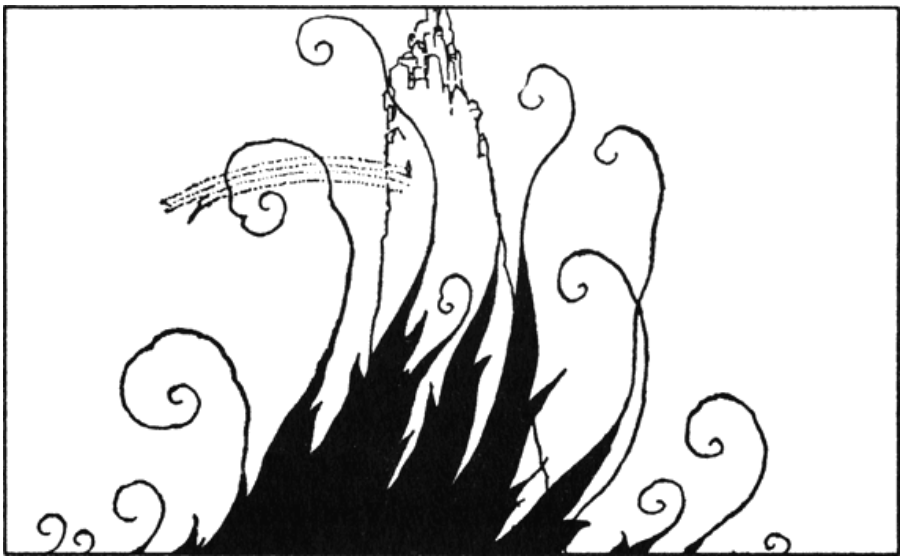
Сигурда, его коня Грани, его шлем и золотые латы положили на огромную расписную ладью. И, конечно, Брюнхильд тоже положили рядом с Сигурдом, Брюнхильд с дивными волосами и суровым прекрасным лицом. Их оставили там вдвоем, столкнули ладью в море и подожгли, и пламя вновь окружило Брюнхильд.

Так Сигурд и Брюнхильд вместе отправились в обитель Хель, чтобы присоединиться к Бальдру и Нанне.

Гуннар и Хёгни ужаснулись злу, какое таил в себе клад. Они перенесли сверкающую, искрящуюся груду к реке, возле которой много веков назад стояла кузница Хрейдмара и находился грот карлика Андвари. С островка посреди реки сбросили они золото и драгоценные камни в воду, и клад Андвари навеки скрылся в

пучине. Сокровище вернулось к речным девам. Но недолго оставалось им стеречь его и петь над ним, потому что великанская зима Фимбульветер надвигалась на землю и близился день Рагнарёка, гибели богов.

Гибель богов



Снег падал на четыре стороны света. Ледяные ветры носились по земле. Солнце и луну заволокло мглой. Не наступала весна, не приходило лето, осень не приносила ни плодов, ни злаков, и зима опять перерастала в зиму.

Было три зимы, длившиеся три года. Первая называлась Зимой Ветров: ураганы свирепствовали, снег валил не переставая, и мороз стоял лютый. Много детей человеческих погибло в ту страшную зиму.

Вторая зима называлась Зимой Меча: оставшиеся в живых принялись грабить и убивать ради крохи пищи; брат поднимал руку на брата, и по всему миру кипели великие войны.

А третья зима называлась Зимой Волка. Тогда древняя колдунья, обитавшая в Ярнвиде, железном лесу, вскормила волка Манагарма трупами павших в бою и непогребенных людей. Огромным и могучим вырос волк, который должен был проглотить Мани, луну. И настал день, когда эйнхерии, пирующие в Вальхалле, увидели, что их скамьи забрызганы кровью, капавшей с его клыков. Это был знак богам, что близок час последней битвы.

И вот глубоко в недрах земли прокричал петух, ржаво-красный кочет владычицы Хель, и крик его всколыхнул нижние миры. В Ётунхейме прокричал багряный кочет Фьялар, и по его

крику поднялись великаны. Высоко в Асгарде тоже прокричал петух, золотой кочет Гуллинкамби, и крик его пробудил воинов в Вальхалле.

Из-под земли донесся лай. Это в пещере Гнипахеллир лаял Гарм, пес с окровавленной пастью. Карлики, услышав его, застонали в своих каменных темницах. Древо Иггдрасиль заскрипело всеми своими ветвями. Раздался скрежет: то великаны сдвинули свой корабль; и раздался конский топот: то собиралось воинство Муспелльсхейма.

Но Ётунхейм, и Муспелльсхейм, и Хель напряженно ждали. А вдруг волк Фенрир не сумеет порвать узы, которыми связали его обитатели Асгарда? Без него победа над богами невозможна. И вот затрещала скала — Фенрир вырвался на свободу. Во второй раз пролаял пес Гарм в пещере Гнипахеллир.

Тут земля задрожала под копытами конницы Муспелльсхейма, и хохот Локи потряс воздух, и затрубил рог Хеймдалля, и с грохотом распахнулись пятьсот сорок дверей, чтобы выпустить по восемьсот готовых к бою героев.

Тем временем Один держал совет с головою Мимира. Он поднял ее из глубин источника мудрости и с помощью известных ему чар заставил говорить с ним. Где асам, ванам и эйнхериям, героям Мидгарда, лучше всего встретиться с ратями Муспелльсхейма, Ётунхейма и Хель и как лучше сразиться с ними? Голова Мимира посоветовала Одину сойтись с ними в долине Вигрид и биться так, чтобы силы зла были уничтожены навеки, пусть даже ценой гибели его собственного мира.

Всадники Муспелльсхейма достигли Биврёста, радужного моста. Вот-вот они ворвутся в селение богов и предадут его огню. Но Биврёст подломился под тяжестью воинов Муспелльсхейма, и они не добрались до Асгарда.

Ёрмунганд, опоясывающий мир змей, восстал из моря. Воды хлынули на землю и смыли ее последних обитателей. Мощная волна подхватила два корабля — Нагльфар, который так долго строили из ногтей великаны, и ладью царицы мертвых Хель. Направляемый великаном Хрюмом, Нагльфар со всем воинством Ётунхейма на борту поплыл к месту последней битвы. Туда же Локи повел ладью из царства Хель, на которой находился Фенрир.

Поскольку Биврёст рухнул, асы и ваны, асини и дочери ванов, эйнхерии и валькирии двинулись к долине Вигрид через реку Тунд. Предводительствовал ими Один в золотом шлеме на голове и с копьем Гунгнир в руке. Тор и Тюр ехали бок о бок с ним.

В Мюрквиде, темном лесу, ваны сшиблись с полчищами Муспелльсхейма. С обломанного конца Биврёста сыпались на них

всадники в горящих латах, дышащие огнем. Там был Ньёрд со Скади, своей воинственной женой-великаншей, закованной в броню. Там была Фрейя. Рядом с Фрейром была Герд в боевых доспехах. Ослепительно сверкал меч Сурта. Столь же ярко сверкал только один меч в мире — тот, что Фрейр уступил Скирниру. Фрейр и Сурт схватились, и Фрейр пал в этой схватке, чего не случилось бы, будь у него в руке его собственный чудесный булат.

И в третий раз залаял Гарм, пес с окровавленной пастью. Он вырвался на свет и свирепыми прыжками помчался к долине Вигрид, куда боги стягивали свои силы. Громко лаял Гарм. На краю небес клекотал орел Хресвельг. И вот небо раскололось, и древо Иггдрасиль потряслось до самых основ.

Туда, где боги выстроили свои рати, приплыли корабли из Ётунхейма и из царства Хель, прискакали всадники Муспелльсхейма и прибежал Гарм, пес с окровавленной пастью. А из моря, подступившего к долине Вигрид, выполз змей Ёрмунганд.

Что же сказал Один богам и героям, сплотившимся вокруг него?

— Мы отдадим наши жизни и позволим уничтожить наш мир, но будем сражаться так, что злые силы сгинут вместе с нами.

С ладьи Хель соскочил волк Фенрир. Его пасть была так широко разинута, что нижняя челюсть мела землю, а верхняя скребла небо. На бой с волком вышел Один Всеотец. Тор не мог подсобить ему, ибо должен был схватиться с Ёрмунгандом, мировым змеем.

Волк Фенрир растерзал Одина. Но тут подоспели более молодые боги. Молчаливый ас Видар спрыгнул со своего коня прямо перед носом Фенрира. Поставив ногу в сандалии, сшитой из обрезков кожи, которую припасали для него башмачники, на нижнюю челюсть волка и упершись руками в его верхнюю челюсть, он порвал ему глотку. Так околел Фенрир, самый ярый из всех врагов Асгарда.

Чудовищный змей Ёрмунганд затопил бы все вокруг своим ядом, который он уже приготовился изрыгнуть, если бы Тор не размахнулся и не сокрушил его Мьёлльниром. Нанеся удар, Тор отскочил на девять шагов, но змей успел плюнуть на него, и, ослепленный, задыхающийся и обожженный, защитник мира скончался.

Локи сцепился с Хеймдаллем, стражем радужного моста и хранителем богов. Он сразил Хеймдалля, и сам был сражен им.

Храбро бился Тюр, ас, пожертвовавший своей правой кистью, чтобы пленить Фенрира. Храбро бился он, и много исчадий зла

приняли смерть от его левой руки. Но Гарм, пес с окровавленной пастью, загрыз Тюра.

И тут в вихре пламени, сверкая латами и мечами, в долину ворвались всадники Муспелльсхейма. Сурт метнул на землю огонь, и он побежал по стволу древа Иггдрасиль к его могучим ветвям. Мировое древо вспыхнуло и умерло в пламени. Но страшный огонь, который Сурт принес на землю, спалил и его самого, и его войско.

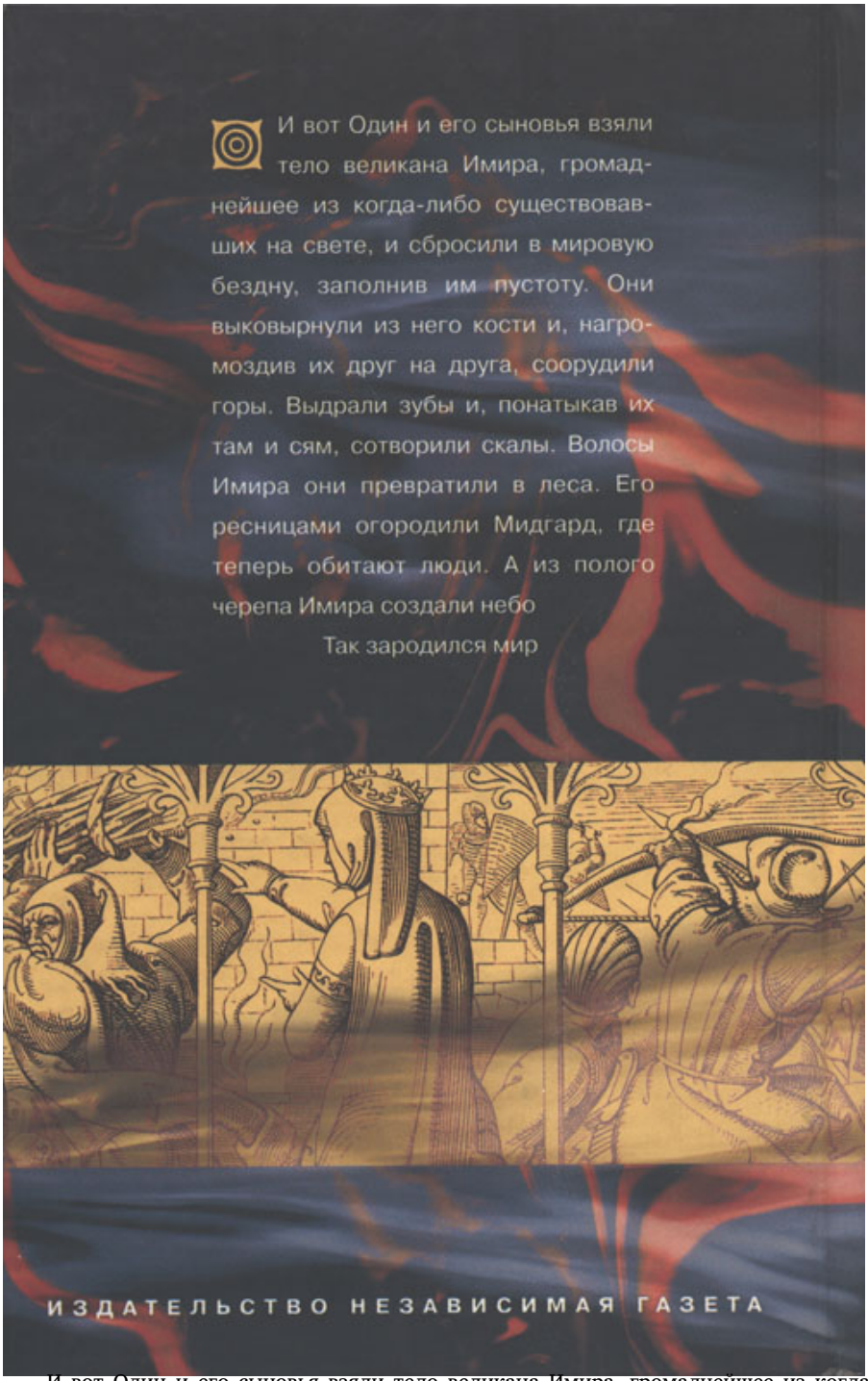
Волк Хати догнал солнце — Соль, а волк Манагарм луну — Мани. И исчезли Соль и Мани в их утробе. Звезды попадали с неба. Мир погрузился во тьму.

Море накрыло сожженную и опустошенную землю, и над ним нависло черное небо, потому что не было больше Соль и Мани. Но в конце концов воды схлынули и вновь явилась земля, зеленая и прекрасная. Новое солнце и новая луна засияли на небе — дочь Соль и дочь Мани. И за ними не гнались кровожадные волки.

Четверо младших богов стояли на высочайшей из мировых вершин. Это были Видар и Вали, сыновья Одина, и Моди и Магни, сыновья Тора. Моди и Магни отыскали Мьёлльнир, молот Тора, и убили им чудовищ, все еще рыскавших по свету, — пса Гарма и волка Манагарма.

Видар и Вали нашли в траве послание старших богов — золотые дощечки с рунами мудрости. Там говорилось о небесах над Асгардом, не тронутых огнем Сурта, где правили Вили и Ве, Воля и Святость. Бальдр и Хёд выбрались из обители Хель, и боги сидели вместе на вершине горы и мирно беседовали, вспоминая о том, что было до Рагнарёка, гибели богов.

Двое людей пережили Рагнарёк. Огонь Сурта не коснулся их. Они спали далеко в глухом лесу, а когда пробудились, мир вновь был зелен и прекрасен. Питались они утренними росами. Это были женщина и мужчина, Лив и Ливтрасир. Они вышли из леса и народили детей, которые, тоже народив детей, заселили землю.


И вот Один и его сыновья взяли тело великана Имира, громаднейшее из когда-либо существовавших на свете, и сбросили в мировую бездну, заполнив им пустоту. Они выковырнули из него кости и, нагромоздив их друг на друга, соорудили горы. Выдрали зубы и, понатыкав их там и сям, сотворили скалы. Волосы Имира они превратили в леса. Его ресницами огородили Мидгард, где теперь обитают люди. А из полого черепа Имира создали небо
Так зародился мир
ИЗДАТЕЛЬСТВО НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА

И вот Один и его сыновья взяли тело великана Имира, громаднейшее из когда-либо существовавших на свете, и сбросили в мировую бездну, заполнив им пустоту. Они выковырнули из него кости и, нагромоздив их друг на друга, соорудили горы. Выдрали зубы и, понатыкав их там и сям, сотворили скалы. Волосы Имира они

превратили в леса. Его ресницами огородили Мидгард, где теперь обитают люди. А из полого черепа Имира создали небо.

Так зародился мир.